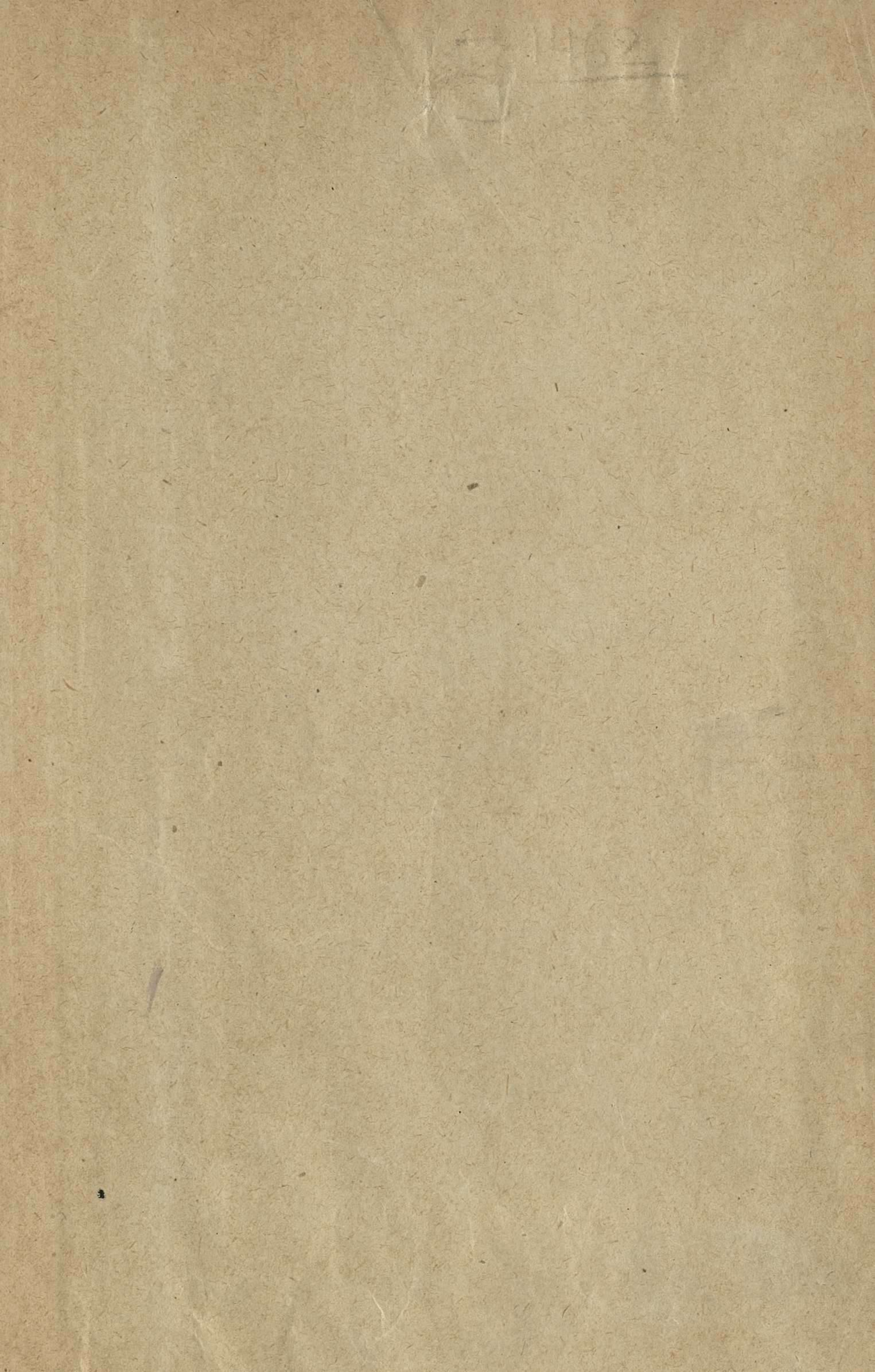

И 189/359
22

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

М. Я. ФЕНОМЕНОВ

СОВРЕМЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

ОПЫТ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ОДНОЙ ДЕРЕВНИ

Ч. II

СТАРЫЙ И НОВЫЙ БЫТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД — 1925 — МОСКВА

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

М. Я. ФЕНОМЕНОВ

СОВРЕМЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

ОПЫТ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ОДНОЙ ДЕРЕВНИ

(Д. ГАДЫШИ ВАЛДАЙСКОГО У. НОВГОРОДСКОЙ Г.)

Ч. II

СТАРЫЙ И НОВЫЙ БЫТ

(СОЦИАЛЬНЫЕ НАВЫКИ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА
1925

Гиз № 10216. Ленинградский Гублит № 11012. 13¼ л. Отп. 20000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Провести отчетливую грань между хозяйством и бытом — дело довольно трудное. Поэтому быт иногда неизбежно затрагивается в отделах о хозяйстве, и наоборот.

Отнюдь не ставя себе задачей выработать какое-либо новое и вполне точное определение термина „быт“, я, однако, считаю себя обязанным дать ответ на вопрос, что будет подразумеваться под бытом в настоящей работе и чем содержание второго выпуска будет отличаться от содержания первого выпуска.

В первом выпуске мы имели дело с главнейшими элементами деревенского хозяйства. Производственная (хозяйственная) деятельность заключается в том, что человеческое сообщество планомерно использует путем приложения труда те или иные блага природы с целью удовлетворения своих потребностей. В процессе изучения производственной (хозяйственной) деятельности мы неизбежно сталкиваемся с тремя элементами: 1) природные богатства, 2) орудия и способы работы и 3) сами работники (их хозяйственные навыки и организация)[1]. Рассмотрению этих элементов и был посвящен первый выпуск.

Во втором выпуске мы займемся рассмотрением социальных навыков деревенского населения, т.-е. будем изучать „поведение“ жителей деревни по отношению друг к другу.

[1]) Может казаться, что пункт второй (орудия) естественно входит в п. 3-й, так как определяется хозяйственными навыками. Но это не так: орудия производства, представляя собою овеществленный труд предшествовавших поколений, носят на себе печать старых навыков. Навыки наличных работников могут не вполне соответствовать наличным орудиям, будучи либо выше их (при прогрессирующей технической выучке), либо ниже (при падающей выучке).

Социальные навыки, в конечном счете, обусловливаются производственной (хозяйственной) деятельностью человеческих сообществ. Но хозяйственная деятельность эволюционирует; старые социальные навыки, созданные старыми производственными отношениями, становятся в противоречие с новыми формами производства, повелительно требующими усвоения новых навыков. Этот конфликт в общественном сознании представляется как борьба между старым и новым бытом.

Современная деревня несомненно переживает эпоху борьбы нового быта со старым. Как примирить этот факт с не менее несомненным фактом застоя и даже местами регресса в крестьянском хозяйстве? Не оказывается ли в этом случае сторонник исторического материализма бессильным объяснить явления окружающей жизни? Не действует ли здесь „сознание" наперекор „бытию"?

Отнюдь нет. Те средневековые социальные навыки деревни, которые теперь отмирают, уже много десятков лет стояли в противоречии с новыми буржуазными хозяйственными отношениями. Они сохранялись лишь в силу инерции, но все больше и больше теряли под собой почву. Революция, разрушившая феодальные политические формы и разбившая инертность о-ва, тем самым нанесла удар старому быту. Новый быт (или новые социальные навыки), давно развивавшийся в скорлупе старого быта, сразу резко заявил о себе, как только скорлупа была сброшена. Производственным фундаментом этой бытовой революции является не хозяйственный регресс 1917—23 г.г., а хозяйственный подъем конца XIX и начала XX в.в.

Нынешний же упадок хозяйства еще не успел сколько-нибудь заметно сказаться на социальных навыках деревни. Не надо забывать, что быт всегда отстает в своем развитии от производства. Натурализация крестьянского хозяйства после революции — дело сравнительно недавнее. Она повела пока только к возрождению средневековых *хозяйственных* навыков (например, возрождение домашнего ткачества, самогон). Если бы она установилась на десятки лет, она несомненно привела бы также к полному возрождению старых *социальных* навыков и укреплению старого быта[1]).

[1]) Такой процесс возрождения феодализма и патриархального быта переживала в большом масштабе деревня Римской Империи во II — IV в.в. нашей эры, когда денежное хозяйство уступило свое место натуральному.

Но на наших глазах натуральное хозяйство деревни снова сменяется денежным. Поэтому влияние хозяйственного застоя революционных лет скажется не в возрождении старого быта, а лишь в замедлении процесса вытеснения старого быта новым.

Вот этот-то процесс вытеснения старого быта деревни новым бытом, старых социальных навыков деревни новыми социальными навыками я и намерен рассмотреть во втором выпуске. При этом главное содержание выпуска составит документальный фактический материал, в частности песни и частушки, собранные и гармонизированные моей женой В. А. Феноменовой.

Выпуск естественно разбивается на два отдела: в первом мы рассмотрим взаимоотношения жителей деревни в рамках разного рода социальных объединений: семья, община, волость, партийные организации; во втором рассмотрим те продукты социальных взаимоотношений деревни, которые не укладываются в рамки указанных социальных ячеек, так как образуются на более широком социальном базисе и действуют на неопределенно-широкую среду. Я имею в виду *язык, творчество, мировоззрение.*

При рассмотрении каждого элемента быта я буду по возможности оттенять не только процесс смены старого новым, но и местные краевые особенности как старого, так и нового быта.

Рассмотрение быта будет попрежнему вестись главным образом на материале одной деревни.

Планомерное изучение хозяйственной и бытовой эволюции прилегающего к деревне района с древнейших времен составит содержание третьего выпуска, который будет озаглавлен: „История деревни".

М. Феноменов.

I. СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ.

1. Отношения между молодежью.

Когда внимательно присмотришься к отношениям между молодежью в Гадышах и в соседних деревнях, то приходишь к заключению, что в Новгородской губернии парни и девицы (или, как теперь больше говорят, „кавалеры и барышни") более свободны в отношениях друг с другом, чем в хорошо известных мне Орловской и Калужской губерниях. Там — на виду парни держатся в стороне от девиц. Здесь афишируется публичное гулянье парочками. Сказывается ли здесь более сильное на северо-западе влияние городского и фабричного быта или сам старинный уклад жизни здесь был иной, на это категорически ответить трудно. Возможнс, что влияет то и другое. Во всяком случае, больше оснований считать известную свободу в отношениях между парнями и девицами исконным местным бытовым явлением. Несомненно, что зимние „пóседки" („поситки", „посетки", „посидки") или „беседы" — обычай старинный и притом обычай северный [1]), а как раз на поседках и происходит сближение парочек. Об этом выразительно говорят современные частушки:

1) Не ходи-тко, милый, на беседу,
Не садись рядóм меня:
Люди знают и расскажут,
Что — девочка — люблю тебя.

2) На мои веселы песенки
Не стало игроков:
У моей у черной прялочки
Не стало седоков.

Посидки начинают устраивать с осени и продолжают до масленицы. Обычно посидки устраиваются поочереди в избах крестьян, у которых есть взрослые девицы. Те, у кого тесно в избе, снимают помещение у соседей; снимают всегда не за деньги, а за работу; отрабатывает сама девица летом (жнет, молотит и т. п.). На посидки девицы собираются вечером, после раннего ужина. Здесь они прядут, сидя на лавках и на скамье; поют короткие

---

[1]) Иногда для посидок девицы снимают на зиму избу у какой-нибудь вдовы. В последние годы в Гадышах так именно и делали.

песни. Парни приходят на посидки с гармоньей, балалайкой и присаживаются к девицам; часть садится к ним на колени, некоторые располагаются прямо на полу, а во время танцев становятся к стене. С приходом парней начинаются танцы, но девицы не прерывают работы: потанцуют и опять за прялку. Посидки продолжаются до 12 часов, когда девицы расходятся домой, а парни провожают своих знакомых до дому. Дома девицы выпьют молока или перекусят чего-нибудь другого, если им оставили [1]), и ложатся спать. На посидках же никакого угощения не бывает: разве девица продаст (это бывало раньше) тайком куделю и купит гостинцев.

В общем на посидках царит трудовая атмосфера. Плохо-плохо девица за вечер напрядет два початка, а хорошая прядильщица напрядет и 5 — 6 початков. Правда, иной раз парни пытаются сорвать работу, и некоторые озорники поджигают у девиц куделю; но это — исключительные случаи. Девицы реагируют на подобные выходки своих ухажывателей довольно решительно: выхватывают из-под себя прялку и хлещут ее „хвостом" озорника „по морде". Обижаться на такую расправу не в обычае: сам виноват, — зачем жег куделю, зачем мешал работать.

Насколько мне известно, на юге, где устраиваются *посиделки* (например, в Рязанской губ.), они проходят более шумно и менее трудолюбиво. Вот, например, любопытное описание посиделок (они называются здесь, именно „посиделками", а не „посидками"), сделанное одной из школ Раненбургского уезда. Прежде всего посиделки здесь устраиваются не поочереди у девиц, а только в наемных избах. Затем, посиделки обычно сопровождаются пиршеством, для которого девицы тайком от матери тащат из дому пшено, муку и другие продукты. Собравшись вечером, они толкут пшено и пекут из него блины и блинцы. Приходят парни, — и девицы с ними вместе отправляются „красть в соседние погреба сметану, молоко, капусту, огурцы, яблоки и берут все, что там есть". Сметану и молоко берут с собой, а остальное кладут у двора того же хозяина. „Остатками сметаны и молока они обливают тому же хозяину окна, а горшки надевают на колья или ставят на дороге. Оставшиеся от ужина щи они выливают на стены и на дверь соседям". Работать садятся после ужина; прядут лен, коноплю,

---

[1]) Иногда приходится ложиться спать и голодными. Об этом выразительно говорит одна известная мне частушка, правда, рязанская, а не новгородская:

Пришла с улицы —
Все поели,
И горшок
На кол надели.

Бывает это и после „посидок".

охлопье, шьют или вышивают. Но „парни не дают им работать и иногда сжигают кудели с хлопьями. Тогда девицы бросают свою работу и поют песни“. „Затем заиграет гармония, девицы и парни пляшут с частушками“. „Около полуночи парни идут домой, а девицы натаскают соломы, настелют на полу и ложатся спать. Какие-нибудь две девицы сговорятся долго не спать и, когда остальные девицы уснут, они встают, зажигают огонь, берут иглу с ниткой и сшивают всех друг с другом“. (Из работ Урусовской школы Гагинской опытной станции Наркомпроса, цитирую по рукописи.)

Налет бесшабашного озорства, совместный ужин и обычай совместного спанья девиц — отличают рязанские посиделки от новгородских посидок. В подмосковном районе посиделок давно уже нет; девицы работают дома (пряденья здесь мало), а для вечеринок зимой уже не девицы, а парни снимают дом, куда в определенные дни и приглашают знакомых девиц на танцы (Коломенский у. дер. Сандыри). Во многих местах в народных домах устраиваются вечера и спектакли, где проводит время молодежь.

В общем гадышевские и вообще новгородские „посидки“ — явление довольно архаичное. Архаична прежде всего производственная основа „посидок“ — пряденье на веретене. В связи с этой производственной основой девицы являются хозяйками: расходуются на „посидки“ исключительно они. Переход к найму дома для вечеринок на средства парней — большое новаторство. О чем-либо подобном в Гадышевской округе не слышно. Спектакли и вечера в народном доме также не пришли еще на смену посидкам. Но в то же время элементы городского быта проникли в самые „посидки“. „Длинных“ старых песен не поют, поют частушки; плясок и „короводов“ не водят, танцуют переделанные на деревенский лад городские танцы: „лансье“, „кадриль“, „цыганочку“.

В летнее время место посидок занимает улица. Здесь происходит гулянье. В горячее рабочее время (жниво, покос) гуляют только по праздникам, в остальное время и по будням, вечерами после 9 часов. Летом в праздники народ „ходит табуном“ по улицам. Группы парней с гармоникой, группы девиц; парочки в обнимку. Обычай ходить обнявшись очень распространен. Сближение ведет к ухаживанию, к романам. Если говорят, что парень „гуляет“ с девушкой, это значит, что он или только ухаживает за девушкой („гуляет по дням“), или же находится в связи с ней („гуляет по ночам“). Для обозначения любовной связи между парнем и девицей употребляются еще термины „знако́м“, „знакома“. („Петька знаком с Нюткой“ и т. п.) „Гулянье“ обычно кончается свадьбой. Но случается, что девушка „гуляет“ с одним, а выходит замуж, по настоянию родных или по собственному

капризу, за другого. То же и еще чаще бывает с парнями. В последнем случае их возлюбленные или остаются с ребенком на руках, или делают аборт. Большой свет проливают на отношения молодых людей друг с другом здешние частушки. В них можно подметить любопытную особенность, которая бросается в глаза нам, людям городской европеизированной культуры. Более активной стороной в ухаживании является не мужчина, а женщина (при „знакомстве“ мы видим обратное). Это проявляется в быту [1]), это отражается в частушках. В женских частушках мы найдем отражение всех мельчайших оттенков любовных переживаний, — видно, что в „гулянье“ девица вкладывает значительную часть своей души. Частушки мужские — всегда насмешливы, иногда циничны: отражения любовной тоски или рыцарского преклонения пред предметом любви мы в них не найдем [2]).

„Гулянье“ — вещь обычная. Однако это не значит, что пред теми, кто гуляет, особенно перед девицами, нет препятствий. Первое препятствие — семья.

Вот что говорят об этом женские любовные частушки:

Отворила бы окошечко,
Петелечки скрипят, —
Поговорила бы с тобой, паичка [3]),
Родители не спят.

Родима маменька моя
Кричала ужинать меня;
Она не ужинать домой. —
Не любой приятка мой“ [4]).

---

[1]) Девицы дарят парням платочки; отдаривание не обязательно; девицы собирают в Петров день парням яица на яичницу; парни отдаривали за это раньше конфектами, но в теперешнее время, так как конфект не достать, — ничем не отдаривают.

[2]) Вообще особого уважения к женщине мы в Новгородской губернии, как и всюду, не наблюдаем. Мне пришлось однажды быть очевидцем такого случая: толпа парней и подростков осаждала дом, где ночевали две девицы из Городка. Ночевали они у своей землячки, замужней женщины. Мужа не было дома, оставались одни женщины, поэтому парни вели себя свободно: они кричали в окно всякие непристойности, вызывая девиц к себе „гулять“. Наконец один из них, сняв каким-то образом запор, проник в дом. Правда, на этом дело и кончилось. Произведя переполох, парень тотчас же и убежал, раньше чем его узнали. Любопытно, что подобное поведение парней, повидимому, не было неприятно девицам, хотя они и осуждали его вместе с хозяйкой дома: ведь, все же это, как-никак, своего рода ухаживание, а ухаживание — льстит. Трудно сказать, подали ли девицы со своей стороны повод к сделанному набегу.

[3]) Милый, любимый.

[4]) Ср. Черепов. част.: „Отвори, мама, окошечко:
Головушка болит!“
— Не обманывай, подлянка,
За окном парень стоит!“
(Юн. Краевед. — Череп. Пед. Техн.)

„Приятка“ может быть не любым или потому, что является плохой партией, или же по более элементарным хозяйственным соображениям, которые вскрываются в одной из частушек:

Маменька ругается,
Куда платки деваются;
Сама не догадается,
Что милый утирается.

В самом деле, молодежь своим „гуляньем“ наносит ущерб хозяйству. Главные разорители, конечно, парни [1]), которые тратят отцовское добро на водку или на самогонку. Но наносят ущерб хозяйству и девицы, хотя бы тем, что слишком щедро дарят парням те же платки:

Пять платочкэв вышивала,
Из пяти себе один.
Я четыре раздавала
Деревенскиим своим. (Женская частушка.)

Другой неприятностью для влюбленной девицы является „слава“. Правда, гулять не зазорно, зазорно только быть знакомой с парнем. Но не всегда можно безошибочно решить, до какой границы дошли отношения влюбленных. Злые же языки склонны пустить дурную славу про девицу. Особенно много бывает славы тогда, когда девица гуляет со своим деревенским:

Кто с колодца воду носит,
Тот и досыта попьет.
Кто в своей деревне любит,
Тот во славы пропадет.

Про меня про молоду
Девята слава на году.
Славушка девятая, —
Никем не виноватая.

На пересуды соседей и запреты семьи разные натуры реагируют по-разному: одни склоняются перед „судьбой“:

На берегу цветочек розочка
Ровняется с водой.
Верно, судьба не дозволяет
Гулять, беленькой, с тобой.

---

[1]) На что мы пьем, на что гуляем,
Где мы денежки берем.
Тятьку с мамкой спать уложим, —
Сами в житницу пойдем, —
говорит одна из мужских частушек.

Другие идут напролом:

Говорите что хотите:
Меня не прославите.
Мои серенькие глазки
Плакать не заставите.

Говорите что хотите, —
Буду девочка терпеть,
До последнего резону
Буду с паичкой сидеть.

Я с улыбочкой родилась,
И горюшку не нять.
Из-за тебя, мой росхорошенький,
Придется пострадать.

Для влюбленных парней есть еще одно препятствие — это междудеревенская рознь молодежи.

Я уже говорил, что девицы чаще всего гуляют с своими деревенскими парнями. Однако, конкурентами последних являются и парни соседних деревень. Девицы оказывают им внимание или в силу бессознательного чувства:

У забавочки рубашка —
Бело-розовый сатин.
Полюбивши мне девчоночки
Из волости один,

или в силу желанья избежать „славы“:

Сошью кофту белую,
Стеклярусом отделаю.
В своей деревне не люблю, —
Девчонка ланно [1]) делаю,

или, наконец, потому, что свои парни девицу обходят:

Кабы были серьги, бусы
Я сидела б без платка.
Кабы пришли чужи ребята,
Я нашла бы седока.

---

[1]) Ладно, хорошо.

Но ухаживание чужих ребят за деревенскими девицами не всегда проходит для первых безнаказанно. Деревенские парни считают это покушением на свои прерогативы и, как можно судить по частушкам, иногда отстаивают свои права силой:

На гулянье вы идете (рекомендует частушка)
Засучите рукава.
Наше дело молодое —
Не боимся топора.

На гулянье я иду,
Я ничем не дорожу.
Если голову проломят
Я платочком завяжу [1]).

К сожалению, точных данных о том, каковы были раньше эти междудеревенские драки парней, я не мог собрать. Говорят, что, когда была водка, дрались нередко. Но в какой мере эти драки были драками определенных соперников из-за женщин, в какой мере в них отражалась старинная групповая вражда соседних деревень, сказать трудно. Сейчас мы только имеем в частушках отражение и этих драк, и архаической междудеревенской розни. Последнюю характеризуют, например, такого рода насмешливые гадышевские частушки про соседнюю деревню „Городок“:

1) Городок стоит на горки,
С табаком пекут кокорки [2])
Лаптем воду наливают,
Не солены щи хлебают.
2) Городок-то на горы, —
С тараканам пироги.
Сени не мощеныи [3]),
Ребята не хрещеныи.

В настоящее время в Гадышах я не имел случая наблюдать больших драк с парнями других деревень из-за девиц. Но еще летом 1923 г. мне пришлось в поезде услышать интересный рассказ о только что происшедшем кровавом побоище между парнями деревень Починки и Горки на празднике в деревне Подлипье около ст. Бологое II. Починские парни пришли первыми на праздник и большею частью разошлись по домам. На улице оставался стар-

---

[1]) Сравни рязанскую частушку: Вы гагарински ребята,
Приходите к нам гулять:
У нас *колушки* готовы,
Еще *камушков* набрать.

[2]) „Кокорками“ называют здесь ватрушки с картофелем вместо творогу.

[3]) В городке, действительно, мы встречаем не мощеные — только не сени, а гумна.

ший из них, мастер плясать. Горские подошли как раз тогда, когда он плясал в кругу и, очевидно, имел успех у девиц. Горские начали драку, и один из них нанес починскому кинжалом рану в живот. Подростки в поезде говорили, что у раненого выпали кишки, но он все-таки добежал до избы, где тут же и умер. Весть об этом быстро разнеслась, починские схватили колуны и ключи, которыми привинчивают гайки у рельс, и погнались за горскими, которые уже „навострили лыжи“ домой. В новом побоище победа осталась за починскими: несколько человек горских, тяжко избитых ключами, были доставлены в больницу [1]). В Гадышах подобных случаев давно не бывало: ссоры из-за девиц, даже с парнями чужих деревень, здесь бывают индивидуальными, а не групповыми. Но мне пришлось здесь встретиться с обычаем, который с несомненностью говорит о каких-то групповых правах парней деревни на всех девушек деревни. Я имею в виду так называемый „мячок“. Мячок — это выкуп в пользу всех парней деревни. Его платит жених, если он из чужой деревни, парням той деревни, откуда он берет невесту. „*Мячок*“ дают тогда, когда жених перед свадьбой последний раз едет к невесте. Парни с женихом торгуются: с бедного берут *бутылки 2* водки, с зажиточного — *четверть*, а с богатого — и все полведра. В Рождестве норма — $^1/_2$ ведра водки или самогонки и 1 — 2 ведра пива. Водка может быть заменена деньгами по ее рыночной стоимости. Если жених не дал „мячка“, то парни не дадут ему кататься по своей деревне на масленой. А по обычаю, в первый год женитьбы муж должен везти молодую на масленой в ее деревню кататься. Во время продовольственного кризиса обычай давать „мячок“ не выполнялся. Теперь с появлением продажной самогонки его выполнение опять стало возможным. И вот в праздник (16 августа ст. ст. 1922 г.) в Гадышах я был свидетелем такой картины: три пьяных гадышевских парня лезли в драку тоже с пьяным молодоженом из соседней деревни. Оказывается, они требовали с него задним числом „мячок“ за то, что он три года тому назад женился на девице из Гадышей, не дав ничего гадышевским парням.

[1]) В с. Рождестве летом этого же года была большая драка между парнями поселка „Рождество барское“ и скоковскими ребятами. Скоковские были недовольны рождественскими потому, что те в их праздник, на троицу, пришли к ним в гости и их же поколотили. Желая отомстить, скоковские на рождество богородицы (21 сент. нов. ст.) пришли с кольями („со стягам“ как здесь говорят) поколотить рождественских. Но в Рождестве быстро собралась „тьма“ парней и мужиков, тоже „со стягам“, и скоковские побежали обратно: их было 5 человек, а противников 20. Все участники этого благополучно окончившегося сражения были, разумеется, пьяны. В этом случае сексуальной подкладки вражды нет, но следы междудеревенской розни, весьма похожей на родовую вражду, выступают ясно.

Выкуп за невесту в пользу деревенских парней мне представляется тоже архаизмом. Думаю, что ярые сторонники теории Моргана могли бы на основании этого обычая прямо заключить, что в Гадышах существуют несомненные пережитки группового брака: все девушки известного поколения были женами всех парней того же поколения („ро̀вней“ или погодков), и вот за отказ от своих супружеских прав в пользу чужака [1]) теперь взимают мячок. Мы не будем делать подобного заключения и обратимся просто к анализу фактического материала о добрачных связях.

В противоположность брачным связям (см. вып. 1 об экзогамии), добрачные связи носят почти исключительно внутридеревенский характер. Вопрос о добрачных отношениях между молодежью имеет большое научное значение, и постараться хоть несколько осветить эту деликатную область быта на основании углубленного изучения деревни было бы очень заманчиво. К сожалению, здесь приходится констатировать полную невозможность углубленного исследования для человека, постороннего деревне. Только тот, кто слился с деревней, только тот, кто не просто „знает“, но и „переживает“ ее быт, может с полной достоверностью и ясностью описать самые интимные стороны деревенской жизни. Надо ждать мемуаров крестьян [2]). Пока же здесь возможно только сообщить итоги довольно случайных наблюдений. Деревенские частушки позволяют сделать предположение, что отношения между парнями и девицами часто выходят за пределы невинного ухаживания:

Уж ты, милашечка, не бойся,
Что я брошу тя любить.
Будут ночки потемнее —
Ночевать буду ходить

поется в мужской частушке. В одной из женских частушек (см. там же IV, 20, 10, 11) мы находим намек на то, что подобное предложение влюбленного парня иногда встречает благосклонный прием.

Когда была я маленька,
Стлала постельку маменька,
А теперя выросла —
Постелю в сени вынесла.

(См. там же I, 86; 1, 99.)

---

[1]) Если жених из своей деревни, мячок дают редко, так как парни и без того гуляют у жениха.

[2]) Хотя, вероятно, крестьяне, которые оставят мемуары, будут не похожи на тех, кого мы хотим изучить.

Чтобы оценить значение последнего стиха, надо принять во внимание, что обычай взрослых девиц спать летом в холодных сенях, в холодных избах, в сараях облегчает доступ к ним для влюбленных. Если верить рассказам парней, то победы их над девицами весьма часты. Мне пришлось слышать хвастливый рассказ парней про одну из деревень, лежащую к югу от Гадышей, за станцией Фирово. Там, будто бы, при встрече матерей первым делом всегда задается вопрос: „А твоя-то начала по сараям ходить?“. — „Да, как же, начала“. И „ходят по сараям“ там, будто бы, все. Несомненно, что в этих хвастливых рассказах есть большая доза преувеличения. Несомненно, что в деревнях Гадышевской округи большинство девиц не позволяет себе переступать в своих добрачных отношениях с мужчинами определенной черты. Однако, из этого правила можно, при внимательном изучении деревенского населения, указать не мало исключений. В Гадышах мы знаем 8 случаев общеизвестных добрачных связей, от которых произошло потомство, и 3 случая тоже общеизвестных связей, закончившихся абортом. Вот перечисление указанных случаев в хронологическом порядке.

А. Внебрачные и добрачные рождения.

1) (См. генеалогию Пестрикова края № 3, примечание.) Мать внебрачных детей — их было двое — крестьянская девица; отец неизвестен; дети, подросши, стали жить „по людям“: один в кучерах, другой на заводе; с Гадышами связь порвали.

2) (Генеалогия Барановского края № 12.) Мать внебрачных детей — дочь дворового, отец неизвестен: сын остался в Гадышах, был сапожником, недавно умер. Двор его считается зажиточным, и он породнился с самыми богатыми дворами деревни.

3—4) (См. Барановский край, генеалогия № 5.) Мать внебрачных детей имела связь сначала в Гадышах с управляющим. От него она имела дочь, которую учила в гимназии и выдала замуж за чиновника. Она же, живучи в Петрограде, где ее сестра сначала была прислугой, а потом вышла замуж за чиновника, имела связь с инженером. Ребенка взяла на воспитание интеллигентная семья. Он сделался фотографом-художником и иногда приезжал в деревню к родной матери, хотя был довольно холоден с ней. Сейчас, кажется, умер.

5, 6, 7) (Генеалогия Пестрикова края № 14). Три внебрачных рождения в одной семье. Матери внебрачных детей — сестры Александра и Авдотья — дочери бывшего дворового. Отцы неизвестны. Две дочери Александры, теперь уже невесты, уехали

с матерью на юг во время голода, мать умерла, они там остались. Дочь Авдотьи — 8-летняя Груня — живет в Гадышах с матерью и дядей.

8) Один случай описан нами ниже в отделе „Аборты“ (см. генеалогия Пестрикова края № 9, двор № 5 — мать ребенка и генеалогия № 5 Баран. края, дом № 13 — отец ребенка).

9) Последний случай — большая тяжелая драма. Молодая вдова Дуня (см. генеалогия Пестрикова края № 5, примечание), бездетная, вернулась в Гадыши к родным; первый раз ее выдали старики дядья против воли; вторично она решила выйти только по своему желанию, поэтому многим женихам отказала. В 1923 году она сошлась с молодым парнем (Пестриков край, двор № 23) и забеременела. Парень ее любил, и они летом, в июле, собрались венчаться. Под день свадьбы жених пошел в Баталино с товарищем за покупками, выпил, лег на обратном пути на полотно отдохнуть и был раздавлен товарным поездом. Ребенок родился внебрачным. Семья жениха отказалась его усыновить, хотя об этом поговаривали.

Б. Аборты.

Из трех известных мне случаев аборта все относятся к последним годам. Один — очень шаблонный: парень из богатого дома (№ 2 Бар. кр.) гуляет с девицей из бедного дома; (№ 23 Пестр. кр.), она беременеет и делает аборт; связь продолжалась несколько лет, о ней знала вся деревня, и абортов было несколько. В прошлом году этот парень бросил девицу и женился на богатой невесте из соседней деревни. Случай типично „буржуазный“.

Другой случай является любопытнейшим образцом похождений деревенского дон-жуана — „середняка“. Вообще мы должны отметить, что в последние годы случаев обольщения деревенских девиц титулованными и привилегированными дон-жуанами мы не знаем. Социальный состав соблазнителей демократизируется: в середине XIX столетия в этой роли выступали по преимуществу представители „благородного дворянства“, в конце столетия их вытесняют „буржуи“ (инженер, управляющий), а в начале XX вся знать в этом отношении в Гадышах сходит со сцены: соблазняет свой брат, свои деревенские дон-жуаны. Некоторые из них, можно сказать, набили руку в этом деле и с успехом соблазняют одну за другой по нескольку девиц. Так, один забубенный парень из Пестрикова края увлек богатую невесту из Барановского края, но жениться на ней не захотел и покончил дело тем, что стащил у ее приемного отца новый хомут и что-то из сбруи. Девица сделала аборт, была весьма сильно бита и с горя вышла замуж за другого (взяли во двор бедного парня). Тем временем похититель хомутов и девичьей

чести соблазнил другую неосторожную девицу (отмечено выше под № 8-м внебрачных рождений), которая, в довершение несчастья, опоздала сделать аборт. Родился ребенок. Парень отказался жениться и не признавал себя отцом ребенка; девица и ее родители подали в народный суд. Приговор суда был неожиданным, так как вообще в деревне смотрят сквозь пальцы на подобные проделки парней. Судья приговорил дон-жуана к ежемесячной уплате некоторой суммы на содержание ребенка. Эта сумма показалась парню и его семье настолько большой, что они решили пойти на мировую и покрыть грех женитьбой, от чего отказывались перед судом.

Теперь семья невесты и сама невеста сделали вид, что они не хотят брака. Но скоро договорились, и дело кончилось в июле 1923 г. свадьбой.

Надо заметить, что случай с Ольгой (так зовут героиню последнего романа) заставил многих девиц пожалеть о том, что они сделали аборт и тем самым потеряли вещественное доказательство, — ребенка, — которое могло бы быть с успехом применено на суде против изменившего любовника. Вообще приговоры народных судов по делам о внебрачных детях заставляют подтягиваться парней. Женщины в деревне благодаря этим приговорам поднимают голову, чувствуя вообще, что они не беззащитны [1]). Парни начинают опасаться бросать девиц, с которыми прижит ребенок. Систематическое проведение судебной охраны прав девицы-матери могло бы сыграть роль средства борьбы с проникшими в деревню абортами.

Последний известный мне случай аборта весьма любопытен как потому, что он связан с делом о разводе, так и потому, что в нем действующим лицом является передовой человек д. Гадышей, Н. Т—в, молодой хуторянин, бывший в бытность свою на военной службе коммунистом.

Т—в был „знаком“ с Настей Б—ой. Она забеременела от него, сделала аборт. Между тем, Т—в, как говорят, по настоянию матери, женился на девице с Градобиц. Прошло несколько месяцев, и Тутаев, чувствуя антипатию к своей молодой жене, отослал ее к отцу, а к себе на хутор взял Настю. С женой он развелся, а с Настей „расписался“, а потом и повенчался. Так эта внебрачная связь, приведшая к аборту, закончилась законным браком. Нельзя не отметить, однако, что этот факт, несомненно, нового быта, по старому тяжело отразился на обеих женщинах. Одна — произвела выкидыш, конечно, очень примитивными средствами (я не знаю, есть ли у них теперь дети). Другая — ни с того

---

[1]) Если, — говорят замужние бабы, — за незаконных детей так строго взыскивают, то нам за законных должны еще больше мужья платить.

ни с сего — попала в категорию разводок. Впрочем, говорят, она легко переносит свое положение, „гуляет с девкам“ и, вероятно, выйдет замуж [1]).

Бывают, впрочем, случаи, когда добрачные связи не приводят ни к внебрачным рождениям, ни к абортам, а кончаются браком еще раньше обнаружения „греха“. Такого рода добрачные связи, в сущности, очень близко подходят к браку увозом. Брак увозом против воли родителей изредка практикуется здесь, — один случай такого брака был в Гадышах: М. В. Большаков увез свою первую жену из богатого дома Карповых. Случаи брака увозом или ухода бывают и теперь (см. приложения). Смягченной формой брака увозом является добрачная связь. В самом деле, если родители девушки считают ее возлюбленного слишком плохой партией, то ей остается только сойтись с ним без венчания. Это лучшее средство добиться немедленного разрешения от родителей. Обыкновенно родители наказывают своевольницу тем, что дают ей меньше приданого. И вообще они не забывают этого случая, всегда подчеркивая в разговорах с знакомыми и с самой дочерью, что она теперь не имеет права пенять на бедность или другие неурядицы, так как сама захотела такой судьбы. Замалчивать факт подобной добрачной связи не принято, так как он почти совсем не считается зазорным.

Вообще здесь смотрят на добрачные связи снисходительно: девицу, покинутую любовником, брали и берут замуж довольно охотно. „У нас это ничего, в нашем месте берут“, — вот отзыв местных крестьянок. Поэтому, если девицы и вытравляют плод, то главным образом по экономическим соображениям, чтобы не кормить ребенка.

Увеличилось ли теперь число внебрачных рождений? Местные люди говорят, что нет. „Сейчас в Гадышах девки стали лучше, — говорила мне служившая некоторое время при рождественской больнице сиделкой У. М. Стуколова, — а раньше все рожали да вытравляли“. — Почему же так? — „А потому, что здесь, в Гадышах-

---

[1]) В Градобицах был аналогичный случай. Парень, сын крестьянина Григория Емельянова, пришел с войны. Так как Г. Е. вдовец, то он поспешил сына женить на одной девице с Городка. Сын прожил месяца 3 с женой (я как раз, будучи в Градобицах по делам, видел его жену), — вдруг приехала, как говорят здесь, „из Польши“, а на самом деле из наших западных губерний жена парня, на которой он женился, будучи на службе. Он думал, что она его не найдет, но она нашла и прочно водворилась в доме. Жену с Городка, несмотря на протесты отца, парень отослал обратно. Положение подобного рода молодых разводок — по здешней женской оценке — не особенно важное: ни баба, ни девка. Обычно они ведут образ жизни девичий: „гуляют с девкам“, а не „сидят с бабам“. Гуляют потому, что „ведь замуж-то выйти хочется“.

в Рождестве, когда строили дорогу, народу чужого было видимо-невидимо. А во время войны (гражданской) солдаты стояли по деревням. Так оно и велось поколенье-то. А теперь девки стали тише".

Изменилось ли заметным образом отношение к добрачным и внебрачном связям? Рассказы, помещенные в приложениях, покажут, что резких изменений нет. Вообще здесь, на севере, как-то легче мирятся с фактом рождения внебрачного ребенка, чем в деревнях южного земледельческого центра. Родители после первого пароксизма оскорбленного негодования оставляют дочь с ребеном при себе и даже иногда строят ей отдельную избу. Соседи относятся к матери-девице и к ее ребенку ровно и спокойно. Для внебрачных детей есть возможность выйти в люди, т.-е. добиться и богатства, и почета. Впрочем, сделать себе карьеру они могли раньше ремеслом, торговлей, службой, но не земледельческим трудом, так как земля передавалась здесь всегда по прямой мужской линии [1]).

Что же касается судебной охраны прав матери и ребенка, то эта охрана была бы новым делом, если бы проводилась систематически: рассказы, данные в приложениях, показывают, что покамест этого еще нет.

Когда мы вообще станем внимательно присматриваться к здешнему быту, то увидим много старого в новом и нового в старом, но не увидим отчетливо разграниченных пластов старого и нового.

Особенно это верно по отношению к добрачным и внебрачным связям. Возможно, что свобода нравов, наблюдаемая здесь, совсем не новое, а очень-очень старое. И возможно, что развитие женского самосознания приведет в значительной мере к ликвидации этой свободы, которой на деле безнаказанно пользуются только мужчины.

Теперь два слова о последствиях половой распущенности — об абортах и сифилисе.

---

[1]) В виду этого внебрачные дети по большей части покидают деревни, когда подрастут. Вообще процент выселившихся из деревни после 1861 года, как я говорил в одной из предыдущих глав, в Гадышах очень не велик: на 88 дворов мы можем насчитать только 8 мужчин, основавшихся на стороне. Но как раз среди этих 8-ми — трое внебрачные дети. Из внебрачных детей мужского пола остался жить в деревне и добился известного благосостояния, даже богатства, только один (№ 30 Барановского края, по переписи генеалогия № 12). Остальные (генеалогия Барановского края № 5 и Пестрикова № 3) сделали карьеру на стороне.

Впрочем, и девицы внебрачного происхождения, ставши взрослыми, покидают деревню, может быть, для того, чтобы на стороне скорей выйти замуж (см. генеалогию Пестр. края № 14). В своей деревне, несмотря на отмеченную мной выше сравнительную терпимость местного населения, все же это сделать труднее.

По свидетельству местных жителей, аборты теперь очень распространены не только среди забеременевших девиц, но и среди баб. Детей иметь многие не желают. Аборты в Рождестве делал искусно покойник фельдшер и бабка — беженка („полька“, как здесь говорят). Делала и местная бабка, но неудачно: в прошлом году ее пациентка в Рождестве изошла кровью и умерла. Теперь, когда умер фельшер и уехала к себе на родину „полька“, делать аборты некому, так как акушерка принципиально отказывается их делать. Поэтому теперь детей ожидается больше прежнего.

Сифилис в Гадышах и в Рождестве есть только в 2—3-х домах. В Городке сифилитиков больше, а в Скокове, из 100 дворов только 30 здоровых. Сюда сифилис занесен солдатами во время войны. Сифилитиков избегают все девицы из окрестных деревень [1]), и в своей семье, если есть больные, то с ними не едят из общей чашки [2]). Однако, из дальних деревень, кто не знает, выходят за больных замуж: пока еще никто не ходит холостым из-за того, что был болен. Лечатся в больницах.

Повидимому, сифилис здесь все же менее распространен, чем в деревнях земледельческого центра.

2. Брак. Положение женщины, воспитание детей.

Не всегда девица выходит за того, с кем гуляла. Иногда родные не советуют. Иногда и сама девица принимает во внимание, помимо личной склонности, разные условия—хозяйственные и семейные. Ценится жених богатый и одинокий: хорошо, если он один сын, а еще лучше, если у него и матери нет, а есть только отец вдовец. Такой жених завидная партия даже и в том случае, если он не очень богат: ведь здесь невеста сразу становится полной хозяйкой в доме. Хорошо также, если у жениха нет сестер, и невеста может быть свекрови „заместо дочки“ [3]).

Браки по экономическим и семейным соображениям очень часты. Женят молодых сыновей, если умерла жена и нет в доме хозяйки.

---

[1]) Например, в Скокове рождественские девицы и парни, хотя бывают на празднике, но никогда не остаются чай пить и обедать и к себе в дом не зовут.

[2]) Поэтому, если бы кто из профилактических целей перестал в семье есть из общей чашки, все соседи перестали бы у него бывать, так как решили бы, что у них есть больные дурной болезнью.

[3]) Вот буквальная передача характеристики завидного жениха: „Один сын — шесть коров — семой бык, у матери дочки нету, заместо дочки будет“ (из рассказа гадышевской сторожихи Марьи Гнутелевой про ее племянницу).

Сами вступают во второй брак, чтобы было кому топить печь. Но все же взаимная склонность, как мне кажется, играет при заключении брака в Гадышах почти такую же роль, какую она играет при заключении браков в городе. Брак „*самоходкой*“ (см. выше, стр. 18) встречается здесь, хотя сравнительно редко. При браке самоходкой, как и в северном крае, свадьбу не празднуют (см. прилож. 1-е).

При заключении браков обычно дают приданое:

Не ругайтесь папка с мамкой;
Я немного хлеба ем.
Дайте тыщи две приданого,
И вам не надоем.

Цифра приданого поставлена, очевидно, уже после войны. До войны она едва ли часто доходила и до сотни рублей.

Обычай давать за невестой приданое для новгородской деревни является общераспространенным и давним. Обычая же давать вено или выкуп за невесту не существует. (От крестьян — беженцев Поволжских губерний, например Казанской, я слышал, что там выкуп за невесту дают и теперь.) Но зато существует обычай давать выкуп за невесту ее подругам, а также парням той деревни, откуда невесту берут („мячок“). Первый обычай является составной частью свадебного обряда, о втором говорилось выше.

Свадебный старинный обряд сейчас здесь не соблюдается; Брак заключается следующим образом: жених ездит свататься с крестной или с крестным и с товарищем. Если он ищет вообще невесту, а не имеет в виду определенное лицо, то, приехав в деревню, заходит к своим знакомым или к родне и расспрашивает про невест. Ему говорят, что вот такая-то хорошая девушка. Тогда он вечером идет на посидку, садится к намеченной девице и сговаривается с нею. Она с посидки, оставив жениха, идет к родителям; если родители согласны принять жениха, девица возвращается на посидку и приглашает жениха. Он приходит с товарищем и с крестной. Их угощают чаем с пирогами и закуской (у кого есть девки, те ждут женихов в мясоед, и всегда готовят что-нибудь лишнее). Когда гости закусят, то говорят, что приехали свататься. Жених просит за невестой корову, шубу. Если девка ему не очень нравится, то он запрашивает как ни можно больше. Отец отказывает, если ему не под силу. Тогда жених уезжает, а на другой день едет свататься к другой.

Если же невеста нравится жениху, он уступает, и тут же молятся богу. Впрочем, если родители невесты плохо знают жениха, они не молятся богу в этот день, а обещаются на другой день приехать к жениху дом смотреть. Смотрят дом днем, спрашивают „у суее-

дов", как жених живет и хорошего ли поведения. Если дом не понравится, отец тут же отказывает жениху, а если понравится, то вечером у невесты молятся богу.

В старину сам жених первый не ездил свататься, а посылал мать или отца с крестной. Если родители и невеста соглашались, то невеста давала „задаток" (шелковый или шерстяной платок), без платка сам жених, бывало, не пойдет свататься. (Старинный обычай при смотринах заставлять невесту прясть и показывать себя: не косорука ли, не хрома ли, — сейчас вышел из употребления.)

Когда, помолясь богу, жених едет домой, невеста садится с ним в повозку и провожает его до околицы. Дня через 2 жених приезжает „ее спроведать" и назначает день свадьбы. Если невеста говорит, что ей к назначенному дню не справиться, откладывают недели на полторы.

За день до свадьбы жених приезжает к невесте, привозит невесте мыло, чулки (если богатый, то и белые туфли), гостинцы и пирог. Невеста же должна дать ему все кроватное: два постельника, две-три подушки, простыни, два одеяла; жениху к венцу рубашку и кальсоны, несколько штук скатертей и пирог.

Накануне свадьбы бывает вечеринка [1]). Раньше плакали в этот день и расчесывали голову невесте, а теперь нет: придут девицы, попьют чаю и поют песни. На вечеринку приходит жених, если он из той же деревни. Если же из другой, то он у себя сам справляет вечеринку—приглашает девиц и ребят: танцуют у него. За невестой приезжают шафера. В старину дружка выкупал невесту у ее подруг, теперь этого нет. Браков без церковного венчания в Гадышах еще не было ни одного (как не было и октябрин). Венчаются в с. Рождестве.

Если у жениха и невесты есть знакомые в Рождестве, то они останавливаются перед венчаньем каждый у своих знакомых. Невесту одевают к венцу обязательно в белое платье с цветами и фатой (уже лет 15 с фатой) [2]). Если знакомых нет, одевают невесту у священника в кухне.

Сундук с приданым тем временем везут к жениху, там крестная достает полотенца, скатерти, и стол накрывают на всем невестином.

При венчании бывают шафера из холостых, только кольца меняет женатый. Раньше были женатые дружки. Когда поезд выезжал из дома тестя, дружки останавливали поезд, возвращались

---

[1]) Накануне невесту подруги водят в баню, но не плачут, а раньше плакали.

[2]) „Из-под торбы и то идет в фаты венчаться", то-есть „нищая, и та теперь венчается в фате".

обратно к тестю; он поил их вином и пивом, тогда поезд трогался дальше.

После венца приезжают в дом жениха и сажают молодых прямо за стол. При этом раньше дру́жка шел впереди молодых и стегал кнутом вокруг стола, разгоняя народ, теперь это не делается. Пьют чай. Народу набивается полная изба — все деревенские смотрят. После ужина „свадьбенные", то-есть приглашенные на свадьбу, танцуют, потом расходятся по домам. Если невеста из другой деревни, то ее родня ночует у жениха. На утро похмеляются. Молодуху заставляют „избу пахать", то-есть пробуют, умеет ли она мести, при этом ей в мусор бросают деньги, которые молодуха берет себе. Несколько раз мусору набрасывают снова. Раньше молодуху заставляли носить воду — она с проруби до полдороги донесет ведра, а их выльют: окатят кого-нибудь из „свадьбенных". И так много раз. Теперь это бросили.

Опохмелившись, „свадьбенные" идут по жениховой родне, соблюдая старшинство: сначала к „крёстному", к „крёстной" [1]), потом к дядьям и теткам, к женатым братьям и замужним сестрам жениха. При этом ходят все: и жених с невестой, и их родня. Когда все угостятся у родных жениха, свадебный поезд едет к невесте. У тещи подают яичницу. Если невеста была не девственна, то жених всю яичницу исковыряет, чтобы все видели обман и чтобы мать невесты это знала. Впрочем, как говорят, это изредка делал какой-нибудь озорник. Если же жених был „сирьетный", то-есть „серьезный", солидный, он избегал огласки.

У матери живут до воскресенья; в субботу для молодых топят баню, и они в нее идут вместе.

(Замечу, что вообще в баню бабы и мужики ходят отдельно: сперва мужики, а после них бабы.)

Положение молодой женщины в семье не легкое: она сразу становится главной работницей [2]). Часто и свадьбу играют для того, главным образом, чтобы получить работницу. Женщина должна своей работой (пряденье, ткачество, шитье) почти целиком одевать детей и мужа; должна готовить обед, ходить за скотом, выкармливать и выхаживать детей: вообще обязанности современной новгородской крестьянки почти в точности совпадают с обязанностями финской женщины, как они обрисованы в сложившихся много много веков назад народных сагах („Калевала").

---

[1]) „Крестными" в крестьянском быту здесь бывают дяди и тетки, братья и сестры, а также чужие; но всегда „крестные" в родне стоят на первом месте.

[2]) Впрочем, если у жениха есть мать, то молодуху в первый год не заставляют топить печь, но всегда она носит воду, носит дрова, поит скот, доит коров и выполняет все женские полевые работы.

Брак заключается „всерьез и надолго“, т.-е. до смерти одного из супругов. Но бывают и случаи развода. Они участились в последнее время, но практиковались иногда и раньше. Из старых случаев развода следует отметить два: А. В. Б—ов (№ 32 Барановский край) еще задолго до революции бросил жену, уехал в Питер и там сошелся с другой женщиной. Формальный развод он получил только после революции, тогда же и оформил свой брак со второй женой—повенчался. У них есть двое детей. В Гадышах же живет и его первая жена со взрослыми детьми (Пестриков край, № 46). Другой случай — молодая женщина, дочь Мавры-Антошихи, выданная в Поддубье, ушла от мужа и вернулась к матери (№ 49, Пестр. край).—Третий случай развода—современный: развелся с женой Н. Тутаев—о чем сказано было выше. И Тутаев и Большаков, разойдясь со старыми женами, сошлись с новыми; жена, которая ушла от мужа, ни с кем другим не сошлась, а живет со старухой матерью [1]).

Кроме упомянутых случаев развода, необходимо отметить несколько случаев неверности („измены“). И в крестьянском быту есть семьи, где под одной кровлей живут супруги, изменявшие и изменяющие друг другу. Измен мужчин, бывших на войне или на стороне, я не считаю, они рассматриваются, как нечто неизбежное. Но изменяют, не выходя за пределы деревни: можно указать дворов пять, где мужчины изменяли женам настолько открыто, что об этом знали все [2]). Равным образом, можно указать семьи четыре, где жены изменяли или изменяют мужьям. В двух случаях жены-солдатки изменили мужьям, бывшим на войне. При этом один

---

[1]) В лесной сторожке (перепись Пестрикова края № 54) дочь Василия Курицы тоже разошлась с мужем и вернулась с ребенком к отцу.

Вообще связь с родной семьей у молодой женщины после замужества не порывается; особенно тесной является связь с матерью. Любопытно, что у крестьян часто дочери приезжают родить и лечиться — „правиться“ от послеродовых болезней в дом матери. Эту черту некоторые этнографы считают исключительной особенностью племен, сохранивших в своих брачных обычаях следы матриархата. Может быть, дело здесь объясняется проще, и данный обычай, где бы мы его ни встретили, является результатом действующих в настоящем родственных связей и привязанностей, а совсем не пережитком тех или иных древних форм брака.

[2]) Вот анонимные характеристики этих неверных мужей: 1. Бывший торговец, человек лет 45, жил с М. К. (ее муж больной), когда она служила по соседству в чайной; имеет вторую связь в Бологое; жена здорова и имеет детей чуть не каждый год. 2. Богатый крестьянин лет сорока, по словам соседей, имеет связь с той же М. К.; жена слабого здоровья, маленькие дети у нее есть. 3. Служащий, лет 48-ми, детей от жены имеет; других постоянных связей нет, но „путается,“ в хмельном виде во время служебных поездок с кем придется. 4. Старик-весельчак и плясун лет 60-ти с лишним, имеет постоянную связь в деревне с женой более молодого, но неразбитного крестьянина. 5. Молодой крестьянин, лет 22-х, любит и свою жену, и вдову-соседку.

муж-солдат так и пропал без вести, так что его неверной жене не пришлось нести ответа (№ 48 Пестр. кр.). Другой же муж вернулся, и до сих пор время от времени поколачивает свою Матрену, когда вспомнит старое.

В двух других случаях страдательным элементом являются мужья так как неверные жены изменяют им на их глазах, пользуясь их болезненностью или бесхарактерностью [1]). Любопытно, что наиболее склонным к измене в Гадышах является не молодой, а пожилой возраст (40 лет, или около того, для женщин, 40—50 лет для мужчин).

Отношения мужа к жене и родителей к детям с первого взгляда здесь поражают своей сравнительной мягкостью и сдержанностью. Жен не бьют „смертным боем", как не редко случается в деревнях Центральной части РСФСР. Равным образом не истязуют и детей. Однако, если присмотреться к семейной жизни поближе, то все же можно усмотреть и здесь многие черты быта, общего всему великорусскому крестьянству. Положение женщины здесь безусловно подчиненное. У некоторых стариков еще жив старозаветный взгляд на женщину, как на существо нечистое: старик, например, ни за что не пойдет в баню после бабы. И, вообще, как правило, бабы ходят в баню последние. Я уже упоминал о пренебрежении мужчин к бабьей работе. Бывают случаи, когда муж учит жену вожжами; это в порядке вещей. Правда, есть семьи, где женщина, благодаря характеру и уму, берет верх над мужем и фактически управляет всем домом. Но подобные семьи — исключение. Из детей — мальчиков ценят больше, чем девочек. Детей любят и балуют. Однако, даже самые нежные матери считают нужным иной раз — очевидно для поддержания своего авторитета — задрать расшалившемуся 3 — 4-летнему карапузу рубашенку и вытянуть его ни за что ни про что прутом. Систематического воспитания в моральном смысле и систематического применения каких-нибудь наказаний с этой целью я не замечал. Бьют за хозяйственные потери и упущения, а под сердитую руку бьют за непослушание или за дерзкие ответы. Любимое орудие педагогического воздействия — прут для маленьких, вожжи для подростков [2]). Под сердитую руку бросают в детей чем попало: особенно это случается летом, когда ребятишки ходят по чужим огородам. Потерпевшие жалуются матерям; ребятишки от матери убегают, она швыряет им чем-нибудь вдогонку. Такая манера наказывать приводит иногда к искалечению. Дей-

---

[1]) Одна — жена еще не старого человека, ж.-д. служащего, больного водянкой, грешит с ж.-д. мастером; у другой — муж недотепа, и она любит веселого старика (см. выше прим. 1, случай 4-й).

[2]) Когда из Бологое приезжал коммунист проверять деятельность местной Гадышевской ячейки РКСМ, то он ставил в минус ее членам то, что их самих — по рассказам однодеревенцев — еще „матери учат вожжам".

ствительным воспитательным средством в деревне является труд. Необходимость труда и на земле, и в лесу самоочевидна. В трудовые процессы подростки втягиваются рано, и несомненно, это имеет на них большое воспитывающее влияние. Некоторые трудовые процессы, впрочем, начинаются слишком рано — с точки зрения рациональной педагогики: девочек, например, уже с 7 — 8 лет приучают прясть грубую пряжу. Мальчики позднее втягиваются в работу: лет в 9 — 13 они только гоняют лошадей. Тяжелые работы (пахота, косьба) они начинают выполнять лет с 15-ти; до этого возраста подростки помогают при сенокосе и других работах, а главное, ходят в лес за ягодами и за грибами. К числу несомненно отрицательных сторон воспитания детей нацо отнести их „беспризорность" в летние месяцы. Ребят в возрасте от года и выше поручают всецело малолетним нянькам, или своим (старшая сестра так и носит название „няньки") или наемным. Питание их в это время — самое бестолковое (да и вообще о рациональном питании детей не заботятся,—суют кусок, чтобы молчали); но еще хуже опасность искалечения [1]). Ребята возятся и играют с этими няньками, при чем часто подвергаются большой опасности: то упадут с высокого крыльца, то свалятся с передней оси, на которой забавлялись катаньем. Надо удивляться, что в общем при таких условиях, несчастные случаи с детьми редки, и убогих—калек в деревне немного. (Одна сухоручка, один „колчак", т.-е. хромой, одна глухонемая, один с вывернутой ногой, один—дурачок.) Объясняется это тем, что деревенские дети довольно спокойны, в общем сыты и мало проказят.

Посмотрим теперь, как молодое поколение относится к старикам. В младшем возрасте дети находятся под воспитательным влиянием матери; подростками-мальчиками руководит отец. Матери почти не имеют никакого влияния на сыновей подростков: 15-летний сын вдовы уже „хозяин", он ходит на сходку, и мать смотрит на него с благоговением и робостью. Наоборот, с дочерьми она не церемонится. Отец дольше матери сохраняет влияние на сыновей. Однако, рассказы о старых строгих семейных нравах, когда взрослый женатый сын не смел в присутствии отца закурить, теперь чистейший анахронизм. Авторитет отца признается лишь до тех пор, пока отец является для сына необходимой опорой.

[1]) Искалечение грозит и подросткам, так как продукты современной техники проникают в деревню раньше, чем необходимое в век техники воспитание и образование. Кроме несчастных случаев с бомбами, участились случаи с взрывом патронов: их вертят, щупают, ковыряют, пока они не разорвутся, оторвав два-три пальца. Так, в 1923 году оторвало патроном пальцы Сереже Большакову, 12-ти лет (семья № 36 Пестрикова края).

С того момента, как сын чувствует себя главной силой в хозяйстве, он становится хозяином, а старик отходит на второй план.

В семьях старого закала все-таки сын при этом сохраняет вид почтения к отцу. Так, например, Сергей Константинов Кузнецов, давно ведущий семейное хозяйство, частенько спокойно выслушивает брань и распеканье со стороны старика Константина, не позволяя себе ответить грубо отцу.

Михаил Аполлонов чрезвычайно деликатен с 80-летним стариком Аполлоном, большим задирой и забиякой, несмотря на свои годы.

Но есть семьи, в которых этот декорум нарушен. Примером может служить семья М. В. Большакова. Старший сын с ним не ужился и пробил себе сам дорогу. Теперь он „ворочает делами“ — сводит делянки, смотрит покровительственно на отца, и часто бывает с ним груб. Второй брак М. В. [1]) испортил его отношения и с другими детьми. Почтения к авторитету отца нет в этой семье. Семья земледелием занимается мало: сам М. В. был приказчиком по лесному делу, теперь кузнец.

В семье Становова — тоже нет почтения к отцу. Дочерей суровый старик держит в страхе; но со старшим сыном не ужился — слишком тот самостоятелен: тоже пробивает себе дорогу своим умом. Одно время старик ушел из семьи и полгода жил один в своей половине, куда ему носили обедать. Теперь разделились. И эта семья не чисто земледельческая. Таким образом, старинный уклад семейного быта сильнее, как будто бы, сохраняется в семьях крестьян хлеборобов, чем в семьях крестьян, оторвавшихся от земли.

---

[1]) Надо заметить, что дети всегда не одобряют здесь выхода замуж вторым браком вдов-матерей или женитьбу вдовцов отцов. Общественное мнение тоже против вторых браков тех, у кого есть взрослые дети.

II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ДЕРЕВНИ.

1. Расслоение деревенского мира.

Деревенский мир, сложившийся в законченном виде в эпоху крепостного права, продолжает быть главной формой общественной жизни деревни до настоящего времени. Все важные дела решаются на сходе, на сход собираются аккуратно, и звонок, которым приглашают здесь домохозяев на сход, звонит недаром.

В героическое время деревенского мира, о котором гласят исторические документы и предания, мир нередко стоял единым фронтом против власти бар и чиновников. В последнее время перед революцией уже этого не было. Мир раскололся. Появились представители сельской буржуазии, которые решались итти против мира, и — при помощи административной поддержки, — побеждали мир. Так, не раз упоминавшийся Никита Карпов — вопреки миру — захватил себе хутор и отстоял его при новом порядке. Борьба с Никитой подогрела мирские традиции и возродила былую общедеревенскую солидарность. Теперь мир снова раздирается классовой враждой.

Приведу несколько примеров. Гадыши в начале революции получили в аренду на имя общества паровую мельницу. Мир от себя перепоручил заведывание ею трем лицам: Василию Николаеву (№ 1 Бар. кр.), Мефодию Кузьмину и Петру Яковлеву (Пестр. кр. №№ 31 и 4).

Первые два — деревенские богачи. Петр Яковлев — середняк, который однако все время конкурировал с богатыми в деле использования казенного пирога: он заведывал чайной-столовой. Весной 1923 года В. Николаев и М. Кузьмин „*отшили*“ П. Яковлева от мельницы при содействии схода: мельница была передана одному М. Кузьмину, который заключил частный договор с В. Николаевым об ее совместной эксплоатации [1]).

Другой пример: в старостах, или — по-нынешнему — в председателях сельсовета ходили после революции либо богачи, либо лица, державшие их руку: был председателем Василий Николаев (Бар. кр. № 1), долго был председателем Сергей Конст. Кузнецов,

---

[1]) После В. Ник. и Меф. Кузьмин между собой перессорились, стали судиться, а сама мельница—объект конкуренции—сгорела.

всегда становившийся при внутри-деревенских столкновениях на сторону богатых и сильных: он в свое время отстоял усадьбу Ф. Карпова от поползновений со стороны одного середняка; он всегда выступал на стороне Н. Карпова при захвате последним Прохоровских сараев и так далее. — Но вот 1923 году избирают председателем Вас. Сергеева (Бар. кр. № 20), типичнейшего передового середняка. Как большинство активных середняков, Вас. Сергеев для деревни имеет высокий образовательный ценз: он окончил низшее техническое училище,—человек хорошо грамотный, законник. Вас. Сергеев в бытность председателем отказался подавать неверные сведения об экономическом положении некоторых богатых дворов; в частности он поместил Вас. Николаева в список лиц, промышляющих лесом. И что же? Вас. Сергеев стал объектом террористических актов. Как-то раз зимой, когда он был у Вас. Николаева на крыльце, в него бросили поленом, да промахнулись, и огрели поленом по голове ни в чем не повинного А. И. Большакова (Пестр. кр. № 13). Тот долго лечился; оба они с Вас. Сергеевым подали на Николаевых в суд. Но на суде те уговорили Большакова отступиться, и дело кончилось ничем. Осенью, на второй Спас (гадышевский праздник 16 авг. ст. ст.), опять было сделано нападение на Вас. Сергеева. Обстановка его весьма характерна для деревенских нравов: все были выпивши. Но как раз в пьяном виде здесь всегда сводят старые счеты: известную пословицу здесь можно бы перефразировать: „Что у трезвого на уме, то у пьяного на кулаке“. Леха-Гуля (А. В. Б-ов), который в это время только что получил должность младшего милиционера, угощал у себя старшего волостного милиционера. Николаевы—Василий с своими племянниками (детьми умершего Степана Николаева с Баталина)—пришли к нему и сговорились „поучить“ председателя.

Леха посылает к председателю от имени вол-милиционера звать его по служебным делам. Тот сначала, чувствуя подвох, не идет, но после нескольких настойчивых приказаний прийти, так как вол-милиционер требует, все-таки идет. Старуха мать, отговаривавшая его, бежит за ним, чуя беду. Председатель, который тоже был под хмельком, входит в дом А. А. Большакова. Здесь старший племяник Василия, здоровенный парень, дает ему две-три „плюхи“ и разбивает лицо в кровь (оба милиционера спокойно и сочувственно созерцают это побоище). Василий — на крыльцо. Вдогонку он получает еще несколько полновесных ударов; однако с ног его не сбили, так как подбегает старуха-мать и поднимает крик. Старухе тоже влетает порядком, но Василий спасается бегством. — Что же дальше?

Вся улица полна захмелевшим народом. Проносится ли в рядах этого народа негодующий клич: „Наших бьют — выручай предсе-

дателя!" Ничуть не бывало. Побили председателя — и ладно: его соседи и родные погоревали, поплакали (и братья плакали); соседи им посочувствовали.

Василий решил подать в суд, но вол-милиционер отказался подписать протокол об избиении на том основании, что Василий и сам был пьян. В конце концов, он все-таки подал в суд, но дело, кажется, кончилось ничем: „Драка была обоюдная" решал в подобных случаях старый волостной суд. Свидетелей, что драка была обоюдная, Николаевы найдут, сколько угодно, — поэтому и народному суду другого решения не вынести.

Любопытно, что на другой день после праздника у Василия Сергеева сгорел на лугах большой стог сена. Говорили, будто мальчишки-пастухи подожгли его, но что-то очень подозрительно и само это объяснение, и совпадение поджога со ссорой. — Через несколько недель Василий Сергеев, не имея никакой поддержки против сильных деревенских врагов, отказался от должности председателя. Снова был избран Сергей Констант. Кузнецов.

Вот вам типичнейшая картинка из деревенской жизни: власти запоены и закормлены кулаками, и последние делают, что хотят.

Зло в полной аморфности деревенских низов. „С сильным не борись, с богатым не судись" — вот общее убеждение.

Чтобы деревня не была болотом, нужно организовать ее: организация кружков молодежи, организация низовой самодеятельной, а не казенной кооперации, организация обществ (а не комитетов) взаимопомощи, — вот чем только и можно бороться с господством кулачного права в деревне. Сверху должна итти организация хорошего, нелицеприятного суда и добросовестной милиции. Но нужно знать и помнить, что современный „мир" или крестьянское общество никакой единой идейной спайки в себе уже не имеет [1]).

2. Деревня и волость.

Общественные отношения так тесно переплетаются с хозяйственной деятельностью, что о них нельзя было не говорить при

---

[1]) Любопытно, что в деревне до сих пор социальное расслоение напоминает тот процесс внутрикрестьянской феодализации, который так ярко обрисован М. Н. Покровским для черносошных крестьян XVII века („Русск. Ист.", т. I, стр. 42). „Кулак" не капиталист европейской складки, а просто сильный наглый человек, маленький „потентат", окруженный своими родственниками, „клиентами", покорной толпой. Враги кулака — не коммунисты-пролетарии, не беднота, которая в деревне способна лишь к роли „клиентов", а энергичные зажиточные середняки, которые чувствуют себя достаточно сильными, чтобы не мириться с самодурством маленького феодала.

обзоре последней. Поэтому отношение деревни к волисполкому детально освещено в отделе о землепользовании. Здесь остается прибавить немногое.

В отличие от большинства волостей нашего центра, в Новгородской области, старинная волостная организация крестьян, сложившаяся к XV веку, не была окончательно вытеснена с развитием нового поместного землевладения и нового крепостного права. Правда, Жабенский погост в настоящее время не составляет одной волости. Однако почти все без исключения центры современных волостей уже были центрами обособленных феодальных владений в Новгородскую эпоху. Позднейшая эпоха внесла большие перемены в границы вновь образовавшихся административных округов, но оставила в неприкосновенности старые центры округов. В частности, центром Рождественской волости, к которой принадлежат Гадыши, является с. Рождество, раньше дер. Холуй — центр Холуйской волостки Якова Скомантова в XV веке. Вся эта волостка целиком вошла в нынешнюю Рождественскую волость. Кроме того в нее вошел весь Жаровский конец волости „Жабна“, прилегавшей к волости Якова Скомантова с запада, и ряд мелких владений с юга. На севере Рождественская волость получила последнее по времени приращение, — в нее вошла в 70-х г.г. XIX в. дер. Градобит, раньше входившая в соседнюю Ильятинскую волость [1]). Возвышение дер. „Холуй“ началось уже в XVI веке, когда там возникла самостоятельная приходская церковь. Вообще, как известно, в старинных волостях севера приходская организация совпадала с административной, и в волости был один „погост“, одна церковь. Появление церкви в Рождестве-Холуй выдвинуло эту деревню из ряда других и сделало ее для окрестного населения объединяющим центром. В XVIII и XIX в.в. до 1861 г. объединение было только приходским, после 1861 г. приход стал волостью. Это положение сохраняется до настоящего времени [3]), и в числе дореволюционных волостных сборов на нужды местного управления встречается, например, такой, как сбор „на церковных певчих“. Это—любопытный архаизм, объясняемый совпадением волостной организации с приходской.

---

[1]) В XV в. Градобит была в составе владычней волости „Жабна“.

[2]) Бывает, что в делах о самогоне — оказываются осужденными те, кто случайно выгонит бутылку-другую: недавно осудили все того же Петра Яковлева, у которого нашли старую трубку от аппарата, а соседи его справа: Аграф. К-а и С. Ант-ов, которые составили себе самогонкой состояние, целы и невредимы.

[3]) Укрупнения волостей в Валдайском уезде в 1923 г. еще не было. Теперь, как я слышал, волости укрупнены: Рождественская волость присоединена к Фировской с центром в с. Фирове.

Я думаю, что в данной местности не возникли особые приходские церкви в имении каждого владельца, потому что этому препятствовала их бедность, обусловленная редкостью крестьянского населения и сравнительной скудостью почвы. В деревнях ограничивались построением часовен, где совершалась служба и куда устраивались крестные ходы из церкви лишь в особые местные, деревенские праздники.

Связь населения с одним приходским центром в течение веков должна была развивать в нем вкус и интерес к общественным делам; и действительно, здешнее население сравнительно с центрально-русским всегда относилось с большой сознательностью к волостному самоуправлению и проявляло при этом большую организованность. Привычка к самоуправлению сказывается и теперь, после революции: в то время как во многих других местах крестьяне относятся к выборам в волисполкомы пассивно и вообще являются попрежнему только объектом волостного управления,—здесь крестьяне деятельно участвуют и в выборах, и во всех волостных делах. Аппарат, обслуживающий волость, по своему составу крестьянский и местный. Характерно, что здесь давно образовался свой особый круг волостных дельцов-политиков. В Рождестве есть местные семьи, которые регулярно поставляли до революции волостных писарей (в других местах чаще всего писарей нанимали со стороны). Теперь эти же семьи поставляют выборных членов волисполкома. Население прекрасно знает не только их достоинства, но и недостатки; однако ценит их за грамотность и деловитость. Из местных людей здесь выходят и партийные агитаторы, которые иногда выступают на волостных собраниях. Из местных людей и часть интеллигенции: в Рождественской волости все учителя из местных крестьян. Но учительницы, а равно доктора, агрономы, землемеры — чаще всего пришлые. Пришлая интеллигенция в делах волости стала принимать участие только после революции: на волостных собраниях землемер, агроном уже встречаются с представителями крестьян [1]). Волость, как и в других местах, действует главным образом в качестве налогового органа. Но здесь же, в с. Рождестве, рядом с нею есть кооператив, была до последнего времени школа повышенного типа. Комитета взаимопомощи, кажется, не было, а если и был, то ничем о себе не заявлял [2]).

---

[1]) Как агенты центральных учреждений, они могли являться в волость и раньше, но как равноправные участники волостных собраний, они появились здесь только теперь.

[2]) В 1924 г. в Гадышах организован комитет взаимопомощи с А. В. Большаковым („Леха-Гуля“) во главе; открыта кооперативная лавка, устроена изба-читальня, вновь организована ячейка Р. К. С. М.

3. Деревня и земельная община.

Деревенский мир в Гадышах в общем моложе волостного мира: деревня возникла в 1495 г., когда волостка Холуй, как часть Жабенского погоста, уже существовала.

Деревенский мир, как мы не раз имели случай наблюдать, распадается на два самостоятельных социальных организма, т.-е. на две земельных общины. Что старше — земельные общины или их объединение в одном деревенском самоуправлении — сказать трудно. Возможно, что сначала существовала деревня, как целое, а потом она разделилась [1]) между двумя помещиками. В этом случае деревня в целом окажется старше, чем каждая из „барщин". Но возможно и обратное: старинная деревня могла так и остаться целиком в руках одного владельца, представляя из себя родоначальницу только одной из барщин. Другая же „барщина" возникла вновь в XVI — XVII веках. Во всяком случае современная объединенная деревня Гадыши с единым сельским сходом является совсем молодым новообразованием: она возникла только после 1861 г. „Края" же деревни, или „барщины," старше деревни в целом на несколько сот лет каждый.

Молодость деревенского мира объясняет многое в современном положении вещей. Говоря о земельном устройстве Гадышей, я достаточно ясно показал, насколько устойчивы две обособленные гадышевские земельные общины и насколько слаба взаимная связь между концами деревни.

Юридически деревня едина уже с 1861 г., однако на деле до конца XIX века для каждого края отдельно исчислялись налоги, так как каждый край нес свои выкупные платежи (см. в приложениях ко II тому учетный приговор 1876 г.). Каждый край самостоятельно решал все экономические вопросы (наем пастуха, огораживанье полей, передача и продажа наделов). Даже после революции каждый край самостоятельно производил новые земельные захваты и лесные порубки, претендуя главным образом на земли своих прежних господ. Для решения своих хозяйственных дел собираются особые сходы каждого края. Они не имеют юридического значения и однако они разрешают весьма важные для крестьян вопросы. В тех случаях, когда решение краевого схода должно быть облечено в законную форму, оно проводится как решение общедеревенского схода. Однако по перечню домохозяев видно, что действительно присутствуют на сходе только крестьяне одного края [2]).

---

[1]) В начале XVII в., как предположено выше.

[2]) См. в приложених к I тому приговор о разрешении продать усадьбу (Пестриков край).

Соседская близость и взаимная симпатия тоже проявляются главным образом в отношениях между крестьянами, принадлежащими к одному краю [1]).

Общедеревенский сход и общедеревенское управление имеют, главным образом, административное значение. Сходы собираются для выбора должностных лиц (раньше — старосты, теперь — председателя и членов сельского совета) и для раскладки налогов и повинностей. Впрочем, в последней роли сельский сход выступает в настоящее время не в силу закона, а по обычаю. Сельский совет имеет право вести все текущие дела управления собственной властью, не созывая схода. Однако председатель и члены сельсовета вовсе не склонны брать на себя ответственность за такие решения, как раскладка налогов, наряд подвод и распределение других повинностей. Они действуют по „старине", т.-е. созывают сход и здесь с согласия односельчан постановляют то или иное решение. Авторитет схода настолько прочен, что и все должностные лица, приезжающие из волости по фискальным делам, неизменно обращаются с своими заявлениями и предложениями к сходу, а не к сельсовету. Я даже сомневаюсь, имеет ли вообще в Гадышах сельсовет свои особые заседания помимо схода. Повидимому, не имеет. На сходе собираются домохозяева. Вдовы и молодые парни приходят только тогда, когда в хозяйстве нет взрослого мужчины... На сходе, как на древнем вече, дела обсуждаются беспорядочно и шумно; бывает много ругани, при чем обыкновенно вспоминают о том, как тот или другой крестьянин сумел увернуться от части известного налога и переложить его на других. Кричат разом в несколько голосов. Правильного голосования не бывает. В большинстве случаев в вопросах фискальных — после крика и брани — сход производит раскладку налогов или повинностей так, как это предлагает сделать волисполком. Иногда — что случается редко — сход не дает согласия на выполнение требований волисполкома: так, летом 1921 г. крестьяне отказались давать масляный налог. На другой день после схода около десяти наиболее влиятельных и зажиточных домохозяев отправились в волость, чтобы заявить об отказе. Четверо из них получили приказ отправиться в Валдай под арест: в деревне на них смотрели, как на лиц, которые „стоят и страдают за мир". В Валдай они отправились, но под арестом, кажется, не сидели, так как уездный исполком распорядился перевести натуральный масляный налог на хлебные единицы.

---

[1]) Вот один пример солидарности общинников: вдова Гречина (Пестриков край, № 1) вышла на хутор, но односельчане не лишали ее пользованья наделом в течение двух лет. Она — в свою очередь — зато обязалась свой дом в деревне никому, кроме односельчан, не продавать.

В вопросах земельных в настоящее время решающий голос принадлежит не сходу, а волземотделу. Однако последний принимает во внимание мнения или отзывы сельского схода. При выработке последних — не образуется отчетливых группировок — классовых или партийных. Больше проявляются здесь семейные связи, личный интерес, кумовство. Так, например, в 1919 году возник вопрос об отобрании у Федора Карпова (Пестриков край, № 7) второй усадьбы [1]. Председатель комитета бедноты (теперь председатель сельсовета), сам из небогатых крестьян, стал однако на сторону Федора, а не на сторону того крестьянина-середняка, который домогался для себя усадьбы. В результате Федор Карпов получил удостоверение, что он привел усадьбу в культурное состояние собственным трудом. На основании этого волземотдел его конкуренту в просьбе отказал. Любопытно, что этот бывший председатель комитета бедноты до сих пор ставит себе в заслугу то, что он отстоял усадьбу богача Карпова. Впрочем, за время революции „вождь“ бедноты благодаря ловкости и энергии сам „вышел в люди“ и построил себе новую избу, увеличил количество скота и запашки и таким образом перешел в разряд зажиточных, — теперь только во время перебранки соседи попрекают его прежней бедностью (в глазах крестьян „бедность—порок“). Как председатель сельсовета, он иногда пытается при посредстве схода добиться для себя лично земельных приобретений, но встречает в этом случае сильный отпор со стороны более старых влиятельных семейств — особенно же со стороны своего соседа Михаила Большакова. Впрочем, в делах земельных в последние два года крестьяне предпочитали действовать не путем открытых заявлений на сходе, а путем закулисных интриг. В 1921 г., как я уже говорил, землемер нарезал новый общий надел на всю деревню, уничтожив юридическую самостоятельность Барановской и Пестриковой земельных общин. Резкий разрыв с традицией подействовал разлагающим образом на земельно-общинную солидарность. Появилось желание использовать новый закон для самых беззастенчивых земельных захватов за счет менее проворных соседей. Заявки на отвод земель (см. ч. I) делались в волземотдел не только помимо схода, но и в секрете от всех соседей. Впрочем, в 1923—1924 году Пестриков край снова повернул в сторону общинного владения. Наоборот, барановские богачи, стоявшие раньше за старую общину, подали на отруб.

К делам культурно-просветительным деревенский сход проявляет всего менее интереса. В последние годы часто выносится на сход вопрос о школе, но без всякого результата. Школа

[1]) Через дорогу против главной усадьбы. Эта 2-я усадьба не застроена.

до революции помещалась на квартире, которую снимали за счет всей деревни. После революции, когда была захвачена Прохоровская усадьба, в кухне поместили школу, а в большом доме столовую, хотя лучше было бы сделать наоборот. После закрытия столовой крестьянам не раз предлагали взять большой дом под школу и его отремонтировать. Однако на это не соглашались, хотя в кухне школе невозможно существовать. Главная причина несогласия— интриги двух богатых домов: одному хочется распространить свою усадьбу за счет бывшей барской и потому он настаивает на том, чтобы дом был продан на слом. Другой хотел бы сдать в аренду под школу свой новый пустующий дом. Остальные находят, что ремонт будет стоить дорого. Так и тянется канитель в течение 3-х лет: большой дом разрушается, а 60 человек школьников ютятся в 9-аршинной кухне, да и ту — благодаря отсутствию сторожа — начинают ломать, расхищая при этом книги, тетради (на цыгарки) и учебные пособия [1]). Бессилие сельского схода, как общественного учреждения, и засилие частных интересов сказываются здесь особенно ярко. Впрочем, не вся вина здесь падает на деревенский сход. Волземотдел так же мало поддерживает интересы школы, как и деревня. Вообще вопрос об эксплоатации, точнее о захвате бывших помещичьих зданий, здесь решается весьма примитивно: кто смел, тот два съел: получают наилучшие постройки иногда сами ответственные работники волости (так, дом Мелницкого захвачен М. С-ым) или же их друзья и знакомые. Бо́льшая часть населения считает такой образ действий вполне естественным. Человек влиятельный, сильный, „коммунист", по мнению рядового крестьянина, как раз и должен захватывать всюду лучшие куши. Когда я в разговоре с одной рождественской крестьянкой высказал сомнение в искренности коммунистических взглядов одного из членов волисполкома, она мне сразу же привела самый неопровержимый аргумент: *„Как же не коммунист! Такой дом захватил, да не коммунист"*. Весьма типичное для деревни мышление — отражение не менее типичных порядков: деревня по традиции охраняет еще старые формы общинной жизни, поскольку они не противоречат новым индивидуалистическим хозяйственным тенденциям. Но общинная солидарность ослабела, уступив место захватному праву. И по странной иронии судьбы новое словечко „коммунист" аналогизируется в сознании „серых" крестьян с новыми же для деревни, но совсем не коммунистическими, а буржуазно-захватническими тенденциями.

---

[1]) В прошлом году ребятишки похитили себе на игрушки коллекцию моделей местных земледельческих орудий, которую школьники изготовили под руководством учителя.

4. Новые общественные организации в деревне.

Деревенская община, деревенский мир, волость—все это старые социальные образования. Интересно посмотреть на деревенские ростки тех новых социальных организаций, которые выдвинуты на сцену революцией. Я имею в виду партийные ячейки, ячейки РКСМ, профсоюзные и культурно-просветительные объединения.

Несомненно, революция принесла в деревню много нового, но больше новых понятий и названий, чем крепких организационных связей и прочных социальных навыков. Первые же месяцы революции принесли в деревню понятие о политической партии. При этом все три главнейшие наши партии (большевики, с.-р. и кадеты) были известны в Гадышах, от их имени велась агитация. Но предоставим слово очевидцам и участникам событий 1917 года. У меня в руках есть работа одного члена культурно-просветительного кружка дер. Гадышей — Федора Кузнецова — рассказ о революции 1917 г. в Гадышах. Приведу его целиком: „Революция в нашей деревне происходила так (отец мой как раз был сельским старостой, почему я и помню несколько). После свержения самодержавия у власти стал капитал. Но отдельные партии, как демократов, кадетов и т. п., не дремали, они посылали своих представителей агетировать даже и в деревню. Как, например, в нашу деревню приезжал представитель партии кадетов, о котором скажу ниже. Но не дремала и партия большевиков. Из Куженкинского военного городка в нашу деревню приехал от партии большевиков представитель. Собрали сходку, и, представитель выяснил, чем партия более заинтересована, за кого она стоит и с кем идет. Крестьяне середняки и бедняки сразу поняли, с кем нужно итти, и были в восторге от его речи. Только кулаки не очень-то радовались на такой переворот. Они сидели у порога да хихикали: „Ужо подождите, дадут вам большевики братство и равенство“. Но тут на подмогу являлись солдаты, приехавшие с фронта. Они горой застаивали за партию большевиков, потому что больше заинтересованы в оной.

„Когда хотела буржуазия провести учредительное собрание, у нас в школе была устроена секретная касса и клали, кто за какие номера захочет. Фронтовики стояли у кассы, они всем предлагали 6-й номер, за большевиков, и действительно, все матери и жены, у которых были дети и мужья на войне, клали за 6-й номер, потому что партия большевиков была против кровопролитной капиталистической войны. Кулаки опять же клали за социал-революционеров.

„Несколько слов о представителе кадетов: он был сын нашего умершего попа Михаила. Когда он пришел на собрание и начал говорить, то мужики совсем не обратили на его речь внимания. Только кулаки поддакивали ему“.

Из этого документа видно, что в Гадышах в эпоху революции был актуальным только вопрос о войне; аграрный вопрос, волновавший население земледельческого центра, здесь даже и не ставился. Протест против войны бросил деревню в объятия большевиков.

Когда война внешняя окончилась, вернее — сменилась войной гражданской и когда крестьянство было призвано к выполнению общегосударственных налогов и повинностей, настроение деревни изменилось. Появились антикоммунистические тенденции. Крестьяне из средняков поговаривали: „вот мы были тогда против Керенского, а он правду говорил“.

Но подобные разговоры не свидетельствовали о действительно контр-революционных настроениях. Для них не было основы в послереволюционной экономике: налоги пали главным образом на земледельческие губернии; заработки, от которых Гадыши имеют существенный доход, не облагались. Гражданская война Гадышей не коснулась и окрестностей их не опустошила. В виду этого не было причин для взрыва контр-революционных настроений. В то же время здешний крестьянин, имеющий привычку к самоуправлению, очень ценит демократическую сторону нового порядка, именно, отсутствие бар на постах начальников: везде свои люди, с которыми можно и поругаться, и покурить. Поэтому его отношение к революции и к партии, возглавившей революцию, осталось в общем бессознательно сочувственным [1]).

Но много ли все-таки в деревне коммунистов? Есть ли они? На этот вопрос приходится ответить отрицательно. В данный момент в Гадышах нет ни одного коммуниста [2]). Сочувствующих очень немного — человек 6 из подростков и один молодой хуторянин, о котором не раз упоминалось (Ник. Тутаев). Но и те, кто сочувствует партии, и те, кто не сочувствует, о коммунизме, как таковом, знают очень мало. Не сочувствующие говорят, что коммунисты против бога, что среди них много „жидов“ и что все коммунисты занимают командующее положение в административной машине. Фраза „служит в коммунистах“ здесь является ходячей.

---

[1]) Я говорю „бессознательно“ сочувственным, потому что это сочувствие лежит где-то глубоко, в области „подсознательного“. Во вне — при „душевных разговорах“ — конечно проявляется критическое отношение к большевикам. Но ведь крестьянин всегда критикует и не может не критиковать тех, кто управляет, судит, взимает налоги.

[2]) В прошлом здесь было два коммуниста: А. В. Б-ов и Н. Тутаев. Но по чистке 1921 г. они были исключены из партии. Существовала еще ячейка Комсомола, о которой будет рассказано ниже.

Сочувствующие считают коммунистов передовыми людьми, сторонниками просвещения, врагами темноты и невежества. Но о коммунизме, как экономической доктрине, деревенские сторонники коммунистов имеют весьма слабое представление и вообще мало интересуются этим вопросом.

Для того, чтобы дать понятие о той части молодежи, которая сочувствует партии коммунистов, я приведу здесь рассказ члена гадышевского культурно-просветительного кружка о возникновении и судьбе этого кружка.

„История культурно-просветительного кружка и Коммунистического Союза Молодежи".

„Организатором культурно-просветительного кружка была сама молодежь во главе с учителем Пестриковым [1]). Первыми задачами молодежи явились: приобрести помещение и оборудоватьего. Потом и другие материалы, нужные для постановки спектакалей [2]) и оборудования библиотеки.

„Помещение нам разрешили (бывший дом Прохорова), но оно было занято чайной-столовой — и приходилось работать не так свободно, как если бы было в полном нашем распоряжении, чтобы нам никто не мешал. Но тут как раз и явилась загвозка в виде столовой и заведующего ее П. Яковлева, несознательного человека. Но молодежь, не желая останавливаться на этом препятствии, сделала сцену, из-за которой много пришлось скандалить. Из Совнархоза нам выдали театральную занавесь. Отдел народного образования отпустил для библиотеки книг: политических и беллетристики [3]). Молодежь пробивала дорогу к просвещению, к лучшей жизни: ставили спектакали, устраивали собрания, из библиотеки брали для чтения книги, работа кипела ключом, несмотря на разные препятствия со стороны заведующего столовой, как, например, когда нужно было делать репетиции, он не давал ключа. Но молодежь все это преодолевала под видом разных подписок. Проработавши так год, культурно-просветительный кружок перешел в союз молодежи. Новые члены, вступившие в союз, выбрали новое бюро во главе с ответственным секретарем М. А. Большаковым [4]). В культурно-просветительном кружке членами состояли старше 23-х лет, которые не вступили в союз молодежи (по

---

[1]) Деятельнейшим организатором культ-кружка был умерший в 1920 г. от тифа сын Ефима Большакова, агент угол. розыска.

[2]) Замечание для филологов: Местное *спектакаль* — фонетически ближе стоит к латинскому оригиналу (spectaculum), чем франц. *спектакль*.

[3]) В библиотеку кружка влита была и вся школьная библиотека; она после, вместе с кружковой, погибла без следа.

[4]) Сын А. В. Большакова. Последний и стал фактическим руководителем работы, заместив отошедшего от работы Н. А. Пестрикова. *М. Ф.*

уставу союза молодежи в него входят лица от 14 до 23-х лет). Так же отстал учитель Пестриков, бывший хорошим толкачом в культурной работе, в виду отъезда на хутор [1]). Помер председатель культурно - просветительного кружка М. Е. Большаков, активно работавший в культ-просвете. Союз молодежи остался с неопытным в деле секретарем и молодыми членами. Тут-то вот и пришлось потерпеть поражение как от заведующего столовой, так и от деревенских кулаков—В. Николаева, М. Николаева, С. Антонова и их сподручного А. Блина [2]).

„Во время одного собрания вот эта кулацкая свора подошла к дому в пьяном виде, строя разные насмешки и грозя всю молодежь поколотить. Члены некоторые так перепугались, что бросили ходить на собрания, говоря, что там еще убьют [3]). После этой печальной истории украли театральную занавесь, неизвестно кто и как украл. Союз молодежи остался без занавеса, а также бросили ходить на собрания. Осталась одна библиотека да сцена без занавеса. Прибавлю еще: оставшие члены захотели сделать гиганы [4]) около помещения союза — чайной и столовой. В воскресенье молодежь собралась, привезли столб, и член союза Ф. Кузнецов [5]) копал яму для постановки столба. Пришел этот тут М. Николаев пьяный и говорит: „Вылезай из ямы, а то я тебя зарою“, но Кузнецов копал. Николаев, засмеявшись от злости, сказал: „ставьте, все равно ночью спилю“ [6]). Так нам пришлось столб везти на другой конец деревни, где и поставили [7]).

„Теперь скажу о предсмертных судорогах нашего союза. От пассивности нашего ответственного секретаря члены совсем бросили ходить на собрания. Перестали посещать библиотеку. После перехода от культ - просвета в союз молодежи не поставили ни одного спектакаля, ничего не приобрели, кроме что потеряли. Получилось от того, что в нашем союзе не было активного работника или толкача, каким был Пестриков в культ-просвете. Библиотека два месяца стояла, никто в нее не заглядывал. Но тут нашлись

[1]) Это было в 1921 году. Зиму 1921 — 22 г. К. А. Пестриков совсем не работал в школе (был другой учитель), в 1922—23 возобновил работу.

[2]) См. №№ семейств *1* и *2* Барановского края; 10 и 7 Пестрикова края. — А. Блин—чистый пролетарий.

[3]) Автор забыл упомянуть, что поводом к нападению на кружок послужило то обстоятельство, что после одного собрания кружка от брошенной папиросы загорелся балкон большого дома. Пожар во-время успели ликвидировать, но озлобленные соседи угрожаемого дома (В. Ник. и М. Ник.) гонялись за комсомольцами «*со стягам*».

[4]) Гигантские шаги. *М. Ф.*

[5]) Автор настоящего произведения. *М. Ф.*

[6]) Прохоровский двор, где хотели поставить „гиганы“, теперь прирезан к крестьянским усадьбам: изрядную долю получил и М. Н.

[7]) За околицей, по дороге в с. Рождество.

такие люди, которые сходили в библиотеку, обобрали все книги, картины, не оставив там ничего, кроме голых стен. Расхитители: 1) В. Аксиньин, 2) И. Егоров, 3) А. В. Большаков, 4) М. А. Большаков. А. Большаков разломал сцену — обобрав все доски [1]).

Так кончился наш союз молодежи. Опять молодежь хулиганит, ходя по поситкам да толкаясь из избы в избы [2]), ища развлечений в разном хулиганстве".

Прибавлю, что после ревизии из Бологого летом 1921 г. (характерно, что принимал ревизора, как бывший партиец, сам виновник распада ячейки А. Б-ов) ячейка РКСМ была закрыта. Ответств. секретарь ячейки зимой был взят на военную службу, — и второй период [3]) в истории просветительной работы среди гадышевской молодежи закончился. Закончился, как мы видим, весьма печально. Замечу, однако, что это не единичный случай: все работы по деревне (см., например., Дорофеев „Московская деревня") отмечают катастрофическое разрушение культурной работы в деревне в 1921—22 годах.

Однако, живые силы остались. Младшее поколение бывших комсомольцев, во главе с героем „гиганов" Ф. Кузнецовым, составило небольшое ядро и стало в 1923 году добиваться восстановления в Гадышах комсомольской ячейки. Вот любопытное „прошение" гадышевской молодежи в Валдайский уездный комитет РКСМ [4]).

„В Валдайский уездный Комитет РКСМ.

От молодежи деревни Гадышей Рождественской волости

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Просим Валдайский уездный Комитет РКСМ удовлетворить нашу неотложную просьбу. Мы молодежь желаем организовать Ком. союз молодежи для самообразования самих себя на борьбу с деревенской темнотой, с разными нелепыми предрассудками. В виду наступившего осеннего периода у нас много будет свободного времени, которое мы сможем использовать в пользу себя

---

[1]) Для постройки себе балкона в новом доме; А. Б-ов, пользуясь беспризорностью большого дома, рядом с которым он построился, перетащил к себе несколько дверей, дверных и оконных задвижек, оконные стекла, вьюшки, оборудование плиты и т. п. *М. Ф.*

[2]) „Поситкам", „из избы в избы" — буквальные выражения подлинника, верно воспроизводящие местный говор.

[3]) Первый период — процветание культурно-просветительной деятельности под руководством М. Е. Большакова и Пестрикова 1919—20 г. г. Второй период — создание ячейки РКСМ под руководством А. Большакова и расхищение всего имущества кружка в 1921 г.

[4]) Печатаемые здесь документы были мною в копиях сообщены в редакцию „Молодой Гвардии". Использовала ли она их, — мне не известно. *М. Ф.*

и других. Это будет тогда, когда вы нам разрешите организовать союз молодежи. Но если вы не разрешите нам союз молодежи, мы будем погибать в темноте, проводя зря для нас золотое время. Товарищи, откликнитесь на нашу просьбу, не дайте погибнуть в темноте и пустите в нашу деревню животворящий луч просвещения. Еще раз, товарищи, просим удовлетворить нашу просьбу.

Мы посылаем заявление с тов. Кузнецовым и поручаем ему это дело.

Подпись молодежи: *Ф. Кузнецов, Н. Тутаев, Я. Гришанов, В. Большаков, Н. Большаков, И. Кузнецов*" [1]).

Заявление молодежи успеха не имело: в учреждении ячейки им было отказано за отсутствием достаточного кадра организаторов и инструкторов у уездного комитета. Хотели они подавать дальше в Новгород и Москву, но в конце концов сделали лучшее, что могли: начали работу сами, начали с тех организационных форм, которые обнаружили свою жизненность в 1919—20 г.г. Молодежь сорганизовалась вокруг учителя Пестрикова, стала организовывать библиотеку, ставить спектакли. Кроме того, члены кружка выписывали „Бедноту" и даже сами писали туда корреспонденции, которые печатались. Писательская работа молодежи очень неприятна для некоторых элементов деревни. Писателей побаиваются, писателям иногда грозят, но пока что они не бросают своей корреспондентской работы.

История кружка весьма ярко выявляет всю силу той тяги к просвещению, которая существует в деревне. В виду несомненного расстройства школьного дела (школа повышенного типа — бывшая двухлассная—в с. Рождестве закрыта, вообще школы в волости работают плохо) эта тяга обычным порядком не может быть удовлетворена. Приходится самим помогать себе: развитие такого рода образовательной самопомощи несомненно отрадное и новое явление.

В. с. Рождестве культурно-просветительная работа в виде постановки спектаклей идет все время непрерывно. Ячейки РКСМ там тоже нет. Ячейка РКП, состоящая из ответственных работников волости, в культурно-просветительной работе участия не принимает. Кооператив тоже никакой культурно-просветительной работы не ведет. Ячеек профсоюзных, кроме месткома союза работников просвещения, при волости нет. Местком рабпроса занят вопросами материального обеспечения школьных работников и обще-культурной работы не ведет, хотя члены союза — индивидуально являются главными руководителями всех культурно-просветительных начинаний.

---

[1]) №№ семейств лиц, подписавшихся по переписи: 1) 11 Пестр. края; 2) 5 Бар. кр. 3) 2 Бар. кр. 4) 36 Пестр. кр. 5) 13 Пестр. кр. 6) 32 Пестр. кр.

Вообще, новых прочных общественных организаций, которые могли бы конкурировать с старыми организационными формами — пока что в деревне нет. Комитет бедноты существовал на бумаге, о комитетах взаимопомощи и их работе ничего не слышно. Кооперация не привлекает к себе в Гадышах ничьего интереса: магазин кооперативный есть в Рождестве, но на него смотрят, как на частную лавочку, в которой заинтересованы немногие лица.

Единственный фронт, на котором возникают новые организации — это фронт просвещения. Здесь самой устойчивой новой формой является культурно-просветительный кружок молодежи с школьным учителем во главе.

(Изб-читален *пока ни в Гадышах*, ни в окрестных деревнях нет [1]).

Можно указать еще один фронт, на котором была бы необходима самая энергичная общественная работа. Гадышевские крестьяне — наполовину рабочие. Как рабочие по лесному делу, они подвергались и подвергаются самой беспощадной эксплоатации. В 1923 г. при падающей валюте им не платили заработной платы по два — три месяца и больше. Можно себе представить, какую ничтожную долю нормального заработка они получали. Из приведенных в I томе бюджетов видно, что от лесных заработков гадышевские сейчас получают в три - четыре раза меньше, чем от земли. Между тем они отдают лесу не менее половины своего рабочего времени (работают зиму, весну и часто отрываются от полевых работ летом). В довоенное время заработки были много выше, так как была конкуренция предпринимателей.

Теперь же необходима организация профсоюза для защиты прав работника. Уже в конце 23 года в газетах было помещено разъяснение, что все лица, работающие на лесных заготовках, подлежат действию законов об охране труда. Пока на местах это разъяснение ничем не отразилось: крестьянина не считают рабочим, и никто его не охраняет. Но я думаю, что из среды самих крестьян-работников вырастет в конце концов профессиональная организация. Гадышевские чувствуют уже вред неорганизованности. Так, они жалуются, что крестьяне соседних деревень сбивают им цены.

Думаю, что на профессиональную организацию крестьян-лесозаготовителей должно быть обращено в будущем самое серьезное внимание. Профессиональное объединение на почве общего труда даст среднему и бедняцкому элементу ту спайку и ту трудовую солидарность, которых уже не дает ему раздираемый классовыми противоречиями деревенский мир [2]).

---

[1]) В 1924 г. летом в Гадышах восстановлена ячейка РКСМ и устроена изба-читальня. Выписывается много газет.

[2]) В 1924 г. в Гадышах учителем Пестриковым организована рабочая артель.

III. ЯЗЫК и ТВОРЧЕСТВО.

1. Говор.

Из историков еще Ключевский отметил, что по языку новгородский крестьянин ближе крестьян других областей стоит к древне-русскому славянину. В самом деле, многие разговорные выражения, которые услышишь в Гадышах, напоминают язык Русской Правды и новгородско-псковских летописей XI—XII в.в.

Гадыши лежат в области о́кающих говоров. Однако о́канье здесь не такое резкое, как, например, в Вологодской губернии. Вообще новгородский говор мягче и благозвучней, чем гово́р нашего северо-востока. Кроме того в изучаемой деревне, благодаря ее близости к железной дороге, чувствуется значительное смягчение оканья даже по сравнению с близлежащими селениями. Женщины, взятые замуж из Городка (в 17 верстах к северо-западу), говорят уже не так, как гадышевские, и стесняются своего слишком окающего говора, как провинциального [1]).

1) Но все же сравнительно с московской областью в Гадышах окают: неударяемое *о* слышится не как a^o, а как o^a (в соседних деревнях o^a сменяется чистым *о* („*один*", „*погода*"). В некоторых словах „о" слышится как „$у_о$" и даже как чистое „у": „не удобрил" вместо „не одобрил". Впрочем в Тверской и Вологодской это „у" гораздо слышнее.

2) Иногда „о" слышится ясно вследствие переноса ударения на слог, содержащий этот звук: „бо́сый" вместо „ба^{о}со́й"; „ро́нный", т.-е. „ро́дный" вместо „ра^{о}дно́й"; „ро́стить" вместо „ра^{о}стить"; „зайцо́в" вместо „за́йцев"; „отдо́хнет" вместо „отдохне́т".

3) Замена согласных: „к" вместо „ч" („плак" вместо „плач"); „ц" вместо „к" („черницы" вместо „черники"); ц (или ц^ч) вместо *ч* (тысяц^{ч}ю) [2]).

---

[1]) Любопытно, что иногда, пытаясь бороться со своим оканьем, городокские уроженцы начинают подчеркнуто и довольно комично акать: „галава", „гаварить".

[2]) Впрочем, цоканье не характерно для здешнего говора: в одних словах слыщится то *ц* то *ч*: „тысяцю (снопов нажала") и „тыся*ч*у"; в других отчетливое *ч*: *ч*аша́, *ч*ура́к.

[Ударение вообще часто ставится не на том слоге, на котором ставим его мы, жители центра. При этом ударение иногда переносится дальше от конца („я́иц“ вместо „яи́ц“; „гла́зы“ вместо „глаза́“; „дале́ко“ вместо „далеко́“), а иногда, наоборот, отодвигается на конец: „чаща́“ вместо „ча́ща“; „толсто́й“ вместо то́лстый“, „Егора́ жена“ вместо „жена Его́ра“.]

4) Встречаются также следующие особенности:

удвоение гласной в окончании: „та́я“ (та), одна́я (одна) „*то то́е, то друго́е*“ вместо „то то, то другое“;

в середине слова: „сыпучиим пескам“ вместо „сыпучими песками“.

5) Обращение гласной в дифтонг: „ба́*и*нка“ [1]), вместо „ба́нька“; „ота́ива“ вместо „ота́ва“.

6) Удлинение окончания: вместо „ь „я“ („е́стя“ вместо „есть“; „зде́ся“ вместо „здесь“.

7) Перестановка „н“ и „л“: „гнила“ вместо „глина“.

8) Уподобление „д“ — „н“ в соединении „дн“: „онна“ вместо „одна“.

9) Реже встречаются следующие особенности: смягчение звука „о“ („ён“ вместо „он“).

10) Замена гласных: „ы“ вместо „и“ („оны“ — „они“); „и“ вместо „е“ („вси“ — „все“); „а“ вместо „е“ — „т*а*перя“; „е“ вместо „ё“ — „слезно“; „ы“ вместо „а“ и „о“ — „спит*цы*“ вместо „спит*ца*“, т.-е. *спится*; „пяст*ы*чку“ вместо пясточку.

11) Вставка дополнительных гласных (преимуществ. „ы“) при пении a) в середине слова b) в конце: „сам-*ы* зап*ы*лакал“ — сам заплакал.

Примечание: вообще изменения гласных резче при пении.

Много особенностей в окончаниях падежей.

1) Так, в словах на „а“ и „я“ дательный и предложный падежи единственного числа сходны с родительным („подошел к воды“; „я в тюрьмы сижу“; „во славы пропадешь“) [2]). Родительный же часто в подобных словах принимает окончание дательного: „от сестре“ вместо „от сестры“, „курицы *ей* боятся“ (вместо „ее боятся“).

2) Творительный множественного, имеет окончание *ам* одинаково с дательным: „идешь с грибам“ вместо „с грибами“; „с коровам“ вместо „с коровами“; „за *курицам* она (утка) побежит, а петух за *ей*“.

---

[1]) „и“ в этих словах слышится слабо, но ни в коем случае не походит на „й“.

[2]) Вот склонение слов: „изба“, „вода“. Имен. — „*изба*“, „*вода*“; род. — „*избы*“, „*воды*“; дат. — „*к избы*“, „*к воды*“; вин. — „*избу*“, „*воду*“ (но иногда оконч. „ы“, напр. „*ходют из избы в избы*“; твор. — „*избою*“, „*водою*“; предложн. (locativus): „*в избы*“, „*в воды*“.

3) Предложный падеж в окончаниях прилагательных и местоимений сходен с творительным: „в эвтим месте“ вместо „в этом месте“.

4) Такие слова, как „мальчишка“ склоняются по мужскому склонению: „нет мальчишка“; „с мальчишком“.

Наконец, необходимо отметить особенности в употреблении глагольных и именных форм:

1) употребление деепричастия прошедшего времени вместо личной глагольной формы „ушёдцы“ вместо „ушел“;

2) употребление действительного залога в значении страдательного: „хлеб-то испёкши“ („хлеб испекся“), 2 коровы „остав*ши*“ — осталось 2 коровы.

3) Употребление причастия прошедшего времени страдательного залога в единственном числе мужеского рода в качестве сказуемого при существительных всех родов и чисел:

„*Изба вся разломан*“ вместо „разломана“.
„*В избе всё так наломан*“ вместо „наломано“.
„Все сгурцы повырва*н*“ вместо „вырваны“.

4) Употребление дательного падежа (dativus obiectivus) вместо родительного (genetivus objectivus): 1) „работал по сбору машинам“ вместо „по сбору машин“; 2) „была валежь скоту“ (вместо „был падеж скота“).

5) Множественное число вместо единственного в собирательных именах: „черницы“ вместо „черника“; „брусницы“ вместо „брусника“.

6) Винительный падеж слов, обозначающих одушевленные предметы, сходен с именительным, а не с родительным: „кони пустили в поле“ вместо „*коней* пустили в поле“.

В приложении я даю список местных слов и выражений. Оттуда можно подчерпнуть сведения о многих других особенностях языка.

Теперь же перехожу к местной манере разговора и приветствиям.

Ласкательные обращения и приветствия здесь в большом ходу, особенно в разговоре женщин. Когда вы идете, встречная старушка непременно скажет: „Путь-дороженька вам“. Если вы сидите, проходящие женщины приветствуют вас словами: „сиденьице вам“. В разговоре для придания речи большей мягкости и ласковости прибегают к повторениям („*сиди ты сиди*“ вместо „ну сиди“), и протяжным соболезнующим восклицаниям: „*А-а-а, ишь ты*“, а равно употребляют многократный вид вместо однократного („Ужо наши уедут в Стрельцово, дак я молочка-то буду вам *подавывать*“) и уменьшительные имена: „Теленочек-то мяконь-

кой, сытенькой". Однако сами уменьшительные имена здесь грубоваты. Характерны окончания уменьшительных имен на *ха*: „Маха" (Маша), „Бурёха", „Пестрёха" (названия коров).

Речь мужчин отрывистее, проще и грубее, чем речь женщин. Однако матерная брань и ругань слышатся в Гадышах несколько реже, чем в деревнях Орловской, Брянской, Тульской губерний. Характерно, что здесь весьма редко ругают скот. Мне не приходилось слышать, чтобы, погоняя лошадь, крестьянин называл ее чертом, идолом и другими „ласкательными" именами, общепринятыми в деревнях нашего центра.

Единственное бранное обращение, которое мне пришлось слышать в применении к лошади, было „дура полевая".

Речь мужчин и женщин пересыпается поговорками и присловьями, образцы которых читатель найдет в приложениях. Некоторые из поговорок, присловий и эпитетов очень выразительны и оригинальны. Про дурака говорят „пыльным мешком стегнут" или „с максимцем". Маленьких ребятишек, которые тащатся за матерью, называют „по́ползни".

Замечается в Гадышах, как сказано выше, и отмеченное Ключевским для Новгородской области употребление древнерусских слов и выражений. Так, вместо „лошади" всегда говорят „ко́ни", вместо „амбар" — „житница".

Употребляется глагол „поима́ть" вместо поймать (прилагательное „пои́ман" вместо „по́йман"). Другие глаголы того же корня: „изымать" и „позымать" тоже употребляются („пойдем цыпиньку позымаем"). Отмечу еще употребление глагола ломать и производных от него в широком смысле — „рвать", портить, разбрасывать: „Эва, как у тебя в избе-то наломан" (как у тебя в избе не прибрано); „ломь" значит „рвань". Такое словоупотребление напоминает начало одной из статей Русской Правды: „Аще изломит копье, любо оружие, любо порт..." Максимейко пытался объяснить применение в этой статье глагола „изломить" к одежде буквальным переводом одной из статей Юстинианова Кодекса. Может быть, здесь осторожней было бы искать объяснения подобного словоупотребления в особенностях местного новгородского говора.

Из междометий особенно употребительны здесь: „Эва" и „Ау".

„Эва" можно перевести словом „вот", при чем употребляется оно при восклицании (Эва, ты чего захотел), при просьбе (Эва, записочку от Яков Борисыча отдай) и при ответе на вопрос („Где Петр Яковлев живет?" — „Эва, домик с садом"). „Ау" имеет значение: „кончено", „пропало дело" и употребляется чаще всего в соединении со словом „брат": „Ау, брат!" „Теперь, брат, ау!", иногда просто: „теперь ау".

В языке еще живут старые формы хозяйства и быта, которые давно умерли в действительности: небольшой возик называют „волочушкой“, хотя его уже не волочат на волокуше, а везут в телеге. Чердак называют „по́дволок“ — название, напоминающее о волоковых окнах и топке по черному.

Но в то же время, сохраняя близость к древне-русскому языку и отражая отживший быт, язык новгородских крестьян непрерывно развивается, воспринимает и перерабатывает в себе новые элементы и отражает новый быт.

Странно и необычно было встретить в деревне слово „формазон“ [1]). Однако, в Гадышах это очень употребительное ругательное слово. Оно имеет смысл довольно близкий к тому, который придали ему в свое время правящие сферы: гадышевский крестьянин, конечно, не знает, что франк-масонов считали опасными людьми, заговорщиками. Но одиозный смысл этого слова деревней схвачен правильно: „формазо́н“ это — „озорник“, „безобразник“.

Слово „формазон“ принадлежит к довольно старому слою литературных отложений, может быть, середины или начала XIX века. Более поздние, но во всяком случае дореволюционные веяния принесли в деревню слово *„натура“*. Значение этого слова в Гадышах довольно близко подходит к его буквальному смыслу. Чаще всего оно употребляется в смысле наречия: „натурой“ значит „силой“ или „нахрапом“ (*„натурой взял, горлом“*).

Много оставила следов в современном языке эпоха войны и революции. Слова: „спекулянт“ (произносится „спекулян“), „хулиган“ (иногда произносится „фулиган“), повидимому, проникли в деревню только в самые последние годы.

Еще моложе слова „галифе“, „коммунист“, которыми так и пестрят современные частушки:

Коммунист мой, коммунист,
Аленькие губки!
Скоро ваши галифе
Перешьем на юбки.

Смягчение говора, превращение неударяемого *о* в неопределенный звук, близкий к *а*, тоже в последние годы становится все более заметным. В приложении читатели найдут частушки, записанные в 1924 году Сережей Большаковым 12 лет; плохо знающий грамматику автор писал так, как говорят: у него звук *а*, вместо северного „*о*“ фигурирует очень часто.

---

[1]) Франк-масон.

2. Народная поэзия.

а) Длинные песни.

В Гадышах репертуар народных песен очень велик и разнообразен. В него входят старинные обрядовые и бытовые песни, чувствительные романсы городского происхождения, солдатские и тюремные песни и, наконец, частушки. В этом репертуаре много заимствованного. Однако заимствуется то, что подходит к местным вкусам; очевидно романсы, посвященные любовным драмам, вполне отвечают вкусам деревенских девушек, солдатские и тюремные песни находят отзвук в душе парней. Следовательно и заимствованное — мерка культуры. К тому же заимствуемое не копируется рабски, а переделывается, становится продуктом коллективного деревенского творчества.

Здешние песни разделяются на длинные и короткие. В приложениях читатели найдут текст (весь или только начало) 31-й „длинной песни". Длинные песни в деревне противополагают частушкам, как песни старые. Но среди этих длинных песен очень немного действительно старинных. К ним надо, прежде всего, отнести 3 свадебные песни (№№ 13, 14, 15). Они сообщены местной бабкой-знахаркой Антошихой. Так как старинный свадебный обряд в полном виде теперь не выполняется, то и песни эти теперь не поются. Две из них (№ 13, 15) иногда поют на свадьбах бабы (девицы не знают мотива), а третью — интересную по своей образности (№ 14) помнят только древние старухи.

Из бытовых, по преимуществу, любовных песен к наиболее старинным можно отнести одну (№ 12): „Не по речушке ль лебедушка плывет". (Ее поют редко.)

Вторую группу составляют шесть песен (№№ 1, 3, 4, 6, 9, 11), текст которых носит следы новых литературных веяний, но манера петь, манера повторять по два-три раза одни и те же слова или части слов („Снежки белы, снежки белы лопушисты") приближает эти песни к старинным. Из них № 3 („Прощай, жисть, радость моя") поют девицы, № 1 и 6 бросили петь, № 9 и 11 изредка поют девицы.

Третья группа — остальные 22 песни — сравнительно недавнего происхождения. Здесь можно наметить несколько подгрупп:

1. Общеизвестные литературные песни (№ 20 „Что не ветер", 26 — „Солнце всходит", 30 — „Коробочка").

2. Сантиментальные городские романсы неизвестных авторов (№ 29 „Пряха", 25 „Ревела буря", 23 „Трансвааль", №№ 19, 16, 10, 7, 2).

3) Песни, народные — деревенские недавнего происхождения: № 31 „Последний нынешний денечек“, 24 — „Ухарь-купец“.

4) Острожные и бродяжьи (№№ 8, 17, 18, 27).

5) Солдатские (№ 21, 22; из них № 21 „Во кузнице“ считают песней новой).

Солдатские и бродяжьи поются и теперь; из них № 8 поется девицами, № 27 девицами и ребятами, а остальные только ребятами. Из романсов ребята поют № 2, 23; девицы поют № 5, 7, 10 (редко, когда идут со жнива), 28 (редко); 31, 16 и 30 поют и ребята и девицы. Совсем не поют №№ 4, 19, 20, 25 (старики пели), 24, 26.

Люди 35 — 40-летнего возраста предпочитают длинные песни коротким. Отзывы такие: *„хорошие песни, жалобные“*, *„хорошие песни, старики их пели“*, *„хорошая песня, мой „дедка“, отец ее пел“*. Все эти отзывы относятся исключительно к третьей группе.

В последнее время длинные песни начинают выходить из употребления, заменяясь песнями короткими. В этом обычно видят результат усиления городского влияния, при чем распространение частушек связывают с исчезновением старинных песен. Для Гадышей такое объяснение было бы неверным, так как здесь частушки пришли на смену не старинным деревенским песням, а песням городского пошиба, — слезливый романс, бродяжьи и солдатские песни,—которые уже давно оттеснили на второй план песни собственно деревенские. Приход частушки знаменует скорее ослабление, чем усиление городского влияния: длинные песни городского пошиба не отражали ни в какой мере ни деревенского языка, ни деревенского быта; в частушках же ярко отражается и быт, и язык современной деревни.

1) Старинные песни; 2) длинные песни городского пошиба; 3) частушки — вот три стадии или три периода в развитии поэтических вкусов новгородской деревни. Первый период можно характеризовать, как самобытно деревенский, второй, как эпоху рабского подражания городским образцам, — третий же представляет из себя период нового самобытного деревенского творчества на основе урбанизованного деревенского быта.

б) Короткие песни. Анализ содержания.

Длинные песни в последнее время почти совсем вытеснены короткими песнями, или частушками. С точки зрения музыкальной это—несомненный шаг назад, так как пение частушек производит антихудожественное впечатление. По словам девиц и женщин,

знавших старые песни, теперь в деревне не поют, а „как собаки лают“.

Но со стороны содержания частушки дают очень интересный материал, который ярко рисует быт населения и позволяет судить о его творческих способностях. В приложении читатель найдет 360 коротких песен, собранных мною и В. А. Феноменовой в несколько приемов: 1) 111 песен записаны В. А. Феноменовой летом 1921 г.; 2) 38 записаны мною весной 1923 г. со слов двух девочек-подростков; 3) 97 прислано кружком гадышевской молодежи осенью 1923 г.; 4) 90 прислано ими же весной 1924 г.; 5) 23 записаны и присланы весной 1924 г. Сережей Большаковым 12 лет; и 6) 11 тогда же записано „Иваном Васильевым Гришановым — 9 лет“ (всего получается 370, но часть из них выброшена, как повторения). Все короткие песни разбиты мною по содержанию на 8 отделов: I) женские любовные (192 частушки), II) женские, связанные с солдатчиной и войной (7 частушек), III) женские, семейно-бытовые (44 частушки), IV) мужские любовные (35 частушек), V) мужские, связанные с солдатчиной и войной (12 частушек), VI) мужские, семейно-бытовые (18 частушек), VII) юмористические (43 частушек), VIII) злободневные и политические (10 частушек).

Уже самое числовое распределение частушек по указанным отделам многое говорит о характере коротких песен в Гадышах.

Это по преимуществу песни любовно-семейно-бытовые.

Политических — ничтожный процент (3%), да и то из них большинство носит местный характер: Леха-Гуля, Никита Карпов, вот предметы осмеяния или объекты негодования. Можно сказать, что лицо деревенского поэта обращено к внутреннему деревенскому миру, а не к внешнему — обще-союзному, к социальному микрокосму, а не к макрокосму.

Это не значит, конечно, что все частушки местного происхождения и что все они оригинальны. Макрокосм — помимо сознания и воли авторов — проникает в микрокосм. Общение с внедеревенским миром большое, и продукты этого общения приносятся постоянно в деревню, обогащая ее песенный репертуар либо новыми произведениями, либо новыми мотивами и темами. Поэтому выделить частушки местного происхождения можно только приблизительно.

Есть частушки, в которых местный деревенский автор сразу чувствуется — он даже не завуалирован.

Вот пример:

Как у нашего у тяти
Жонка Бологовочка.
Ему не надо сусла—пива,
Надо самогоночка.

Это портретное изображение М. В. Большакова, сделанное его детьми; оно проникнуто и некоторой насмешкой по отношению к мачехе и осуждением пристрастия Мих. Вас. к самогонке [1]).

Любопытно, что эту частушку теперь распевают уже в соседних деревнях [2]). Подобного же характера частушка „Мой папаша с ума сходит, на беседу со мной ходит“ — 41 — VI.

Характер язвительного памфлета носит частушка:

У моей подружки Поли
Есть железная кровать,
Как к моей подружки Поли
Ходит Миша ночевать.

При желании очень легко было бы определить, о каких Поле и Мише идет речь в песне и кто песню составил.

Огромное большинство любовных частушек такого же происхождения: возлюбленная какого-то Николая оставляет нам ряд частушек (№ I, 51 „Уж ты, Коля Николай, Коля ездил по морям...“ № 49 „Белолапая, не лай — меня любит Николай“).

Возлюбленная солдата рассказывает в песне (№ I, 98), что ее милый, уезжая „наказывал“ ей: „печальная ходи, носи катеточку (платок) в нахмурочку, ище (еще) не заводи“. Это, конечно, — определенный случай с определенным лицом. (См. также III, 20, 22; I, 126.) Я не буду умножать примеров и делать точных подсчетов, но скажу с уверенностью, что более половины всех коротких песен — продукт местного творчества, это — картинки из местной жизни или поэтическое выражение любовных и иных переживаний местных авторов.

К таким оригинальным гадышевским частушкам относятся все приведенные выше примеры. К ним же относятся все насмешливые частушки, направленные против других деревень. (Например, „Гараденску холастешь под лоханью не найдешь...“ сатира против Городка № VII, 33, там же 32, 10, 11 и др.)

Но в Гадышах распевают или во всяком случае знают и частушки, направленные против Гадышей. Очевидно, продукты творчества других деревень сюда проникают. Можно указать среди записанных несколько частушек из Городка (I, 151; IV, 5, 29; VII, 1, 26 и др.).

---

[1]) Возможно, что к нему же относится частушка:

Батька в бане паритца,
А сын в амбар ломаетца.
Батька ноги в потолок,
А сын мешочек поволок.

[2]) Например, в соседнем селе Рождестве.

Есть рождественские (IV, 19); есть спеховские (близ станции Куженкино) (V, 2). Может быть, есть и из других деревень. Но иммигрируют не одни сатирические частушки, а и те, которые импровизируются местными поэтами в каждой деревне на любовные или злободневные темы. Если они удачны, они распространяются и в других смежных деревнях (в сборнике частушек те, которые распространены в близлежащих деревнях, отмечены звездочкой).

Но обмен продуктами нового поэтического творчества не ограничивается простым усвоением готовых произведений. Мигрируют отдельные стихи, выражения, образы. Несомненно, некоторые особо удачные образы становятся ходячими для большого района. Среди гадышевских частушек можно найти несколько парных, из которых каждая имеет разное содержание, вложенное, однако, в одну форму или в одну оправу. Вот пример:

1) Красно солнышко высоко,
Правой ручкой не достать.
Мой забавочка далеко —
Голосочка не слыхать.

2) Красно солнышко высоко,
Не достанешь палочкой.
Мой забавочка далеко,
Не походишь парочкой.

Очевидно, это варианты одного первоначального образца, причем основное сравнение „Красно солнышко высоко — мой забавочка далеко“ остается во всех вариантах.

Такие же следы общего происхождения от одного оригинала можно найти у многих частушек: например I, 35 и 34; I, 54 и 166; I, 171 и 95; III, 29 и 27.

Очевидно, некоторые образы оказываются настолько яркими, некоторые выражения настолько удачными, что при составлении новых любовных или злободневных частушек авторы только варьируют известные им любимые образцы. Эти образцы могут быть и не местного происхождения.

Для Гадышей можно с уверенностью сказать одно: прототипы большинства здешних частушек новгородские — это доказывается прежде всего языком частушек — они пестрят: а) *местными словами и выражениями*: „гоноболь“ (I, 1); „дивья“ (I, 140 „у *точеныих* столбов“ (I, 9), „куде́ленки“ (I, 8), „спотеше́нье (I, 29) „подпа̀каю“ (I, 42), „*по ве́ресу*“ (I, 48), „наверчен (о) цыгарочки“ (I, 56), „мне не надо чужачек“ (I, 144) „рядо́м меня“ (I, 67), „другу“ (I, 180), „за борона̀м“ (III, 7), „с нам“ (III, 18), „фа̀евы

купляй“ (III, 44), „в нас зарылися“ (IV, 32); б) *местными* производственными *образами* и понятиями: 1) лес, лесные работы:

Неужели лесу нету,
Я осиночку рублю (IV, 18).

См. также I, 151; IV, 31, 19; I, 191, 178; 2) камни в полях — местный образ I, 172, 173; 3) болото, косьба в лесу и в болоте: I, 57, 161, 162; 4) местные блюда — овсяные блины, снетки — I, 185; III, 43 и др.; 5) местные названия хлебов: „жито“ — ячмень III, 25; в) *местными обращениями и ласкательными именами:* „паичка“, „забавочка“, „кровиночка“, „мальчик беленькой“, „приятка“, „прияточка“, „земляничина“, „дружок“, „подруженька“ [1]), „кровочка“. „Милый“, „миленок“ тоже употребляется в частушках, но они не характерны для данной местности.

Однако, некоторая часть частушек пришла в Гадыши далеко из-за пределов Новгородского края, — из Московского центра, с Рязанского юга и из других мест. Вот, например, совсем не северная частушка:

Не стой у ворот,
Не маши фуражкой.
Я теперя не твоя —
Не зови *милашкой*.

И размер и слово „милашка“ говорят о земледельческом центре, как о родине этой частушки. То же можно сказать о многих других частушках (I, 74, 75, 83, 90, 89 и др.).

Другой пример:

Извините, господа,
Что я не уборна.
Я у барыни жила —
Сковородки терла.

---

[1]) Особенно употребительно здесь слово „*паичка*“. В противоположность обращению „кро̀вочка“, которое значит и „милый“, и „милая“, *паичка* всегда — *он* — очевидно, слово произошло от разговорного „па̀инька“, „пай-мальчик“ (сравни παῖς, παιδος — дитя, мальчик, девочка). В Демянском уезде в этом же смысле употребляется слово „марун“; в Вологодской губ. слово „дро̀ля“ („угнали мово дролю на войну“), очевидно, перешедшее через офранцуженный барский двор из французского языка: drôle — забавный: „*дроля*“ = новгородскому „*забавочка*. Ср. Череповецкую частушку:

„Супостатка сидит с дролей, —
Как меня обидела!
Завяжите мои глазки,
Чтобы я не видела“.
(„Юный Краевед“, журн. Чер. Пед. Техн.).

В Переяславле Залесском милого называют камо̀ра:

Мой камора гро̀ша стоит,
Надо мной кадрили строит.

„Земляничина“ — *она*, реже „*он*“ (I, 76).

(VII, 23, см. там же №№ 21, 22, 24).—Это из репертуара московских прислуг.

Частушка

Я по Невскому катался,
Таракана раздавил (VIII, 25),

очевидно, перекочевала в Гадыши из „Питера“ (ныне Ленинграда).

Не всегда можно точно решить вопрос, является ли данная частушка местной или же заносной из других областей. В случаях, указанных выше, этот вопрос решается просто, „на глаз“. Еще проще его разрешить по отношению к политическим частушкам (VIII). Из них 1, 3, 4, 5 безусловно занесены из центра („карательных отрядов“, массового дезертирства в данной местности не было). 7-я представляет переделку общеизвестной центрально-русской на местный лад, 8, 9, 10-я безусловно местные. Что касается 6-й, то только формальный анализ позволяет ее причислить к местным: нарушения правильного стихотворного размера и удлинение стиха до 9—10 [1]) слогов характерный признак местных частушек; частушка № 2 есть вариант общеизвестного мотива, но с значительной местной переделкой: „Кастык“ — слово местное.

Однако иногда собиратель частушек становится втупик перед вопросом, кому принадлежат мотив и образ, находимые в данной частушке:

Вот, например, две частушки:

Под окном стоит береза
Тонкая, гибучая.
У мово миленка глазки,
Что крапива жгучая.

Под окном стоит рябина
Тонкая, колючая,
У нас с миленьким любовь,
Как крапива жгучая.

Первая записана в Гадышах, вторая в Рязанской губернии. Как будто можно бы высказаться в пользу Гадышевской округи, так как образ

береза тонкая, гибучая

более естествен и оригинален, чем образ

„Рябина, тонкая колючая“ (она вовсе и не „колючая“).

---

[1]) В стихе 3-м — 9 слогов.

Но с другой стороны слово „крапива“ — новое в новгородском языке, — еще и теперь там больше говорят: „стрякава“, „стрякиша“. В виду этого решить вопрос категорически нельзя: частушка могла прийти и из Рязанской губернии, так как Рязанская губерния представляет из себя тоже мощный очаг поэтического творчества, при чем это творчество однотипно с северным: не южные страданья и ихохошки составляют главную массу рязанских частушек, а „короткие песни“ северного типа. Это применимо и ко многим другим местностям, поэтому при сходстве мотивов и образов в частушках разных областей вопрос об авторском приоритете может быть решон лишь путем специальных исследований.

На основании анализа содержания только 10—12% гадышевских частушек можно отнести к занесенным из других областей. Формальный анализ (анализ размера и рифмы) позволит уточнить этот подсчет.

Сделаем теперь краткую характеристику каждого из отделов, на которые разделено мною собрание гадышевских частушек. Оригинальных частушек больше всего среди любовных и бытовых. Любовные мужские (IV) и женские (I) не одинаковы по характеру. Первые чаще всего насмешливы, например:

Гадышевские девчонки
Двое брязгались в квашни,
А заморински ребята,
Посмотрели и ушли.

На станции фонарики
Осталися гореть,
Гадышевские девчоночки,
Осталися реветь.

(См. также IV, 22 Запрягу я кошку в дрожки, IV, 23 и др.)

Иногда в них есть фривольные намеки (см. привед. выше на стр. 14 частушку „Ты, милашечка, не бойся...“ или IV, 10, 11, 20.

Где окошки в самый раз,
Там девчоночки для нас.

В этом отношении мужские частушки подходят близко к скабрезным солдатским песням, которые здесь в ходу (к сожалению, текста их я не смог записать).

Ухаживание и любовная тоска в мужских частушках чувствуются редко [1]), это не испанские или итальянские серенады. Наоборот,

---

[1]) Но все же есть изящные образцы любовных мужских частушек:

Прощайте ёлочки, сасоночки,
Рождественски приход,
Скажите любушки, сударушки,
Сажусь на пароход.

(См. также IV, 28, 30; 25, 29, 15, 16.)

в женских частушках мы встречаем все любовные мотивы, которые можно найти в старых русских народных песнях. Здесь и любовная радость и ревность, и любовная тоска и робкий стыд. Это иллюстрировалось уже приведенными ранее примерами, к которым можно прибавить еще несколько.

Вот как рисуется начало любви:

Я сидела на лужку,
Писала тайности дружку,
Я такие тайности —
Люблю дружка до крайности.

Борьба с препятствиями:

Дали волю любить Колю,
А теперь хотят унять,
Упустишь камень в воду,
Тяжело его достать.

Разлука:

Красно солнышко высоко,
Правой ручкой не достать,
Мой забавочка далеко,
Голосочка не слыхать.

Отчаянье:

Пришла почта — писем нету,
Пойду лягу на кровать,
Возьму пуховую подушку,
Не дам сердцу тосковать.

Брошу я, девочка, все думать,
Об любви я мечтать,
Лягу в прохладную могилу,
Без просыпу буду спать [1]).

Впрочем, иногда и в женских частушках мы встречаемся с насмешкой и юмором:

На горочке две ёлочки,
Под горочкой покос,
Я заставила хорошего
Ходить за восемь верст.

Не стой у ворот,
Не маши фуражкой,
Я теперя не твоя,
Не зови милашкой.

---

[1]) Ср. череповецкую частушку:

Ты скажи-ка мне, хорошенький,
Когда разлуке быть.
Я живая буду девушка
Себе могилу рыть.

Попадаются частушки на тему о капризах чувства:

Я любила не грубила,
Почему милый отстал,
Я другого полюбила —
Он опять садиться стал.

Есть частушки женские с резко выраженной энергией и решительностью:

Мне сказали про измену,
Я не испугалася,
Я с такиим с трепачом
Гулять не собиралася.

Это несомненный продукт нового времени, новых экономических и социальных отношений. Несмотря на их грубость, подобные частушки кажутся ярким лучом света среди мрака исконной покорной женской тоски. Это—шаг вперед сравнительно со старой, „печалью согретой“ любовной песней.

Мужских любовных частушек в $4^1/_2$ раза меньше, чем женских.

Если же брать одни любовно-сантиментальные, то таких женских частушек в 20 раз больше, чем мужских.

Любовные женские частушки отличаются высокими поэтическими достоинствами [1]).

Частушки, связанные с солдатчиной и войной (женские отд. II; мужские V), представлены в Гадышах очень слабо. Война к 21-му году забылась. К тому же гадышевские призывники очень часто — вместо армии служили в куженкинском гарнизоне в пожарной команде, либо брались на учет (в период гражданской войны) для лесных заготовок. Отдел мужских частушек, связанных с войной, все же богаче, чем аналогичный отдел женских.

Частушки бытовые женские и мужские (III и VI отд.) резко различаются между собой. Женские частушки во многом напоминают старинные бытовые песни: они как бы перекидывают мост к старой народной поэзии через голову инородного и чуждого деревне

---

[1]) Вообще частушки стоят выше городского сантиментального романса, который они вытеснили. Лучшие из частушек по красоте и изяществу образов не уступают старинным песням и, добавлю, иногда значительно превосходят наше модернистское городское стихотворство: поэтам города не мешало бы время от времени следовать примеру Пушкина и освежать себя прикосновением к роднику народной поэзии. Как старинные песни и сказки „няни“, воспринятые чутким поэтом, помогли ему найти простые и изящные образы для поэтического воссоздания быта Старой России, — так погружение в поэзию частушек поможет новому поэту найти настоящие не фальшивые слова для поэтического воссоздания быта Новой России.

городского романса. Среди них есть даже свадебные обрядовые (III, 15, 22, — расплетание косы). Большинство семейные, при чем все те мотивы, которые мы встречаем в старинных песнях, встречаются и здесь. Только выражены они в более легкой форме, с бо́льшей энергией: чувствуется пробуждение личности, свойственное буржуазной эпохе.

Так, в женских частушках слышится протест: 1) против чрезмерной эксплоатации младшего поколения старшим в семье:

Неужели ро́нный тятенька,
Я дочка не твоя,
Всю тяжелую работушку
Свалили на меня.

(См. также №№ 13, 14).

2) против выдачи замуж по расчету:

Не ругайте за любовь,
Я наношу воды и дров,
Не отдавайте за богатого,
За бедного в любовь [1]).

Семейные отношения иногда рисуются совсем не в патриархальном виде. Дочь то настойчиво, то шутливо требует нарядов (см. 21, 23 „Купи, тятенька, калоши *на резиновом ходу*, чтобы дома не слыхали, когда с поситки приду“). Частушка ярко рисует образ балованной дочки, которую „дома берегут, блины овсяные пекут, рыбу жарят окуньки, чтоб любили пареньки“ (I, 185). Эта дочка выступает, наконец, в роли своенравного деспота, которая держит своих родителей в ежевых рукавицах:

Пришла с поситки домой,
На тятьку топнула ногой:
Коли фаевы [2]) купляй,
А то замуж отдавай.

(III 44).

Замужество при этом вообще рассматривается не как „судьба“, а как естественное право девицы:

Ты виси, виси пальто —
Меня не сватает никто.
Выду в поле, закричу:
Караул, замуж хочу.

---

[1]) Ср. череповецкую частушку:
„Меня сватали, не отдали
За милого дружка;
Съели счастьице родители —
Не стало женишка“.

[2]) „Фаевы“ — шелковые платья.

В этой немного грубоватой песенке, скорее — в этом крике вы чувствуете яркое проявление индивидуализма: это властное требование осознавшей себя плоти.

Наконец, в бытовых частушках отражается борьба классов, борьба суровой бедности с чванным богатством:

1) В поле камушек гранатый
Мой паичка не богатый.
Колосится в поле рожь,
Хоть не богатый, да хорош.

2) Не при нашиих достатках
В руках зонтики носить.
Богачи с нам не гуляют
С бедным нечего форсить [1]).

Вторая частушка представляет как бы суровую отповедь со стороны сознательной представительницы деревенской бедноты по адресу легкомысленных „несознательных“ щеголих [2]).

Частушки мужские бытовые беднее содержанием: преобладающий характер их разбойничий, погромный, при чем оригинальность большинства очень сомнительна. Интересна частушка № VI,13, как отражение возрастной психологии: ребята, холостежь, рисуются здесь как определенный возрастный класс („по Шурцу“).

Нам не в старосты садиться,
Нам, не чести наживать.
Нам, молоденьким мальчишечкам,
Попить да погулять.

Мысль о том, что каждый возраст выполняет, так сказать, свои определенные функции, и что то, что прилично молодежи, неприлично зрелому человеку, хорошо выражена также в частушке:

Мой папаша с ума сходит,
На биседу са мной ходит:
Он с усам и с барадой
Сидит с девчонкой с маладой.

(VII, 41).

---

[1]) Ср. мужскую (I, 33):

Не шейте, девки, дипломаты.
Нам не с барышням гулять.
Мы и сами не богаты,
Не с часам нам дожидать.

[2]) Вот рассуждение щеголихи:

Не купляй, тятенька, шубу:
В шубе воши заедят —
Купи зонтик и калоши
Пущай люди поглядят.

Есть и среди мужских частушек отражение классового чувства:

Я гуляю по ночам,
Не уважаю богачам.
Я иному богачу,
Всю морду набок сворочу.

(VI, 8),

Мужские и женские частушки естественно должны различаться между собой по характеру поэтических образов и сравнений: различие пола, образа жизни и хозяйственных занятий должны наложить свою печать на творчество.

Я сделал подсчет образных выражений и сравнений в мужских и женских частушках.

Результаты получились такие.

В среднем образные выражения в женских частушках встречаются вдвое чаще, чем в мужских: на каждую женскую частушку приходится, по крайней мере, одно образное выражение или сравнение. Из мужских же частушек половина лишена художественных образов: это рифмованная проза.

Самые образы не одинаковы: у женщин на первом плане стоят костюмы и украшения (24%), затем образы, взятые из окружающей природы (живой — 29%, неживой — 19%). Эти три группы образов составляют $^2/_3$ всех эпитетов и сравнений.

У мужчин любимые образы—оружие и орудия (35%, а у женщин всего 2%), затем идет неживая (20%) и живая (15%) природа, эти три группы образов дают более 70% всего их числа. Более мелкие группировки указаны в примечании [1]).

---

[1]) *А. Образы и сравнения в женских частушках.*

1) Неживая природа: речка, озеро, ключ, болото, льдиночка, морюшко—21; камень, песочек, земля, бережок, горочка 12; небо, солнце, заря — 6; дождь, ветер — 5; всего 44 . . . 19%,

2) Растительный мир: деревья: береза — 7, ель, сосна — 2; луг, поле — 7, рожь — 2, кочан — 1, розочка — 5, вообще цветы — 6, сирень — 3, сад — 2, лес — 6, лесные ягоды — 5, виноград — 1, крапива—1, всего 48 . . 21%.

3) Животный мир: соловей — 1, голубь — 3, сорока — 1, собака — 2, теленочек — 1, кошка — 1; всего 9 . . . 4%.

4) Хозяйственные работы: бороньба — 1, жниво — 2, косьба — 2, деланье изгороди — 1; всего 6 . . 2%.

5) Домашние работы: пряденье (прялочка, куделя)—4, доенье—2, шитье—3, полосканье белья — 2, доставанье воды из колодца — 3, колка дров — 1, всего 15 . . . 6%.

6) Кушанье и напитки: чай—1, блины—1, сметана—1, молоко—1, хлеб—1, похлебка—1, рыба—2, каша—1, чернослив—1, ужин—1; всего 11 . . . 5%.

7) Дом и обстановка домашняя: окошко — 6, зеркало — 1, лестницы — 2, чашка—1, лампа—1, постель—1, кровать, диван—2, свечка—1; всего 15 . 6%.

(8 Двор и орудия; борона 1, саночки 1, ворота 3, всего 5 . . . 2%.

Характерно, что производственные мотивы в качестве художественных образов играют небольшое значение в частушках; при этом в мужских еще меньшее, чем в женских, в последних мотивы работ домашних (шитье, доенье) и сельско-хозяйственных (жниво), дают 8% всех образов, в первых только 5% — при этом в мужских частушках образы навеваются не домашними и полевыми, а только лесными работами.

К сожалению малое число частушек, подвергнутых анализу, не позволяет придавать его результатам широкого обобщающего значения.

---

9) Костюм и украшения: платье, юбка—8, платок (катеичка)—16, галоши—3, рубашка—4, кофта—5, гребень—1, передник—1, лямка—1, пух—1, вата—1, пальто—2, шляпа—2, часы—1, кольцо—4, ленты, бусы—4, кисет—1 всего 55 . . . 24%.

10) Игры: качелюшки—3, гармоника и балалайка—15, всего 18 . . . 7%.

11) Религиозные понятия: рай—1, налой, венец—2, могила—1, всего 4 . 2%.

12) Разные: кровь—1, рельсы—1, пожар—1, Питер—1, машина—1, пароход—1, телеграф—1; всего 7 . . . 3%.

Итого 237 . . 100%.

Б. Образы и сравнения в мужских частушках.

1) Неживая природа: дождь—1, небо, звезды, облака, реченька—6, всего 7

2) Растительный мир: поле—2, всего 2.

3) Животный мир: пташечка, заяц, утка, собака 4, всего 4.

4) Хозяйственные работы: рубка леса—1, изгороди—1, всего 2.

5) Домашние работы.

6—7) Домашняя обстановка и кушанье.

8) Орудие и оружие: пила—2, ножик—3, револьвер—3, кол—1, саночки—1, гири—3, всего 13.

9) Костюм: кофта, платок, галоши—4

10) Инструм.: тальяночка 1.

11—12) Разные: машина, станция, торба 3. Всего 36.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Женск. .	44	48	9	15	15	11	15	5	55	18	4	7	237
% .	19%	21%	4%	6%	6%	5	6%	2%	24%	7%	2%	3%	87%
Мужск. .	7	2	4	2	—	—	—	13	4	1	—	3	36
% . .	20%	5%	11%	5%	—	—	—	15%	11%	3%	—	9%	13%
Всего .	51	50	13	8	15	11	15	18	59	19	4	9	272
% . .	19%	19%	3%	3%	5,5%	4%	5,5%	7%	22%	7%	1½%	3%	100%

в) Короткие песни: анализ формы.

Первый вопрос, с которым мы сталкиваемся, переходя к форме частушек, это вопрос об их двучленном делении. Очень распространено мнение, что частушка всегда состоит из двух совсем не связанных между собою по смыслу двустиший:

Наша речка широка,
Я тычинку выкину.
Сбили форс у Колчака,
Будет то ж Деникину. (Вологодская част.)

Когда начинаешь собирать частушки, приходится от этого мнения отказаться.

В Гадышах частушки разделяются на 2 группы: одни действительно состоят из двух обособленных половин, обыкновенно по два стиха в каждом. Первая половина служит как бы рамкой или виньеткой для 2-й; в ней дается какой-либо образ из жизни природы или из трудового быта; во второй дается главное содержание частушки, т.-е. мысли и личные переживания ее автора. Связь между первой и второй частью иногда только звуковая — простое созвучие:

Маменька, шаль, маменька шаль,
Маменька, шаль пуховая
Маменька, жаль, маменька жаль
Мальчишка чернобрового [1]).

или:

На горочке две елочки,
Под горочкой покос.
Я заставила хорошего
Ходить за восемь верст.

Иногда же эта связь логическая, на основе сравнения:

Кто с колодца воду носит,
Тот и досыта попьет,
Кто в своей деревни любит
Тот во славы пропадет.

или:

Хорошо на речки жить,
Холодно купаться.
Хорошо робят любить —
Трудно расставаться.

---

[1]) По происхождению частушка не местная, а подмосковная.

Но другие частушки не имеют такого двучленного деления: в них все четыре стиха составляют связное целое:

Пойду на ручей, на бегучей,
Где холонная вода,
Не приедет ли прияточка
Поить коня сюда.

Мне сказали про измену,—
Я не испугалася:
Я с такиим с трепачом
Гулять не собиралася.

В Гадышах решительно преобладают связные частушки. Из 361-й короткой песни только 86 имеют двучленный состав [1]). Двучленные частушки, записанные в Гадышах, по форме не однотипны.

В большинстве из них первое двустишие служит рамкой для второй — основной части, в которой заключается главное содержание четверостишия.

---

[1]) Двучленные:
I—1, 12, 16, 19, 25, 29, 31, 34, 36, 39, 44, 45, 47, 48, 49, 52, 53, 54, 58, 62, 63, 69, 72, 75, 77, 78, 79, 80, 84, 86, 90, 96, 103, 107 109, 114, 118, 119, 123, 130, 132, 138, 140, 141, 142, 143, 144, 147, 149, 150, 157, 159, 163, 164, 165, 166, 172, 173, 176, 178, 179, 180, 182, 183, 188, II — 3, 5, III — 9, 12, 23, 33, 42, 43, IV—1, 8, 9, 18, 23, 26, 27, 32. VII—2, 4, 24, 31, VIII, 2.

Название отдела.	Число двучленных част.	Число связных.	Всего.	% связных.	
I. Женские любовные	66	126	192	65,8%	69%
II. Женск., связ. с солдатчиной	2	5	7	43%	
III. Женск. семейно-бытовые .	5	39	44	80%	
IV. Мужские любовные . . .	8	27	35	65%	87%
V. Мужские, связ. с солдатч. .	—	12	12	100%	
VI. Мужск. семейно-бытовые .	—	18	18	100%	
VII. Юмористические	4	39	43	91%	91%
VIII. Злободневные и политическ.	1	9	10	90%	

Иногда (таких всего три случая, первая часть (рамка) состоит из 3-х стихов, а главное содержание выражено одним стихом (I, 74, I, 149, II, 3).

Разрублю на речке лед,
Пущу по речке пароход,
Пароход качается,
Наша любовь кончается (I, 149).

В двух случаях мы имеем в четверостишии две рамки и два разбитых порознь стиха с основным содержанием (I, 173).

В поле камушек гранатый
Мой паичка не богатый.
Колоситца в поле рожь,
Хошь небогатый, да хорош (I, 173; см. VII 31).

В двух случаях рамка или прибаска состоит всего из одного стиха:

Песенки, побасенки.
Сердце болит по Васеньки
А по Феденьки живот,
Живот не скоро заживет (I, 141).

или:

Ты, гармонька, бубен, бубен,
Мы девчонку сватать будем.
Будем сватать, говорить,
Как бы девчонку обманить. (IV, 2.)

В одном случае сравнение является второй частью частушки:

Дали волю любить Колю,
А теперь хотят унять.
Упустишь камень в воду
Тяжело его достать. (I, 58)

Двучленные частушки требуют большей фантазии и бо́льших поэтических дарований, поэтому они чаще всего встречаются как раз среди тех разрядов частушек, которые наиболее богаты образными выражениями. Характер образов, выбираемых для I части, в общем такой же, как и характер всех образных выражений, встречающихся в частушках [1]).

Теперь перейдем к вопросу о размере. Здесь необходимо сделать маленькое отступление и несколько отойти от местного материала.

В деревнях к югу от Москвы мы встречаем три главные разновидности коротких песен: „частушки“, „страданья“ и „ихохошки“.

[1]) См. выше о характере образов в мужских и женских частушках.

Частушки — это четверостишия по 6 — 8 слогов в каждом стихе.

Обычно в частушках неударяемые слоги чередуются с ударяемыми. Под ударяемыми я разумеваю, во-первых, слоги с отчетливо слышным ударением; их я обозначаю знаком долготы с ударением —́, во-вторых, слоги с потенциальным слабо слышным или и совсем не слышным удàрением: их я обозначаю знаком долготы без ударения „ — “. Что и придает быстрый „частый“ темп стиху [1]):

1) Вы, гагарински ребята	— ◡ —́ ◡ — ◡ —́ ◡
Приходите к нам гулять,	— ◡ —́ ◡ — ◡ —́
У нас колушки готовы	— ◡ —́ ◡ — ◡ —́ ◡
Только камушков набрать	— ◡ —́ ◡ — ◡ —́
2) Сроду не румянилась,	—́ ◡ — ◡ —́ ◡ —
Сроду не помадилась,	—́ ◡ — ◡ —́ ◡ —
Нету денег ни гроша,	—́ ◡ —́ ◡ — ◡ —́
Без румяны хороша	— ◡ —́ ◡ — ◡ —́
3) Из колòдца вода льѐтца,	— ◡ —́ ◡ — ◡ —́ ◡
Травà зеленѐется,	◡ —́ — ◡ —́ ◡ ◡
Мне на прѐжнюю синпàтью	— ◡ —́ ◡ — ◡ —́ ◡
Нѐчего надѐяться	—́ ◡ — ◡ —́ ◡ ◡

В последней частушке во 2-м стихе видим такие чередования слогов, которые противоречат правилам литературного тонического стихосложения: вместо „долгий — краткий“ стих — имеем „краткий — долгий ◡ — (тра́ва́); такие отступления не редки, но иногда они кажущиеся — вот пример:

Я девченочка молоденька
Слетаю на моря,
Расскажу я душке правду,
Каковая жисть моя.

Здесь 9-й слог 1-го стиха при пении присоединяется к 6-сложному второму стиху: чередование остается правильным.

4) Ай, подружка моя Кàтя!	— ◡ —́ ◡ — ◡ —́ ◡
Дорогòй мой абвакàт,	— ◡ —́ ◡ — ◡ —́
Я с милѐнком разругàлась,	— ◡ —́ ◡ — ◡ —́ ◡
Ты сведи меня опять.	— ◡ —́ ◡ — ◡ —́
5) Ай подружка моя Нюшка!	— ◡ —́ ◡ — ◡ —́ ◡
Да уж кàк же тебя свѐсть,	— ◡ —́ ◡ — ◡ —́
Или ты тово не видишь,	— ◡ —́ ◡ — ◡ —́ ◡
У нево другая есть.	— ◡ —́ ◡ — ◡ —́

[1]) Оговариваюсь, что анализ частушечного стиха по числу содержащихся в нем долгих и кратких, ударяемых и неударяемых слогов — грубый первоначальный прием. Чтобы определить более точно тип частушки, надо принимать во внимание музыкальное ударение и музыкальный ритм, а это варьируется в частушках одинакового слогового состава в зависимости от местной манеры петь.

6) Ты сыграй-ка, гармонист,   —◡—́◡—◡—́
Сыгрàй без стеснèнья,   ◡—́—◡—́◡
Да нюжли ж уж пропадèт   —◡—́◡—◡—́
Вся наша весèлья.   —́◡—◡—́◡

7) Не ходи, богатый, свàтать,   —◡—́◡—◡—́◡
Ты минè не по душè,   —◡—́◡—◡—́
Был бы бèдный по душè,   —◡—́◡—◡—́
Прожилà бы в шалашè [1])   —◡—́◡—◡—́

В 6-м примере (стих 2-й) видим отступление от размера, аналогичное тому, которое отмечено в 3-м примере.

„Страданья“ короче частушек; в каждой из 4-х строчек страдательной песни бывает только 4 слога. Поются они очень тягуче, и ударений в этом коротком стихе всегда отчетливо слышится два; ударяемые и неударяемые слоги чередуются:

1) Шèл я лèсом,   —́◡—́◡
Шèл междòю,   —́◡—́◡
Идет писарь   —́◡—́◡
С стàршиндòю   —́◡—́◡

2) Ай, мамàша,
Дай рублèвку,
Нà сукòнную [2])
Поддèвку

3) Приду домòй,
Двèрь тугàя,
Отец брòнит, —
Мàть ругàя, [3]).

4) Скрылся, скрылся
Зà лес тèмный,
Тòлько видно
Костюм чèрный.

5) Ляжу спàть я,
Глаза скрòю,
Нè даèт [4])
Любòвь покòю.

[1]) Из частушек Рязанск. губ., собранных учениками Гагинской опытн. станции Наркомпроса.

[2]) Последний слог при пении присоединяется к 4-му стиху.

[3]) Ругает.

[4]) В двух последних примерах один слог 3-го стиха перенесен в 4 стих; правильное чередование ударяемых и неударяемых слогов сохранено.

6) Пришла с улицы,
Всѐ поѐли
И горшо̂к
На ко̀л надѐли [1])

7) Ах ты, Мишка,
Шерамыга,
Вас три брата
Одна рыга.

„Ихохошки“ [2]) тоже короткие четверостишия. Каждый стих „ихохошек“ состоит из 5 — 6 слогов. Стих ихохошки, таким образом, длиннее стиха страдательных песен, но в нем бывает только одно ясно слышимое ударение. Слоги ударяемые обычно разделяются друг от друга двумя неударяемыми. Вот несколько образцов:

Капуста моя	∪ —́ ∪ ∪ —
Мелко рублена,	∪ ∪ —́ ∪ ∪
Извините меня,	∪ ∪ —́ ∪ ∪ —
Я напудрена	∪ ∪ —́ ∪ ∪
Ай сдобная,	∪ —́ ∪ ∪
Пашанишная,	∪ ∪ —́ ∪ ∪
Ни прясть, ни ткать	∪ —́ ∪ ∪
Никудышная,	∪ ∪ —́ ∪ ∪
Я на бочке сижу,	∪ ∪ —́ ∪ ∪ —
С бочки капая [3]),	∪ ∪ —́ ∪ ∪
Никто замуж не берет,	∪ ∪ —́ ∪ ∪ ∪ —́
Только сватая [3]).	∪ ∪ —́ ∪ ∪

Если мы от этого краткого знакомства с центрально-русскими частушками обратимся к коротким песням в Гадышах, то прежде всего должны будем отметить решительное преобладание здесь частушек в собственном смысле и почти полное отсутствие как страдательных, так и ихохошек.

В одном из сел Рязанской губернии, по которому школьниками было собрано 117 частушек, они распределялись так:

1) частушек в собственном смысле . . . . 64 — 54%
2) страдательных . . . . 35 — 31%
3) ихохошек. . . . . 18 — 15%

---

[1]) Первый слог составляет окончание предыдущего стиха и при пении соединяется с ним.

[2]) Термин „*ихохошки*“ для частушек типа: „Ах, яблочко“... употребляется в Раненбургском у. Рязанской губернии. Он не вполне удачен: в других местах „ихохошками“ называют не частушки типа „Ах яблочко“, а „страданья“.

[3]) Капает, сватает.

В губерниях Орловской, Тульской процент страдательных и ихохошек еще выше.

В Гадышах же собранные мною короткие песни числом 361 разделяются на такие разряды:

1) ихохошек (I, 83; I, 90) . . . . 2 }
2) страдательных (I, 72). . . . . 1 } — 2%
3) разных [1]) . . . . 5 }

4) частушек в собственном смысле . . . 353 — 98%.

Частушки в Гадышах (и вообще в Новгородской губернии) отличаются большим разнообразием как по размеру, так и по характеру рифмы.

Часто попадаются стихи в 9 — 10 слогов.

, 1. На одном окошке роза,	— ◡ —́ ◡ — ◡ —́ ◡
На другиим гоноболь:	— ◡ —́ ◡ — ◡ —́
Легче с родителям расстаться,	— ◡ ◡ —́ ◡ — ◡ — ◡
Чем с тобой, мой дорогой.	— ◡ —́ ◡ — ◡ —́
, 67. Не ходи-тко, милый, на беседу,	— ◡ —́ ◡ — ◡ — ◡ —́ ◡
Не садись, рядо̀м меня...	— ◡ —́ ◡ — ◡ —́
Люди знают и расскажут,	
Что девочка люблю тебя.	

И наоборот, иногда, особенно в комических частушках мы встречаем совсем коротенькие стихи:

На печи спал,	◡ —́ ◡ —
С печи оборвался.	— ◡ — ◡ —́ ◡
Не грех тебя гнал,	
Зачем не держался.	

Можно с уверенностью сказать, что частушки с коротенькими стихами более нового происхождения. Они вместе с немногими ихохошками и страданьями представляют либо простое заимствование, либо подражание новым южным образцам.

К заимствованным частушкам относятся главным образом политические частушки (VIII, 1, 2, 3, 4, 5, 7) и часть комических

---

[1]) Близких по характеру стиха к ихохошкам: I, 70, 74, 75, 82; с размером: ◡ —́ ◡ ◡ — и I, 89 с размером ◡ —́ ◡ —
◡ ◡ —́ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ —́ ◡
— ◡ —́ ◡ — ◡ — ◡ —́ ◡ —
— ◡ —́ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ —́ ◡

(напр. VII, 21, 22, 23, 24). Последние как раз имеют короткие стихи в 6 — 7 слогов:

Извините, господа,	— ◡ —́ ◡ — ◡ —́
Что я не уборна:	— ◡ — ◡ —́ ◡
Я у барыни жила,	— ◡ —́ ◡ — ◡ —́
Сковородки терла.	— ◡ — ◡ —́ ◡

Частушек с короткими стихами [1]) (не более 26 слогов в четверостишии) всего 5% (19 из 361). Частушек с длинными стихами (более 26 слогов в четверостишии) — 95%.

В отношении рифмовки собранные мною частушки можно разбить на 4 группы [1]): к 1-й категории я отношу те частушки, в которых рифмуются все смежные стихи попарно, например:

1) Сядет рядом не милой,
Сердце колет, как иглой:
Сядет рядом помилей —
Сердцу будет веселей. (I, 95).

2) Говорили, говорят,
Приворожила всех ребят.
Спросите паичку мово:
Приворожила ль я ево. (I, 102).

таких частушек 73 (20%).

Сюда же надо отнести те немногие частушки, у которых два смежных стиха рифмуются, а два других (VII, 20) не рифмуются (может быть, потому, что первоначальный текст искажен):

Я коровушку доила,
А корова не стоит,
Я корову кулаком —
Бог с тобой и с молоком.

таких — 5 (1%) [2]).

---

[1]) В этот разряд занесены частушки, имеющие в общей сложности не более 26 слогов в четверостишии.

I, 70, 72, 74, 75, 83, 89, 90, 91, 93; III, 16, VII, 3, 4, 13, 14, 17, 21, 22, 23, 24 = 19.

[2]) Распределение частушек по способу рифмовки. I. Рифмуются смежные стихи: 1 — 2, 8, 17, 30, 33, 49, 56, 57, 77, 88, 85, 92, 91, 95, 99, 102, 110, 126, 146, 145, 149, 160, 162, 168, 171, 173, 184, 185, 187, II, 3; III — 1, 2, 4, 6, 17, 25, 31, 41, 44; IV — 2, 4, 12, 20, 28, 33; V — 4, 6, 11; VI — 8, 9, 35, 36, 38, 39, 41; VIII — 1, 3, 11 = 73.

Сюда же надо отнести 5 следующих испорченных частушек: I — 65, 73; VII, 6, 20, 40, 245 = 68%.

II. Рифмуют стихи через один: I — 19, 29, 46, 55, 59, 61, 76, 89, 96, 107, 130, 164, 178, 180; II — 6; III — 19; IV — 8, 13, 18, 25, 29; V — 3, 7; VI — 11, 17; VII — 13, 26; всего — 28.

Ко второй категории — те, в которых все стихи рифмуются через один:

1) Подойду девочка к речки,
Стану на коленочки,
Скажу речке два словечка:
Куды деться девочки. (I, 61).

2) В нашем поле украшенье,
Когда розочка цветет.
Мому сердцу спотешенье,
Когда паичка придет. (I, 29.)

таких частушек 28 (8%)!

К третьей категории относятся те частушки, в которых 3 стиха рифмуются друг с другом, а четвертый остается без рифмы:

1) Я у тятьки дочь одна,
Речку смерила до дна,
Никто солдатика не любит,
Я осмелилась одна. (I, 27).

2) Мы с товарищем вдвоем
Нигде не пропадем.
Или церковь подломаем,
А то сторожа убьем. (VI, 5).

таких частушек 10 (3%).

Наконец огромное большинство (245 из 361 или 68%) частушек относится к последней IV категории, т.-е. имеет два рифмованных стиха (через один) и два белых: например (III, 22):

Я иду, а бабы судят,
Про меня удалую:
Последний раз я заплетаю
В косу ленту алую.

III. Рифмуются три стиха, четвертый не рифмуется: I — 27, 54, 94, 124 166, 167; IV — 11; V — 5; VI — 12; VII — 33, всего — 10.

IV. Остальные частушки: рифмуются через стих; рифма часто бывает, довольно бедная, например:

1) I, 157. Дождь идет, катетку мочит,
Я и в сени не пойду,
Пускай миленок другу любит,
Я и слова не скажу.

2) Возьму узду, пойду за коням
Во дремучие леса.
Увижу птичку и синичку,
На полете голубка. (III, 41).

Способ рифмовки имеет, повидимому, связь с содержанием частушек; в самом деле, если разбить все частушки на 3 группы: 1) женские — (I, II, III) — 242 ч., 2) мужские — (IV, V, VI) — 75, 3) злободневные и сатирические (VII, VIII) — 53, то окажется, что в первой группе 180 частушек (74%) относятся к четвертой категории, т.-е. имеют по 2 белых стиха и по 2 рифмованных через строчку и только 63 (26%) частушки рифмованных богаче (I — III категории). Во второй группе — с более полной рифмой 28 из 65 частушек (43%) и в третьей — с более полной рифмой 24 из 53 частушек (45%). Женские частушки *по преимуществу* принадлежат к более слабо рифмованным, в то же время эти частушки—грустные, минорные. Мужские и злободневные частушки богаче рифмованы, в то же время они более проникнуты задором и активностью. Интересно отметить, что частушки более южных губерний вообще имеют более богатую рифму, чем новгородские [1]).

Если мы сделаем подсчет слабо и богато рифмованных частушек по годам собирания, то окажется, что из 111 частушек, записанных в 21-м году, имеют больше двух рифмованных стихов—31 частушка, т.-е. 28%; а из 249 частушек 23 — 24 годов имеют более 2 рифмованных стихов 85 частушек, или 34%.

Частушки слабо рифмованные представляют, повидимому, местный, новгородский тип; сильно рифмованные — пришлый тип.

Среди частушек, слабо рифмованных (IV категория), можно отметить несколько наиболее удачных разновидностей:

1) Минорным складом и музыкальностью стиха отличаются частушки с мужской рифмой второго и четвертого стиха и дактилическим окончанием нерифмованных (1, 3) стихов:

Я не знала, что на елочки — ◡ —́ ◡ — ◡ —́ ◡ ◡
Иголочки растут. ◡ —́ ◡ — ◡ —́
Я не знала, что забавочки — ◡ —́ ◡ — ◡ —́ ◡ ◡
Винтовочку дадут [2]). ◡ —́ ◡ — ◡ —́

Очень распространены частушки, в которых вторая половина построена по типу предыдущей, а первая половина изменена:

1) Запою я с горя песни, — ◡ —́ ◡ — ◡ —́ ◡
Пущу голос по леску, — ◡ —́ ◡ — ◡ —́
Пущай послухает мой миленький, ◡ — ◡ —́ ◡ — ◡ —́ ◡ ◡
Ударится в тоску. ◡ —́ ◡ — ◡ —́

[1]) В одном из обследованных через школу сел Рязанской губ. 52% частушек с двумя рифмованными строчками через одну и 48% рифмованных богаче.

[2]) К этой разновидности относится более 30 частушек (I — 14, 21, 23, 24, 26, 36, 39, 31, 45, 40, 48, 79, 98, 104, 105, 106, 121, 124, 141; II — 5; III — 30, 37, 39; IV — 16, 19 и др.). Среди рязанских частушек этот тип представлен очень слабо (3 из 70).

2) Пойду на ручей, на бегучей, (№ 1, 3, 4, 5, 9,1 1, 16)...
Где холонная вода —
Не приедет ли прияточка,
Поить коня сюда.

Таким же минорным складом и музыкальностью стиха отличаются частушки с дактилической рифмой 2-го и 4-го стиха, рифмующихся между собою, при хореическом окончании нерифмованных строк:

1) Стоит березка вдоль дорожки
Всем ветрам покорная:
Не бывает мое сердце
Никогда спокойное.

2) Под окном стоит береза — ∪ —́ ∪ — ∪ —́ ∪
Тонкая, гибучая: — ∪ —́ ∪ —́ ∪ ∪
У мово миленка глазки, — ∪ —́ ∪ — ∪ —́ ∪
Что крапива жгучая [1]). — ∪ —́ ∪ —́ ∪ ∪

Из богато рифмованных частушек местный колорит носят частушки с дактилической рифмой в 3—4 стихах:

Я любила всей душой — ∪ —́ ∪ — ∪ —́
Который ростом не большой, ∪ — ∪ —́ ∪ — ∪ —́
Не большой, не маленькой, — ∪ —́ ∪ —́ ∪ ∪
Получше розы аленькой. ∪ — ∪ —́ ∪ —́ ∪ ∪

(I, 30, см. стр. I, 2 и др.).

Иногда дактилическая рифма встречается в двух первых стихах:

Возьму я две куде́ленки ∪ —́ ∪ — ∪ —́ ∪ ∪
Пойду я вдоль дере́венки. ∪ —́ ∪ — ∪ —́ ∪ ∪
Вдоль деревни лес густой— — ∪ —́ ∪ — ∪ —́
Кричит забавочка: „постой“. ∪ — ∪ —́ ∪ — ∪ —́

Все эти частушки, благодаря дактилическим окончаниям стиха, носят минорный характер [2]).

---

[1]) I, 12, 103, 109, 111, 128, 123, 125, 130; IV, 9; VII, 30; VIII, 4, 5, 8 и др. Этот тип частушек встречается и среди рязанских частушек; как раз для приведенной в тексте частушки есть среди частушек с Гагарина, Раненб. у. вариант:

Под окном растет рябина
Тонкая, колючая,
У нас с миленьким любовь,
Как крапива жгучая.

[2]) Я не перечисляю всех разновидностей частушек с дактилистическими окончаниями стихов. См., напр., редкую разновидность I, 69. Ее размер такой:

—́ ∪ ∪ —́ —́ ∪ ∪ —́
—́ ∪ ∪ —́ ∪́ —́ ∪ ∪́
—́ ∪́ ∪ —́ —́ ∪́ ∪ —́
∪ —́ ∪ — ∪ —́ ∪ ∪

Процент частушек с дактилем в окончаниях стиха среди различных групп можно видеть из прилагаемой таблицы:

		Общее число (без страдательных и ихохошек).	Из них с дикталическ. окончан.	%
1.	Женские I, II, III	234	109	47%
2.	Мужские любовные и солдатские (IV, V)	47	19	40
3.	Мужск. бытовые	18	3	16%
4.	Юмористические и злободневные.	44	9	20%
	Всего . . .	342	140	41%
5.	Для сравнения частушки рязанской деревни	77	20	26%

Дактилические окончания преобладают среди женских частушек, а также среди мужских солдатских и любовных. Мужские бытовые, а равно сатирические и злободневные, отличаются более энергическими окончаниями. Здесь иногда все стихи имеют ударение на конце:

(см. VI, 8 „Я гуляю по ночам").

Но чаще чередуются стихи с ударением на последнем и на предпоследнем слоге:

Я ни сам в окошко лазил,
Меня дядя подсадил,
Я ничево там ни сделал,
Только криночку сблудил.

Или же стихи с ударением на конце и с хореическим окончанием стоят рядом попарно:

Мы мальчишки ёжики,
Носим в карманах ножики.
У нас гири на весах,
Реворвера на поясах.

Указанные размеры следует считать по преимуществу мужскими, но, конечно, они встречаются и в женских частушках.

Формальный анализ частушек позволяет сделать некоторые предварительные обобщения, которые, разумеется, нуждаются в проверке на более широком материале.

1) Наиболее типичными для изучаемого района являются частушки слабо рифмованные с преобладанием дактилических окончаний в минорных (женских) частушках и более энергичных окончаний с мужской рифмой в мужских и сатирических частушках.

2) Частушки двучленного состава составляют заметный процент только среди женских частушек. В остальных отделах преобладают связные частушки.

3) Вопрос о том, являются ли двучленные частушки минорного склада наиболее типичными и старинными, а связные мажорные — новыми, — на данном материале разрешен быть не может [1].

4) По размеру и складу деревенские частушки представляют такое же разнообразие, как и литературные стихотворные произведения. При этом разнообразие формы отвечает разнообразию содержания коротких песен: каждому оттенку мысли и чувства соответствует своя форма.

3. Поговорки, присловья, прозвища.

Кроме песен, большой интерес представляют такие продукты творчества в области языка, как пословицы, поговорки, присловья. Например: 1) „У вас-то, у вас, и на улице квас, а мы в избу пришли и воды-то не нашли". 2) „*Отними бог стыд*, будешь и сыт". 3) „На ней бы (на лошади) работать *во весь гуж*". 4) „*Похвалить-погодить*, всего было" (при крепостном праве). 5) „Ох, матушка, ведь это надо *семиши — да поемиши* рассказывать; всего было". — См. также материал этого рода в словаре местного языка.

Для характеристики местного языка я остановлюсь еще на вопросе об именах, прозвищах и фамилиях. Имена здесь дают приблизительно те же, что и в других концах России. Так же, как и всюду, называют друг друга, особенно заочно, полуименем. Однако, нигде в центральной области я не встречал оригинального обычая называть полуименем не только по имени, но и по отчеству: „Мишка Николкин" (Михаил Николаев), „Петька Яшкин" (Петр Яковлев). Между тем, здесь заочно называют таким именно образом почти всех без исключения мужчин — молодых и старых. Очевидно это и наиболее точный, и наиболее привычный способ обозначения. В лицо называют людей пожилых и уважаемых по отчеству („Александрович") без имени. Молодых — одним именем („Сергей"), подростков — полуименем. Женщин

[1]) Возможно и другое предположение: первые представляют местный женский тип; вторые местный же мужской тип. Для решения вопроса необходим анализ более обширного материала.

в лицо зовут чаще всего полуименем („Катенька")—даже пожилых. Часто называние по собственному имени заменяется обращением безымянным (сестра, брат, сватья, бабушка, дедушка и т. п.).

Очень интересным является сохранившийся здесь древне-славянский обычай называть жену по имени мужа (сравни древнерусское „Всеволжая", „Святославляя", польское „пани Михалóва", „пани Станиславóва"). Здесь всегда называется:

1)	жена	Антона	Антошиха.
2)	„	Константина	Костиха.
3)	„	Сергея	Сергушиха.
4)	„	Ивана	Ваниха
5)	„	Василия	Васиха.
6)	„	Михаила	Мишиха.
7)	„	Егора	Егориха и т. д.

По аналогиии с этим говорят „Бараниха" (Баранова), „Пестричиха" (Пестрикова).

Названия по мужу, можно сказать, прирастают к замужней женщине и превращаются в своего рода прозвища. Бабку Антошиху, например, заочно никак больше не зовут, как только Антошихой.

Очень распространен также обычай давать прозвища, не связанные ни с каким родственным именем. Некоторые прозвища крестьян („Бута", „Сук", „Глыза") стали постоянными эпитетами. По прозвищу называют заочно, а в лицо — особенно обидными прозвищами называют только при перебранке.

Происхождение разных прозвищ разнообразно. Иногда их дают родители детям: Василий Иванов прозвал своего сына Ефима *Бремом*, потому что в это время в деревне жил мастер Ефим Брем; другого сына Ивана прозвал сивым, так как у него была синяя (сивая) жилка на лбу. Эти данные отцом прозвища остались за ребятами навсегда [1]).

Другой источник прозвищ — среда сверстников. Охромевшего мальчика Василия Большакова сверстники прозвали Колчаком, его брата Сережу — Зозынькой; может быть, такого же происхождения прозвища: Кукушка, Кот, Пуп, Мамыш; одного крестьянина прозвали Тиколянчик, потому что так приговаривал его отец, нянча его в детстве. Есть еще прозвища: Сук, Курица, Сорока, Тузик, Глыза, Бабай, Комар, Цыба, Бута, Шаменок Маруха и т. п. Обычай давать почти всем поголовно прозвища очень напоминает обычай

---

[1]) Такой же характер прозвищ: Ботя, Гуля. Некоторые прозвища представляют своеобразное отражение политических событий: общеизвестное имя „Колчак" делается прозвищем хромого мальчика по созвучию со словом „колченогий". Есть прозвища не совсем цензурные: „*Дристун*".

Московской Руси. Да и сами прозвища крестьян, которые мы встречаем в писцовых книгах и актах XVI — XVII веков, иногда вполне аналогичны современным.

Необходимо отметить, как местную особенность, почти полное отсутствие здесь устойчивых фамилий. В Орловской губернии в церковных метрических книгах и в волостных актах крестьян записывают всегда по имени, отчеству и фамилии. Здесь же только по имени и отчеству. Устойчивых фамильных прозвищ почти нет; они только что появляются.

Наиболее старыми фамильными прозвищами в Барановском краю владеет фамилия Гришановых (родосл. Бар. края № 1), а в Пестриковом — Кузнецовых. Первые так названы по имени прадеда, — вторые по профессии деда-кузнеца. Но из Гришановых только один двор продолжает носить эту фамилию; остальные называются по имени деда (Тутаевы, Карповы) и даже отца (Николаев Михаил — Баран. край № 2). Не будет ничего удивительного, что в будущем эта фамилия разобьется на еще большее число разноименных ветвей. Что же касается Кузнецовых, то они редко сами себя так зовут и пишут. Более молодые фамилии (Малышевы, Большаковы, Минаевы) просто отчества или прозвища отца. Сознательно их носят и по фамилии подписываются только кое-кто из молодежи, побывавшие в солдатах (там нужна фамилия) и являющиеся носителями новых взглядов [1]).

Но как раз они-то чаще всего и меняют фамилии: сына „Станового“ зовут „Становов“. Это — его фамильное прозвище. Но так как оно ему не нравится, то он пишется Ивановым. При перемене фамилий ни с какими сроками, назначаемыми декретом, конечно, не считаются (ведь официальных фамилий у большинства нет, есть только отчество). Кроме образования фамилий из имен отца или деда, мы можем наблюдать процесс образования фамилий из прозвищ: отца звали Звонарь, сына зовут по отцу Звонарев; отца — Становой, сына — Становов; отца — Курицей, сына — Курочкин. Мать зовут Елизавета Сорока. Возможно, что ее дети будут Сорокиными. Из прозвищ образовались фамилии „Большаковы“, „Малышевы“. Эти фамильные прозвища устойчивы в просторечьи, но официального значения тоже не имеют.

---

[1]) Солдат для деревни — человек образованный. Ср. частушку „Никто солдатика не любит, а я лажу полюбить: *образованные люди* знают, что поговорить“.

IV. МИРОВОЗЗРЕНИЕ.

1. Религия и колдовство.

Для характеристики мировоззрения крестьян я должен прежде всего остановиться на их религиозных верованиях. Необходимо констатировать, прежде всего, формальный характер их религиозности: чинное соблюдение установленного обряда, выполнение благочестивых обычаев, — вот основа здешней религии. Такого рода религиозность держится до сих пор довольно крепко. Крестьяне ездят по праздникам в церковь, при чем домашние до окончания службы и до возвращения богомольца не пьют чаю. Посты соблюдаются, хотя больше пожилыми, чем молодежью. Впрочем, и последняя может нарушать пост только мясоедом в среду и пятницу [1]), так как соблюдение больших постов диктуется помимо религиозных еще и хозяйственными соображениями: хозяйки копят молочные скопы к празднику. В великий пост говеют. Духовных приглашают в деревню для совершения молебнов (при выгоне скота, о дожде и т. п.). Особенно торжественно празднуются местные праздники, установленные по завету („заветились"). В Гадышах празднуют второй спас (6 августа ст. ст.), Михайлов день (8 ноября). Николу весеннего (9 мая) и Пантелеймона (28 июля). Последний праздник установлен на памяти стариков. Был когда-то падеж скота и одному старику приснилась во сне икона св. Пантелеймона. Немедленно достали икону, поместили ее в часовню, устроили торжественное молебствие с крестным ходом, окропили скот святой водой — мор, как говорят, прекратился. Тогда крестьяне „заветились" (обещались) праздновать ежегодно 28-е июля (память св. Пантелеймона). До сих пор этот день празднуют.

По средневековому обычаю, крестьяне празднуют большое количество праздников: с разного рода пятницами по гадышевскому календарю в году 104 нерабочих дня (по старому 88, а по советскому 69). Среди них местные деревенские праздники играют

[1]) Да иногда в Петровки, которые соблюдаются нестрого.

весьма видную роль. В других деревнях тоже не только исстари, но и в недавнее время устанавливались местные праздники в память избавления от какого-нибудь несчастия. Например, в Поддубьи, по словам крестьян, тоже была валежь скоту, — ну, в этот день и „заветились“, чтоб крестный ход был (6 августа).

Пантелеймон в Гадышах — трезвый праздник: к нему не варят пива и не гонят самогонки, а только готовят праздничный обед и пекут пироги. В этот день бывает крестный ход из Рождества в Гадыши и обратно. В крестном ходу принимает участие вся деревня — это своего рода религиозно-увеселительная прогулка, связанная с драматизацией. Роли разделены. Старики чинно встречают иконы за околицей и с серьезным, строгим видом несут их до часовни, а после молебна обратно за околицу. Всю остальную часть пути иконы с пеньем молитв несет молодежь. Идут очень быстро, часто переменяясь. Свободные пары заняты, как всегда бывает, там, где сойдется молодежь, ухаживанием и легким флиртом.

В виду того, что крестный ход сам по себе является привычным и веселым развлечением, отвлечь от него крестьян всех возрастов трудно. В 1921 году случилось в день св. Пантелеймона любопытное совпадение духовного торжества со светским праздником. Дело было так: местная коммунистическая ячейка решила чем-нибудь проявить себя перед Бологовским центром, неоднократно строго запрашивавшим о ее деятельности. В соседней деревне Градобит устраивали накануне спектакль в пользу голодающих с приезжими (из куженкинского гарнизона) артистами. Ячейка пригласила их к себе на праздник, уверяя, что концерт под открытым небом состоится и сбор будет полный. Приехало не менее 30 человек артистов, расположились на большой поляне в бывшей усадьбе Прохорова и приготовились давать концерт. По селу разослали ребят звать народ. Для привлечения внимания заиграла музыка. Но все оказалось напрасным: взрослое население поголовно ушло с крестным ходом, а для двух десятков ребят, собравшихся около редких гостей, конечно, играть никто не стал. Так и пришлось всем артистам ехать в Куженкино, проклиная и в душе, и вслух местных организаторов неудачников. Поступили ли так крестьяне из чистого религиозного усердия или у них были, кроме того, другие мотивы, затрудняюсь сказать; вероятно, платность спектакля тоже сыграла здесь известную роль.

Что же касается социально-политического и этического мировоззрения, то оно почти не связано с религиозным. Можно сказать, что только антисемитизм, следы которого повсеместно можно встретить в деревне, до известной степени связан с религиозными взглядами. Но в Гадышах антисемитизм проявляется в очень смягченной форме:

о засилии „жидов“ говорят очень много и против него протестуют, но с реальными, живыми евреями находятся в приятельских отношениях: ведут с ними дела и пускают к себе на квартиру. Правда, случается, что в пьяном виде какой-нибудь скандалист отведет душу крепкой бранью по адресу попавшегося ему под руку „жида“ (это бывает в праздник); но на другой же день мир восстанавливается. Антисемитизм сознательный наиболее развит в среде богатых, для которых евреи, как организаторы торговли и промышленности, являются конкурентами.

Необходимо заметить, что религиозной экзальтированности похожей на ту, что пышно расцвела в деревне католической Польши, здесь нет и помину. Нет также и бабьего кликушества, которое так распространено в губерниях нашего земледельческого центра.

Последнее обстоятельство тем более замечательно, что вера в порчу и колдовство здесь широко распространена, особенно у женщин. Всякая болезнь — по мнению баб — бывает с „осуду“, т.-е. „с глазу“. Поэтому и лечить болезнь следует заговором и ворожбой. Примеры своеобразных приемов колдовского леченья приведены в приложениях. Колдовством занимаются старухи — бабки и старики. Часто колдовство передается от отца к сыну. Почти везде считают колдуном пастуха, — в этом отношении взгляды крестьян изученного мною уголка Новгородской губернии вполне сходны со взглядами крестьян Поморского севера, по наблюдениям Ефименко.

Вообще, вера в колдовство и заговоры в новгородской деревне — явление повсеместное. Заговоры обычно связываются с какими-нибудь магическими действиями, иногда очень несложными. Так, против фурункулов самым действительным средством считается такой заговор: надо обвести пальцем вокруг больного места „наоборот“, т.-е. не слева направо, а справа налево, и приговаривать при этом: „ни один, ни два, ни три, ни четыре, ни пять, ни шесть, ни семь, ни восемь, ни девять“. Эта процедура должна быть повторена три раза, в чем и состоит весь заговор. Насколько он действителен, не знаю, но, вообще, в силу заговоров здесь верят все поголовно. Даже местный учитель уверял, что ему заговорили однажды успешно зубы и после передали этот заговор. Он сам практиковал его не один раз с успехом. От укуса змеи единственное средство, в которое верят и здесь, и в других местах, заговор „деда“.

Кроме приведенного заговора, можно еще отметить несколько примеров колдовских действий.

1) Чтобы вылечить ребенка от „собачей старости“ (худосочие), его парят в бане веником, потом кладут под корыто, а на корыте отрубают топором конец веника. В это время мать ребенка,

голая, должна обежать кругом бани. Эта процедура повторяется трижды.

2) Когда человек захворает от осуду, берут ложку, обмывают водой, эту воду переливают через уголек, кладут туда соли и что-то при этом причитывают. Потом дают больному эту воду выпить и, когда он сделает глоток, неожиданно спрыскивают его водой изо рта — прямо в лицо. После этого он должен выздороветь.

3) Когда на глазу сидит „песьяк“ (ячмень[1]), перевязывают (тоже с известными причитаниями) красной шерстинкой два пальца на руке, средний и безымянный, перевязывают не просто, а восьмеркой; надо перевязывать на правой руке, если песьяк на левом глазу, и наоборот.

4) Другое средство от песьяка — горячим мякишем хлеба „торкают“ (тычут) три раза в больной глаз, потом этот мякиш бросают собаке, чтобы она съела.

5) Чтобы остановить кровь, надо начертить на полу или на земле круг, стать в этот круг и бросить чем-нибудь острым в землю. Острый предмет до тех пор не следует вынимать, пока кровь не остановится.

6) Чтобы приворожить к себе мужчину, надо подмешать ему в кушанье слюны или менструальной крови.

7) Для той же цели надо, когда случится с ним быть за столом, сесть на противоположном углу и незаметно подложить ему кусочек хлеба, предварительно от него откусив. Если он съест кусочек, то приворожится.

8) Чтоб исполнилось желанье, надо поставить в церкви перед образом свечку вниз светильней.

9) Если человек пропал без вести, надо помянуть его за упокой. Тогда он даст о себе знать.

10) От всех болезней людям и животным помогает четверговая соль. Ее кладут в посуде в печку в великий четверток и наблюдают, чтоб она там стояла во время топки все три дня пасхи, потом соль вынимают и хранят, как лекарственное средство.

11) Если хочешь кого-нибудь видеть, надо три раза позвать его в трубу.

12) Если что-нибудь потерялось, надо обвести платком три раза вокруг ножки стола („закрутить чорту хвост“), потом крепко-крепко завязать узел на платке („завязать чорту хвост“). С этим узелком надо ходить, пока вещь не найдется. Чем крепче стянешь узел, тем больнее будет чорту и тем скорее он отдаст потерянную вещь.

---

[1]) Его называют еще здесь „барин“.

Перечисленные выше колдовские приемы в большей своей части принадлежат к невинным, так сказать, домашним волшебным средствам. Их часто практикуют полушутя, полусерьезно. Но в деревне многие убеждены, что настоящие колдуны несомненно обладают могучими колдовскими средствами. У бабок тоже есть заговоры, но о них не рассказывают: если передать заговор другому, то уже потеряешь возможность сам пользоваться им. Точно так же и о ворожбе, о гаданьи нельзя узнать много, так как те, кто колдует, гадает, ворожит, об этом не рассказывают любопытным, но скептически настроенным людям. Чтобы узнать в точности все приемы колдовства, гаданий и ворожбы, надо долго пожить в деревне, надо пойти к колдуну по делу, как пациент к доктору, тогда можно узнать что-нибудь действительно интересное. Но вера в колдунов распространена повсеместно. Как и для первобытного дикаря, для крестьянина колдун — человек, имеющий общение с духами, только не с богами, а с чертями. Черти заставляют колдуна все время работать, т.-е. вредить добрым людям: то он пережинает по одному колоску дорожки через целые полосы, чтобы отнять урожай, то отнимает у коров молоко, чтобы не было скопу, то причиняет болезнь новобрачным. Если колдун работает, черти довольны, но если он пренебрегает своими прямыми обязанностями и, например, пьянствует, черти наказывают его и что-нибудь делают над ним: один раз пьяного колдуна черти затащили в узкую щель под часовню; другой раз в пьяного же они швырнули поленом с гумна. Колдун видит то, чего не видит и не знает обыкновенный человек, например, он знает всех других колдунов. Градобицкие, например, крестьяне не знают, кто у них в деревне колдун, и даже думают в простоте сердечной, что колдунов у них нет, а вот „куженкинский, вековешный колдун", который унаследовал это звание от отца, говорит, что в Градобицах колдунов много: уж он-то их, конечно, знает и может указать. Я уже говорил, что колдун является необходимым помощником всякого пастуха: если колдун не сделал обхода, коровы не будут слушаться пастуха. Колдун необходим при укусах змей. Колдун необходим при всяких кражах: только он может указать вора. В последней роли, впрочем, его с успехом может иногда заменить бабка — гадалка.

Перед смертью колдун должен передать „их" [1]) сыну или кому другому. Когда старый куженкинский колдун умирал, его сноха, жена младшего сына, подслушала его предсмертный разговор со старшим сыном. „Двух, — говорил колдун-отец, — тебе отдаю,

---

[1]) Т.-е. „чертей"; в рассказах про колдунов крестьяне избегают произносить слово „черти", а говорят „они".

а третьего [1]) Ивану (младшему) оставлю". Сноха не выдержала, вскочила в избу и закричала: „Не надо нам, батюшка, не надо, мы и так проживем".

2. Народная медицина.

Анимистическое мировоззрение в душе крестьянина уживается с практицизмом, и вера в чертовщину не мешает придавать значение личному опыту и опыту, переданному традицией. Это особенно заметно, когда мы подходим ближе к вопросу о средствах и способах леченья болезней. Здесь с колдовством граничит практическая народная медицина, которая представляет в Гадышах оригинальнейшую смесь целесообразных медицинских приемов с членовредительными действиями и глубочайшими суевериями.

Вообще, при внимательном рассмотрении приемов и средств народной медицины, мы видим, что очень часто в них вплетается элемент чудесного, необъяснимого: то для овладения лекарственным средством нужно „счастье", то — строгое соблюдение тайны: нарушишь ее, и лекарственное средство пропадет. Несомненно, здесь есть что-то анимистическое, есть следы одухотворения природы или уподобления ее человеку. Поэтому заговоры вполне можно поставить в ряду народных медицинских средств: они не выделяются резко из их среды, а скорее составляют с ними вместе средства одной категории. От всякого рода волшебства и колдовства через ряд нечувствительных переходов мы спускаемся к средствам народной медицины. Я не мог собрать полных сведений о народной медицине, но кое-какие народные рецепты мне удалось записать.

1) Гноящиеся мокрые раны после ожога присыпают растолченным овечьим пометом.

2) Если от долгого стояния в воде во время выгрузки дров подопревают пальцы, надо смазать их дегтем, взятым с колеса.

3) Дегтем хорошо мазать руки при коросте (чесотке).

4) Нарывы на теле (фурункулы, чирьи, „барина̀") надо залеплять сапожным варом, т.-е. смолой.

5) Лишаи смазывают раздавленной клюквой.

6) При болях в желудке пьют масло — льняное или деревянное.

7) Если корова напорется на сук и ранит себе вымя, то надо намазать рану „езвуковым салом" (барсуковым).

[1]) Эта мысль о передаче колдуном перед смертью своей силы другому сближает воззрения наших крестьян с воззрениями многих дикарей; некоторые из последних думают, что сила волшебства переходит к тому, кто в буквальном смысле из уст в уста примет последний вздох умирающего колдуна. О колдовстве и ворожбе см. также приложение 7-е.

8) Всякие раны — порезы и гнойные — лечат прикладыванием подорожника.

9) При больших ушибах иногда *бросают кровь*. Впрочем, бросание крови применяется при самых разнообразных болезнях. Вот один из случаев этой операции. В Городке бабу ушибло деревом, — немедленно привезли из Бологого бабку бросить кровь. Бабка, приехавшая помочь ушибленной бабе, не смогла ей бросить кровь, кровь не пошла. Тогда она нашла себе практику в другом доме: у крестьянина Ефима Семенова уже два дня сильно болела голова, а при головной боли хорошо бросать кровь. Бабка решила постараться: несмотря на протест больного, который чувствовал себя слабым и не хотел подвергаться операции, его разогрели на печке, а потом бабка стала насечкой „тюкать" ему вены. На этот раз успех был блестящий: крови вышло так много, что больной (у него, вероятно, был тиф) немедленно потерял сознание и пролежал без памяти десять недель. Я видел его через полгода после операции, он до сих пор не оправился: слаб, и ноги постоянно зябнут (ходит летом в валенках). Но подобные случаи не уменьшают любви к кровопусканию. Крестьянка той же деревни Мавра Андреева до революции ежегодно *бросала себе кровь*. Политический переворот почему-то заставил ее изменить этой похвальной привычке, и года три она крови не бросала. Но в 1921 году, когда, очевидно, на ее взгляд, все снова вошло в свою колею, она вернулась к любимой привычке: снова бросила себе кровь.

10) При болях в животе (при катарре, когда „подкатит под ложечку") *накидывают на живот горшки*.

Примечание: банки и пиявки — тоже любимые средства в тех же случаях.

11) Когда „*скрянут*" живот, т.-е. надорвутся, то, чтоб поставить все внутренности на место, „*рвут пуп*". Операция заключается в следующем: больного кладут вниз животом, долго растирают ему поясницу, а потом забирают кожу на пояснице и вывертывают до тех пор, пока внутри хрустнет, это значит, что пуп сорван, и больной теперь будет здоров.

12) После родов рожениц *правят* в бане, правят, т.-е. массируют несколько дней подряд. Иногда случается, что женщина оправилась от родов, но потом у нее снова начались недомогания, например, перестали сгибаться плечи. Тогда ее снова начинают править. Так как подобные неприятности бывают „с осуду", т.-е. с глазу, то бабке приходится одновременно бороться и с видимой болезнью и с невидимой ее причиною, т.-е. „с осудом". Обыкновенно она успешно справляется со своей сложной задачей и „выправляет" больную.

13) При простуде хорошо парить ноги или иные простуженные части тела сенной трухой и обертывать их *ржаными* мешками (т.-е. мешками от ржаной муки). У крестьянина дер. Гадышей В. Тутаева были простужены ноги: ему пришлось с другими крестьянами сходить по болоту в Большаков завод за 10 верст получать деньги; в тот же день не получили, заночевали в холодном сарае, — в результате в ногах, как говорит Тутаев, застыла „жильная кровь", ноги совсем отнялись. Лекарства не помогали, чувствительность была потеряна настолько, что доктор всю иглу втыкал в ногу, и никакой боли при этом больной не чувствовал до тех пор, пока игла не касалась кости. Не получив помощи от докторов в течение целого года, Тутаев — по совету соседей — стал лечиться домашними средствами: утром парил ноги сенной трухой, обваренной кипятком, а после обеда обертывал ноги мешками из-под ржаной муки и всовывал их в печку. Мука, остававшаяся на стенках мешков, распаривалась и сильно согревала ноги. После того, как подобная операция была повторена 8—10 раз, все прошло, и Тутаев стал ходить.

14) *От ревматизма* хорошо лечиться укусами пчел: дьякон с. Рождества лечится так: он укутывает ноги, оставляя голыми пятки и ложится пятками к летку улья. Пчелы набрасываются и жалят его в пятки, что является прекрасным лекарством.

15) От ревматизма же хорошо такое средство: набрать обыкновенных дождевых червей в бутылку, закупорить их и поставить париться в печку. Получится густая жидкость вроде касторки. Действует она, как крепкий спирт.

16) Хорош при простуде и ревматизме также муравьиный спирт. Добывается он так: надо весной положить в муравейник пустую бутылку, смазав ее горлышко сметаной. Через несколько времени бутылка окажется полна муравьев, но при одном условии, если положивший ее, никому про это не сказал. Если же проговорился, пропало дело: в бутылке окажутся одни „колюшки", т.-е. еловая хвоя. Бутылку с муравьями надо плотно закупорить и поставить в печь — получится крепкий спирт.

17) Еще более сильным средством является муравьиное масло. По словам кр-на Василия Тутаева, муравьиное масло находят только „на счастливого". (Сам Тутаев находил его в своей жизни 8 раз.) Оно имеет вид белого комочка, лежащего сверху „муравенника" (т.-е. муравейника). Выходит оно до солнца, а потом расходится. Если его увидишь, надо брать сразу: нет посуды, бери в шапку, в картуз (Тутаев так именно и делал). Если же пойдешь за посудиной, не увидишь масла: уйдет.

18) Лечебным средством даже для грудных детей является *самогонка*. Мать накормила грудного ребенка квасом, неочищенным

огурцом, морковью. Открылась рвота и сильное недомогание. Тогда она сцедила у себя молоко, влила 15 капель самогонки и дала ребенку. Тот выздоровел.

19) *Стручковый перец* тоже является целебным средством. Один молодой человек после тифной прививки потерял голос и говорил только шопотом. Посоветовали ему пить чай со стручковым перцем. И что же! После такого леченья через несколько времени он стал говорить громко. Этот молодой человек — племянник В. Тутаева, рассказавшего нам про данный случай.

20) Если разрежешь палец или руку, то надо заболтать паутиной, кровь остановится.

21) Чтобы вытянуть жар при сильной опухоли, воспаленное место обкладывают мокрой глиной и забинтовывают.

22) Чтобы нарыв прорвался и очистился, привязывают к нему мягкий хлеб с солью.

23) Чтобы грудь была пышнее, наиболее кокетливые девицы намазывают ее на ночь куриным пометом.

24) Экзему лечат своей собственной мочей.

Рассмотрение приемов и средств народной медицины, применяемых в Гадышах, показывает, что крестьяне недоверчиво относятся к докторам, не верят в силу их науки и больше полагаются на свои испытанные в течение веков средства. Главными помощниками крестьян в применении этих средств являются те же лица, которые помогают против всякой злой силы — колдуны и бабки. Их авторитета больница еще не уничтожила. К докторам и акушеркам ходят, лечатся, берут лекарства. Охотно носят представителям медицинской науки молоко, масло, яйца, но в самых нужных, самых критических случаях большинство прибегает к помощи бабок. Во многих, хорошо мне известных случаях к докторам обращались лишь тогда, когда лечить больного было уже поздно. В прошлом году летом жена Андрея-Мастерки пригласила к себе принимать бабку, и притом бабку неопытную, которая почти никогда не практиковала. Бабка так неудачно помогла роженице, что у нее начался гнилостный процесс, ее свезли в больницу, еле-еле отходили, но здоровья не вернули: из здоровой, крепкой бабы она превратилась в „живые мощи“; акушерка жила во время этого случая здесь же в Гадышах, в трех шагах от роженицы, но к ней не обратились.

У М. В. Большакова, 14-летний сын Василий два года назад простудил ногу, показывая в лесу дорогу охотникам; у него начался туберкулез костей, „костоед“. Стали лечить своими средствами, подорожником, разными самодельными мазями, — нога все хуже. Поехали в больницу только тогда, когда из раны стали

выходить косточки. Мальчик хромает и теперь, как раз он-то за свою хромоту прозван „колчаком“, т.-е. колченогим.

Число подобных случаев можно было бы во много раз умножить (см. выше случай с Ефимом из Городка). Они достаточно выразительно показывают, что, несмотря на высокое качество и безвредность многих народных средств и приемов (муравьиный спирт, укусы пчел, массаж), лечение „своими средствами“ является делом очень опасным для народного здоровья.

3. Приметы и гадания.

От ворожбы и народной медицины перейдем к гаданьям, приметам и поверьям. Эта область народных верований не является столь опасной, как вера в бабок и колдунов, но зато она не менее характерна для определения народного мировоззрения. Власть традиции, может быть, ни в какой другой области не сказывается с такой силой, как именно здесь.

Я кратко отмечу все известные здесь виды гаданий, не исключая и тех, которые являются общераспространенными.

1) *Святочное гаданье при помощи зеркала:* ставятся два зеркала — спереди и сзади, чтобы получился бесконечный коридор, и две свечи по бокам. Когда смотрят в зеркало, увидят свое будущее (суженого, гроб и т. п.). Местные жители уверяют, что гаданье всегда дает верное предсказание, и ссылаются на конкретные факты.

2) *Гаданье с кольцом.* Насыпают на бумагу соли, а на соль ставят стакан, до половины наполненный водой (ее надо зачерпнуть левой рукой от себя); в стакан опускают кольцо и смотрят в него. Что увидишь, то и случится. Гадают большею частью на святках, но гадают и среди года.

3) *Гаданье по тени* с воском, оловом или бумагой. Надо задумать желанье, потом принести в горшке снегу, растопить воск или олово и вылить в снег (олово можно выливать и в воду). Получившуюся фигуру подносят на прямой дощечке к стенке и по тени судят, какую судьбу предвещает гаданье: гроб — к смерти, повозка с лошадьми или церковь — к свадьбе, большой дом с освещенными окнами — выйдет замуж в город; домашние животные и птицы (свиньи, куры, утки и т. п.)—к богатству (выйдет замуж за богатого).

Особая разновидность того же гаданья по тени — гаданье с бумагой: собирают бумагу в виде гармоники и жгут на дощечке, а потом уже подносят к стенке. Гаданье по тени — святочное.

4) На святках же ходят ночью в 12 часов *к церкви* и в замочную скважину слушают: если услышишь похоронное пенье — к смерти; если услышишь свадебное пенье — к свадьбе.

5) Ночью же на святках *гадают по снегу*. Выбегают на улицу, перевертываются *наоборот* [1]) на одной ноге три раза и, не останавливаясь, быстро наклоняются, схватывают комочек снегу и бегут домой. Здесь разбирают снег и смотрят, какого цвета в нем попадаются волоски: темные — выйдет замуж за брюнета, светлые — за блондина, седые — за старика. Если волос совсем нет — не выйдет замуж.

6) На святках же после ужина, не стряхивая со скатерти крошек, берут ее и идут на улицу, подслушивают разговоры встречных, ходят под окна — слушают и смотрят, а также спрашивают встречных, как суженого зовут. По ответам, подслушанным разговорам и виденным в окнах сценам судят о своей судьбе. Если в доме слышали песню или смех — к счастью; если видели ужин — будет жить богато; говорили про покойников — умрет и т. п.

7) Со скатертью или и без скатерти ходят на перекрестки. разгребают снег, ложатся ухом к земле и слушают: колокольчики — к свадьбе, погребальное пение — к покойнику и т. п.

8) *Святочное гаданье со снопом*. Берут сноп соломы, приносят в избу, развязывают и берут с комля первую попавшуюся соломинку: если с колосом — выйдешь замуж, если колос с зерном — выйдешь за богатого, если без колоса — совсем не выйдешь,

9) На святках же льют яичный белок в стакан с водой, получается фигура. По ней гадают так же, как при гаданьи по тени.

10) Чисто местный лесной характер носит гаданье при помощи *поленьев* (тоже святочное): ставят с вечера в ряд поленья посреди избы, и каждый назначает себе полено; чье полено ночью упадет, тот умрет.

11) Приносят ночью петуха, заранее приготовляют для каждого гадающего кучку зерна. Чью кучку петух клюнет, тот (та) женится или выйдет замуж.

12) Делают под подушкой из щепок *колодезь* („ключ“), на него кладут из щепок же сделанный крюк, рядом образок и ложатся спать так, чтобы левая рука окаймляла голову. При этом приговаривают: суженый - ряженый, приходи коня попоить, себя покажи и меня посмотри. Во сне должен явиться суженый.

13) Ложась спать под пятницу, пересчитывают дни попарно: „Суббота с воскресеньем, понедельник со вторником, среда с четвергом, а ты пятница одна и я одна. Скажи мне, пятница, что меня

---

[1]) Т.-е. слева направо.

ожидает". Дальше задаются вопросы (выйду ли замуж? и т. п.) и во сне на них получают ответы.

То же гаданье может производиться и под другой день — тогда изменяется текст заговора так, чтобы день, под который гадают, остался один. Но чаще всего гадают под пятницу.

Последние два вида гаданья, как и гаданье с кольцом, могут производиться не только на святках, но и в другое время.

14) На святках кладут под подушку гребенку и приглашают суженого прийти почесать ту, которая гадает. Суженый придет во сне.

Приметы, поверья и обряды.

1) Если заяц перебежит дорогу, случится несчастье.

2) Если серая или черная кошка днем перебежит дорогу или белая ночью, случится несчастье. Белая днем или черная ночью не предвещают несчастья.

3) Если поп встретится—несчастье.

4) Если птица влетит в избу, кто-то умрет.

5) Если птица стучится клювом в окно — к известиям.

6) Если сова повадилась летать на усадьбу и кричит близко от дома, будет покойник.

Народных поверий и примет я собрал немного, так как специально опрашивать с этой целью крестьян нецелесообразно, а для попутного узнавания примет и поверий нужно время. Любопытно, что здесь все убеждены, что комнатные цветы только тогда пойдут хорошо, если их украсть; купленые, они не примутся.

Целый ряд поверий связан с покупкой скота.

1) Если покупать скот на племя, не нужно торговаться, иначе хозяин его после будет жалеть, а это поведет к самым плохим результатам для покупателя.

2) Если тот, кто продал скотину, жалеет об ней, она может захворать: например, крестьянин д. Градобиц Григорий Емельянов выменял на жеребенка корову. Владелец коровы очень хотел иметь жеребенка, поэтому он к корове придал еще полпуда соли, а после стал жалеть, что дорого дал. И что же! Корова захворала и еле выжила зиму, к весне ее уже поднимали. Рассказывая об этом, Григорий Емельянов все время огорченно и торопливо повторял: „Зачем жалеть! Ведь сам просил, сам приходил!"

3) Если вновь купленная корова уходит от новых хозяев, значит старый хозяин жалеет, что ее продал. В Городке у Ефима Семенова купили корову и привели ее в Гадыши за 17 верст. Она два раза убегала, правда, недалеко, на версту — полверсты, но в ту сторону, откуда ее привели. Когда новые хозяева ее искали, то бабы сочувственно утешали: „Она беспременно в Городок ушла: ведь Ефим-то Семенов ехидный, скупой, жалеет!"

4) Скот может быть не ко двору: например, упоминавшаяся выше крестьянка д. Городка Мавра Андреевна уверяла, что ей рыжие коровы не ко двору. Была у них рыжая корова и все рычала, рычала, из глаз слезы текли. Так и продали.

5) Скот, как и люди, может заболеть от „осуду“.

6) Коровы дают мало молока или потому, что плохо сделан „обход“, или потому, что пастух отнимает молоко. Вообще за пастухом надо ухаживать, это — единственное средство предупредить еще бо́льшие неприятности. Если ему что скажешь, он и все молоко отымет.

7) Если при продаже скота старый хозяин скажет, не скрывая, покупателю все „предметы“ (т.-е. недостатки), то эти „предметы“ пропадают. Например, у старого хозяина лошадь не ловилась: продавая, он сказал об этом покупателю откровенно, тогда у нового она будет ловиться.

8) Любопытное поверье я записал в Городке относительно вреда, который может причинить чрезмерная жалость к больному. Одна молодая женщина рассказывала, что накануне она была у больной и сильно ее жалела, а сегодня сама вся больна. После я услышал подтверждение, что всегда, если, будучи у больного, сильно его жалеешь, сам заболеешь.

9) Еще любопытней странное поверье хозяйственного характера. Не раз упоминавшийся Тутаев говорил мне, что если посеять с осени жито, то на весну вырастет рожь (если при уборке жита с осени растерялись зерна, то из них тоже вырастает рожь). Если ее собрать, то получится хорошая семенная кустарка. Я сначала счел такое поверье слишком нелепым и опросил других крестьян; они рассказ Тутаева опровергли и согласились со мной, что это — нелепость. Но много времени спустя в дер. Поддубье от Петра Григорьевича Фарсистова я услышал тот же рассказ. Он с братом хотел посеять немного жита под зиму, чтобы получить рожь-кустарку. Возможно, что такое поверье вызвано тем, что по житу всегда бывают колоски ржи. Эта рожь осыпается и на весну дает всходы ржи, которую многие крестьяне с уверенностью производят от ячменя (в Ярославле на конференции по изучению производительных сил весной 1924 г. проф. Шипчинский упоминал об аналогичном поверьи: крестьяне думают, что в мочливые годы из семян ржи вырастает костер).

10) Есть старинный обычай, который характеризует отношения между полами и, может быть, в основе имеет взгляд на женщину, как на существо нечистое. Многие старики ходят в баню всегда первыми (из покойников Вас. Ив. Большаков, из живых Максим Шаменок). Если случится, что бабы вымылись раньше их в бане, они ни за что в баню не пойдут.

11) Интересный религиозный обряд связан с началом посева. Он совершается в каждом доме. За несколько времени до посева в церкви вынимают просвиру, за которую платят обязательно не деньгами, а мукой или хлебом. В день начала сева этой просвирой крестообразно благословляют лукошко с семенами. Затем кладут на семена хлеб, на хлеб просвиру (все это делается в переднем углу), молятся, и вместе с просвирой и хлебом выходят в поле сеять. К сожалению, я не наблюдал сам этого обряда, а только слышал о нем рассказ [1]).

По просьбе известного этнографа Ал. Ник. Максимова, я справлялся, нет ли в Новгородской губернии каких-нибудь следов обряда опахивания. Никаких следов этого обряда я не встретил, ни в Гадышах, ни в округе, тогда как в Орловской губ. в двух местах мне про опахиванье говорили. Вообще, в Новгородской губернии сравнительно с центром и югом европейской части СССР сохранилось мало обрядов. Нет совсем весенних обрядов завивания березки, похорон русалки, тогда как эти обряды до сих пор можно наблюдать, например, в Брянской губернии. Возможно, что славянские религиозные воззрения на нашем северо-западе во время многовековой борьбы с чудью уступили место менее красочным и более сухим религиозным представлениям финского племени или ассимилировались с ними.

Традиционные христианские и дохристианские религиозные воззрения держатся довольно прочно; они опираются на первобытную технику земледелия и вообще на слабую техническую вооруженность человека. Философский рационализм и скептицизм в сознательной форме сюда еще не проникли. Но зато проник буржуазный дух коммерческого расчета, который неприметно вытесняет религию из жизни и делает ее только красивой декорацией. Вместе с христианским культом теряют жизненное значение и остатки дохристианского культа (колдовство). Мужики, особенно побывавшие в столицах, уже говорят о колдунах с усмешкой, хотя отрицать их существование и не решаются.

4. Этика.

От „естественно-научного“, — если можно так выразиться, — мировоззрения деревни перейдем к ее этике. Она заслуживает внимания. Деревня живет естественно-животной жизнью и принимает как должное все те явления, которые вытекают из естественных перемен. Крестьянин не возмущается и не негодует, если глупый случай, неосторожность или болезнь калечат человека. Он принимает этот факт, как факт естественный, и сам начинает смотреть на охромевшего, окривевшего, сухорукого, как на суще-

[1]) В д. Поддубьи, где видел и приготовленную для обряда просвиру.

ство второразрядное, „убогое“, которое во всяком случае не стоит здорового человека. Точно так же он считает вполне естественным и неизбежным явлением болезнь и смерть. Он говорит о смерти с больным откровенно и на наш взгляд бестактно. — „А должно, Александр Александрович, скоро вы за моим Мишей пойдете“,— говорит туберкулезному больному его родственник, отец недавно умершего молодого крестьянина. „Ау, Петра Александрович, теперь уж тебе травки не таптывать, скоро отправишься!“— говорит сосед-мясник молодому человеку, тоже больному чахоткой.

„Что это ты желтая такая, верно за папашей думаешь пойтить“,—сочувственно говорят дочери умершего Ал. Ал. ее деревенские приятельницы.

Или такой разговор:

— „Куда вам дом строить? Вы уж не моло́дые“.

— „А может быть я еще годов десять проживу, все в своем углу буду“.—„При такой жисти где десять лет прожить—не проживешь“. Беседа между вдовой этого Ал. Ал. и соседом крестьянином; последняя фраза говорится тоном глубокого убеждения.

Даже вдова трагически погибшего от бомбы Василия Федорова настойчиво добивалась от него перед смертью, чтобы он благословил сына и дал ей совет, как жить после его смерти (впрочем, подобный эгоизм остающихся по отношению к уходящему из жизни можно подметить и не в крестьянской среде). Наивная простота в отношении болезни и смерти и наивный эгоизм по отношению к больным и умирающим объясняется, очевидно, отсутствием рефлексии и слабым развитием способности перевоплощения. Этим же, как мне кажется, объясняется и отмеченная выше склонность молодежи к рискованным, опасным для жизни и здоровья действиям. Люди плохо представляют последствия своих действий, и это делает их решительными в выполнении иногда очень опасных предприятий. Отваги, как социальной доблести, в этом нет.

Вообще же в основе этического мировоззрения в новгородской деревне лежит своеобразный, грубый дарвинизм: молчаливо признается, что сильный должен иметь первое место, а слабый должен ему уступать.

В понятие силы, кроме чисто физической силы, входят такие факторы, как богатство, ум и изворотливость. Все это в почете. Болезненные, одинокие, обедневшие люди — предмет полупрезрительной жалости. Если сильный отнял что-нибудь у слабого путем происков, подкупа, или просто нахрапом, то потерпевшего жалеют, но за него никто не вступается. Даже сельские должностные лица, если и не помогают захвату, предпочитают в таких случаях держаться принципа: „Моя хата с краю — ничего не знаю“. В виду этого постороннему человеку обосноваться в деревне трудно:

надо иметь или родню или же быть для деревни человеком нужным, чтобы пустить там какие-либо корни.

Этическое мировоззрение крестьян будет очерчено не полно, если мы не коснемся вопроса о трудовой морали. Взгляд на физический труд, как на основу права собственности, широко распространен среди крестьян: если, например, к пустующему зданию, полученному от волземотдела, приложен хотя бы самый ничтожный физический труд (раскрыта крыша), то соседи считают здание освоенным и претензий на него не предъявляют. Но если к нему не приложено никакого труда, владение им непрочно: соседи сочтут себя вправе смотреть на него, как на ненужное для данного лица, и сумеют доказать это волисполкому. Так же смотрят и на землю. Видеть в подобных взглядах продукт советского законодательства нельзя, так как в тех вопросах, где законодательство идет вразрез с мировоззрением крестьянина, оно не проникает так быстро и прочно в быт. В этом случае трудовое законодательство идет в полном согласии с трудовыми взглядами крестьянства [1]). Однако, надо добавить, что уважение к труду у крестьян своеобразное и носит на себе печать той узости кругозора, которой они отличаются. В этом ахиллесова пята крестьянской трудовой морали. При столкновении с более сложными формами хозяйства и быта она разлетается вдребезги. — Современная крестьянская работа и в поле, и в лесу очень тяжела и требует не только силы, но и сноровки. Поэтому рядовой крестьянин, раз приспособившись к ней, теряет уважение ко всем людям, которые этой работы делать не могут. Для него лодырь не только интеллигент, но и городской рабочий. А свой труд — действительно тяжелый — он выставляет, как подвиг или как муку. Впрочем, в этом отношении крестьян можно разбить на 4 группы: первая группа, в разговорах с некрестьянами, слишком переоценивает тяжесть своего труда. Может быть, это происходит потому, что большинство входящих сюда средних крестьян (особенно женщины и дети) не считают свой труд созидающим, творческим: работают потому, что надо, потому, что отец велел, потому, что все вышли на работу и т. п. Более энергичные из крестьян работают больше и жалуются на тяжесть работы меньше. Почему? Потому что при работе у них есть цель, есть воодушевляющая их идея. Это вторая немногочисленная категория крестьян, куда можно зачислить тех

[1]) Симпатичным проявлением этого традиционного уважения к труду является отношение к лицам, работающим поденно во время „страды“. Не только в том случае, если устраивается толока, но и тогда, когда приглашают одного, двух человек за плату, для них готовят в полном смысле праздничный обед и угощают поденщика или поденщицу, как лучшего гостя. Равным образом, отношение к постоянным работникам и нянькам патриархальное: они члены семьи.

из богатых, зажиточных, которые живут землей, а не торговлей, а вместе с ними всех земледельцев - хуторян. Я сказал бы, что это самый ценный элемент деревни с точки зрения хозяйственной. Они и хорошие работники, и организаторы своего труда одновременно. Только они могут стать проводниками новых приемов сельского хозяйства. Третья категория — крестьяне, которые нутром любят земледельческую работу, которые, по выражению Успенского, чувствуют власть земли. Это особый тип, он отличается даже по виду: грязновато одетые, с лохматой головой и бородой, добродушные и скромные, землеробы вечно за работой. Эта категория крестьян для хозяйственного прогресса делает мало, так как работает по трафарету и живет как бог велит. Четвертая категория — это дельцы, предприниматели, приказчики, сознательно не связывающие своей основной деятельности с землей. Они торгуют, занимают всякие должности по лесному делу, теперь сводят делянки и отлынивают от земледельческого труда. Вторая категория смотрит на них, как на лодырей. А они резонно отвечают: „Дураков работа любит“. И эти лодыри фактически стоят во главе деревни, организуя ее промысловые работы. Их авторитет признает большинство, а с этим уже несовместимо пренебрежение к некрестьянскому труду, и притом не только к труду рабочего, но и к труду чисто организаторскому, не физическому. Белоручки оказываются совершенно необходимыми людьми, и деревня, за исключением немногих чудаков, начинает проникаться к ним уважением, бóльшим, чем раньше (до революции). Однако, при общей узости кругозора, это уважение имеет специфический характер: тех, кто работает на глазах крестьян или привычными им методами: купцов, приказчиков, конторщиков считают нужными людьми. А труд научный [1]), литературный, даже административный в его более отдаленных от деревни стадиях не считается трудом. Характерно, что даже труд учителя, который работает здесь же в деревне и который крестьянам нужен, крестьяне расценивают очень низко.

5. Политические взгляды.

В заключение два слова о политическом мировоззрении крестьян.

В рассказах о прошлом (см. приложения) сказывается общий демократический дух крестьянского мира, осуждение бар и их

[1]) Когда крестьяне меня спрашивали, зачем я изучаю деревню, я мог успокоить недоумевающих только указанием, что за это мне платят деньги и что этой работой я живу. Такое объяснение они охотно принимали. Всякое другое было им непонятно.

эксплоататорской политики. Что же касается настоящего, то об отношении деревни к Советской власти я уже говорил. Его можно назвать бессознательно сочувственным. Это особенно заметно теперь, после НЭП'а. Но необходимо отметить сравнительную узость общественно-политического кругозора крестьянина. Ему вполне понятна идея выборности сельсовета и волисполкома, — это дело для него привычное: эти власти он считает ответственными перед собой и — в случае недовольства их действиями — проваливает их на следующих выборах. (Партийность при выборах не играет роли: не одобряют крестьяне лишь чрезмерного [1]) взяточничества и строгого ригоризма при выполнении декретов: хорошим администратором считают покладистого и обходительного человека.) Но уже о своем праве влиять посредством выборов на состав уездного совета крестьяне имеют очень смутное представление. Уездный совет в их глазах имеет свое самостоятельное происхождение, выборами в него не интересуются и о них даже как будто не знают. Здесь, очевидно, сказывается слабость традиции земских выборов. Корни мирского и волостного управления уходят в глубь веков; самоуправление же в уездном масштабе появилось лишь после введения земства [2]), да и то было для крестьян в значительной мере фиктивным. Что здесь дело объясняется именно вековыми привычками и традициями, показывает отношение крестьян к духовенству. Выборность „попов" у нас давно отменена; но она существовала веками, — и современный гадышевский крестьянин считает попа мирским слугою, при чем формулирует отношения между миром и попом почти буквально словами порядных поповских записей допетровского времени.

У самого старозаветного крестьянина есть живое представление, что поп миру подотчетен. Такого представления о выборных уездных властях нет, хотя логичным было бы обратное.

Вообще, чем дальше от деревни, тем сбивчивей политические представления крестьян. О съезде советов и ВЦИК'е здешние крестьяне почти не имеют никакого представления.

Отношение ко всем органам власти за пределами волости характеризуется словами: „Мы от власти не прочь. Нам власть нужна". Но как организуются органы власти, — к этому крестьянин равнодушен. Демократические права и конституционные гарантии в общегосударственном масштабе для него — звук пустой.

Пусть власть организуется кем угодно и как угодно, лишь бы она не слишком больно задевала материальные интересы крестьян.

---

[1]) Только „чрезмерного", добровольные же „приношения" — бытовое явление.

[2]) Я имею в виду всесословное самоуправление, в котором крестьяне хотя бы формально участвовали; сословное дворянское самоуправление, как известно, существовало и раньше.

Принимать же организованное участие в самом строительстве власти—к этому рядовые крестьяне не имеют никакой склонности. Если у них и есть в этой области принципы, то как раз такие, которые поощряют их политическую пассивность.

Для крестьян данного района вообще характерна аполитичность. До 1921 года здесь трудно было услышать хотя бы одну политическую частушку. Потом они стали сюда проникать, но в небольшом количестве. Очень характерно то, что явно контр-революционных желчно-злобных частушек, какие приходится слышать среди крестьян земледельческого района (Рязанская губерния) [1], здесь совсем нет. Но вместе с тем я не слышал здесь и „советских частушек", ни подмосковных, с упоминанием автора „Азбуки Коммунизма" („Экая ты харина... почитай Бухарина"), ни таких хотя бы, какие встречаются в Вологодской губернии:

Наша речка широка —
Я тычинку выкину.
Сбили форс у Колчака
Будет то ж Деникину.

или:

Раньше девушки любили
Богачей да кулаков.
Нынче красные на моде:
Я люблю большевиков. (Из волог. газет.)

Можно сказать, что, как в отношении к политическому прошлому (крепостное право, самодержавие) здешние крестьяне не проявляют

---

[1]) Вот, например, частушки из Рязанской губ. контр-революционного характера.

1) Слушай, Лёва, милый друг,
Ты чего молчишь?
Эх, Ильич, друг милый мой,
Скоро полетишь.

Сравнительно мягкой для Рязанской губ. является иронически-шутливая частушка:

Сидит Ленин на заборе,
Дожидается огню,
А товарищ ево Троцкий,
Высекает из кремню.

(Из частушек, собранных мною путем анкеты на курсах народных учителей.)

желчности, так и к настоящему („Советская власть“) они относятся ровно и спокойно. Это общая черта северного крестьянского быта [1]).

В самые последние годы (1923—24), как видно из предыдущих глав, молодежь выходит из состояния политической пассивности и приобретает вкус к деятельному участию в общественной жизни.

---

[1]) Вообще на севере мы встречаем, сравнительно с югом, поразительную сдержанность в выражении своих политико-социальных воззрений. Поэтому в частушках социально-политического характера нет и следа ругани. Вот для примера две череповецкие частушки:

1) Антисоветская:

„Говорила дорогому:
В коммунисты не пишись,
Это право переменится —
Худая будет жисть!“

2) Антирелигиозная:

„Ах, позвольте вам открыться,
Ах, позвольте рассказать:
В церковь ходят не молиться,
А наряды показать!“

Обе частушки, несмотря на различие их направления, одинаково на редкость корректны.

V. БУДНИ И ПРАЗДНИК.

(Быт).

Я уже упоминал, что в странном с первого взгляда противоречии с примитивным состоянием земледелия стоит высокий уровень материальной культуры в новгородской деревне. Здешний крестьянин живет в просторном помещении, которое содержится очень чисто: еженедельно моются полы и лавки; два раза в год стены. Еженедельно ходят в баню; очень любят, как во времена летописца, париться [1]). Здесь совсем нет господствующего в центральных районах антигигиенического обучения умываться водой, набранной в рот; умываются всегда из глиняного рукомойника с двумя „рыльцами“. Нет обычая подтирать соски коровы перед доеньем слюной (отмечено наблюдателями в Московской губ.). Спят зимой в избе на печи, на лавках и полу, но не натаскивают соломы, а подстилают соломенные матрацы или что-нибудь из одежды. Летом молодежь спит в клетях и сараях. Кроватей мало, обычно, одна в семье. Питается гадышевский крестьянин много лучше крестьянина центральной России. Большую роль в столе играют лесные ягоды и грибы. Из ягод любимая брусника. Когда хозяин придет вечером из бани, он просит подать себе пареной брусники и с удовольствием съедает чашку сильно закисшей острой ягоды.

Из грибов любимые осенние соленые грибы (волнушки, грузди). Их заготовляют в большом количестве и едят утром перед чаем. Белые грибы тоже очень ценятся. Собирают грибы и ягоды, как было сказано, женщины и дети. Взрослые мужчины берут грибы лишь мимоходом, когда идут с работы или на работу. Белых грибов набирают по трехпудовому мешку и больше. Из ягод сушат малину, чернику. Черную смородину (лесную) едят сырой, не

---

[1]) Впрочем, по словам старожилов, в старое время бань было меньше: 3—4 на деревню; мылись в печках, а окачивались водою даже и в зимнее время на дворе („Покуль бежишь по сеням, пятки к полу примерзают“).

сушат. Из свежей черники и из „гоноболи“ (черная водянистая ягода — голубика) делают начинку для пирогов.

Из печенья следует отметить ватрушки с творогом, кокорки с картофелем, рыбники (пироги с рыбой). Последние едят таким образом: сначала едят рыбу, а потом пропитавшуюся ее соком и маслом оболочку; пекут также курники,—так называют здесь пироги со свежей свининой [1]).

Из местных молочных кушаний следует указать на кислый творог с водой. Творог копят постом. Наполненную творогом посуду

Рис. 1. Варка пива в Гадышах ночью.

заливают жирным топленым маслом и оставляют так до рабочей поры. А во время покоса или жатвы берут с собой творог в поле, там разводят водой и едят. Новгородские крестьяне никогда не готовят свиное сало по-малороссийски: они засаливают его в рассоле, как и все свиное мясо. Мясо не свиное новгородцы часто после засола вялят, вывешивая его на чердак, на ветер. Любимое блюдо новгородцев—гуща („гущееды“)—каша из $^1/_3$ гороха и $^2/_3$ житных круп. Из напитков наиболее употребителен квас. В праздники варят пиво (в последнее время и самогонку).

В варке пива женщины не принимают участия. Все работы выполняются мужчинами,—женщины остаются в стороне и смотрят

[1]) У мордвы курниками называются пироги с зажаренными в них целыми курами. В новгородской деревне это название уже не соответствует действительной начинке и является пережитком старины.

на это занятие с некоторой иронией. Даже воду для пива носят мужчины. (Вообще же, как мы знаем, они считают для себя унизительным носить воду.) Чтобы меньше тратить труда на ношение воды, варку пива устраивают на берегу пруда или озера, иногда за несколько верст от деревни. Варка продолжается весь день и всю ночь, накануне праздника.

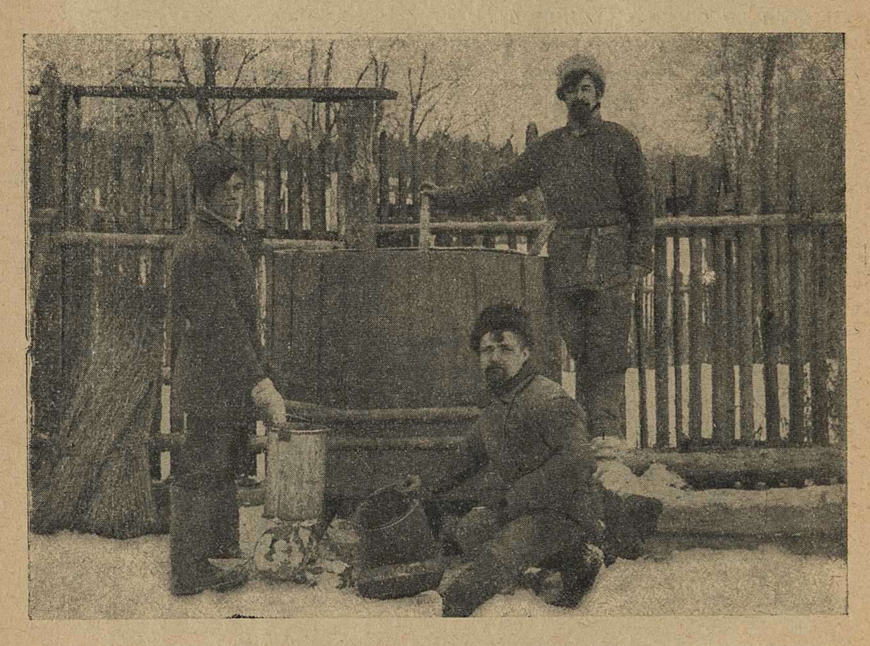

Рис. 2. Варка пива в Гадышах близ дома Александра Курочкина. (Сливают сусло.) В центре „дошник" вместимостью 50 — 70 ведер. В дне дошника над корытом есть квадратное отверстие, закрытое „стырем", палкой с четырехугольным наконечником (конец его виден по середине дошника). Когда „стырь" приподнимают, пиво сходит в корыто.

В Гадышах пиво варят на берегу реки, выше и ниже моста, а также около дома „Курицы", на месте старой мельницы. Когда власть запрещала варить пиво, варили в версте от деревни „в Луке" (на полуострове). При варке разводят костры из поставленных стоймя больших плах („большая груда"), среди которых положены камни. На других кострах поменьше („малая груда") кипятят воду в чугунных больших котлах. Тут же стоят большие чаны (дошники) в 30 — 90 ведер, с отверстием в дне, которое затыкается стырем (см. рис. 2). В чаны сыплют солод, давно заготовлявшийся к празднику, муку ржаную и овсяную, разводят

все это водой, доливают кипятком. Затем все хорошенько размешивают и оставляют заквашиваться. Часа через два в чан на дно опускают круг, сделанный из „вицы“ и пучков соломы („веху“), а потом, чтобы прокипятить и проварить хорошенько всю массу, бросают сюда раскаленные камни из большой груды. Жидкость пенится и кипит. Чтобы она не убежала, ее непрерывно мешают веслами и все время зачерпывают и „льют на стырь“. К вечеру жидкость в дошнике остывает и превращается в сладковатое сусло. Небольшое количество сусла отливают и относят домой. После его варят с сахаром или изюмом и подают в конце праздничного обеда. Отлив немного сусла на сладкое, остальное спускают, подняв стырь, переливают в чан меньших размеров (сусленник) и кладут хмель [1]), — к утру получается хмельное, слегка сладковатое пиво. Крестьянское пиво значительно вкуснее пива фабричного производства. Когда сливают сусло и пробуют первое пиво, то приглашают отведать сусла или пива всех присутствующих, — а любопытных и зрителей бывает не мало. От всей процедуры пивоварения веет чем-то первобытным. Воскресает былинная эпоха, эпоха Микулы Селяниновича, который рассказывал про себя:

. . пива наварю, да мужиков напою,
Станут мужички меня похваливати,
Молодой Микулушка Селянинович.

Дух широкого хлебосольства и гостеприимства и теперь сочетается с общественным пивоварением. Недаром многие находят невыгодным варить пиво на пивоварне и предпочитают варить его в меньшем количестве дома, здесь никого не нужно угощать, да и меньше идет всякого добра. Вообще пивоварение переживает период упадка. Раньше большие чаны в 30 — 40 и более ведер варились одним домохозяином. Теперь уже собираются в компании по 3 человека, засыпают муки по $1^1/_2$ пуда и делят полученное пиво поровну. Самое искусство варки пива стало забываться. Мало осталось опытных пивоваров. Все чаще и чаще пиво не удается, и вместо жидкости получается почти одна густышка, которая пригодна только на корм свиньям. Но все же покамест в праздники почти в каждом доме есть свое пиво.

В последнее время с пивом начинает конкурирорать самогонка. Некоторые из более молодых крестьян предпочитают запасаться на праздник одной самогонкой. Ее выгоняют в бане при помощи самых простых приспособлений. Затирают тесто из муки, или

---

[1]) Хмель сначала кладут в остуженное сусло в ведра, а когда уже все пиво остынет, переливают хмель в сусленник.

Рис. 3. Варка пива в Гадышах: орудия пивоварения (дошник, сусленник; стырь, боченок для пива, ведра для хмелин; веха из соломы и вицы; большая груда; малая груда с котлом).

из вареной картошки с небольшой примесью муки в котле. Котел сверху покрывают круглой доской с отверстием в середине и замазывают глиной. Над отверстием вмазывают горшок с дырочкой в боку. В нее вставляют металлическую трубку, проходящую через корыто с водой (холодильник). Печку топят, подвергшееся брожению тесто выделяет спирт в газообразном состоянии. Пройдя через холодильник, он охлаждается и капает из трубки. Из пуда муки получается четверти полторы самогонки небольшой крепости 25 — 30°. Чтобы получить крепкую самогонку, градусов в 70°, ее подвергают второй перегонке.

Любопытно было бы выяснить, отражается ли в приемах приготовления самогонки практика старинного домашнего винокурения или эти приемы всецело новейшего происхождения [1]).

Этим вопросом я не имел времени заняться.

Большинство продуктов для питания и приготовления напитков дает свое хозяйство. В городе покупают селедки; с Селигера озера привозят сушеную рыбу. Покупают также чай, сахар (в годы кризиса сахарин); хмель для пива. С удовольствием покупали бы и водку, так как о „царской" вспоминают с причмокиваньем. Некоторое дополнение к столу дают охота и рыболовство.

Конечно, и дичи, и рыбы добывают немного. Но в общем все же рыба и дичь, добываемые без большого труда, ради удовольствия, до некоторой степени разнообразят крестьянский стол. Ни дичи, ни рыбы не продают на сторону, едят сами. Чай [2]) пьют два раза в день. Пьют с топленым молоком, которое разливают ложкой по чашкам. Большинство пьет с сахаром (пьют в прикуску). Многие пили в 1919 — 1921 гг. с сахарином (клали в стакан, и клали помногу, так что у детей болели глаза и высыпала сыпь на лицо). Чай пьют с ватрушками или кокорками.

За обедом едят из общей миски („чашки"), в которую несколько раз подливают по мере ее опорожнения. Горячих жидких блюд бывает два (щи и суп), потом следует каша (в праздник молочная), картофельница с молоком; вот меню одного праздничного обеда: 1) студень, 2) щи, 3) суп с бараниной, 4) каша ячневая с русским маслом, 5) яичница, 6) каша овсяная молочная. При тяжелой работе считается необходимым лучший стол. Когда зовут посторонних рабочих, готовят больше и лучше, чем для себя. Горячее варят тогда мясное или с сушеной рыбой. Вообще рабочих (косцов, жниц) потчуют, как самых дорогих гостей.

---

[1]) В Гадышах и в селе Рождестве самогонку гнали уже в голодные 1918—1919 г.г.; техника ее приготовления—по словам крестьян—пришла из западных губерний.

[2]) Вместо чая заваривают иногда сушеные листья малины.

Гостеприимство по отношению к посторонним людям тоже не совсем исчезло: в 1921 г. (голодный год) командировали в деревню Гадыши на погрузку солдат; они должны были кормиться пайком, но в сущности кормили их крестьяне: даже бедный не жалел для них чугуна картошки.

Едят крестьяне обыкновенно три раза в день (завтрак, обед, ужин). Завтрак бывает в будни рано—в 7—8 часов. К этому времени хозяйка успевает уже истопить печь и наварить картошки [1]. Иногда на завтрак делают яичницу или картофельницу. С картошкой едят соленые грибы. После завтрака пьют чай и отправляются работать. Обед бывает около часу (его меню приведено выше), ужин летом часов в 8, когда уже пригонят коров. Ужин бывает повторением обеда. Второй чай пьют до ужина.

В праздник весь распорядок дня меняется. Утром домохозяева (правда, не все) запрягают одноколки и едут в церковь. Праздничная служба—своего рода клубное собрание: в ограде, где крестьяне проводят большую часть службы, они вдоволь наговорятся с соседями из других деревень про злободневные события. Дома, до возвращения из церкви хозяина или бабки, ничего не едят, не пьют. (Говеют и в тех домах, откуда никто не поехал в церковь.) Мать печет ватрушки и кокорки, и после обедни начинается праздничный чай, а после него вскоре и обед (так как встают поздно, то особого завтрака в праздник не бывает). В воскресные дни и в общие церковные праздники в гости в чужие деревни не ездят. Но друг к другу в пределах деревни ходят родные и соседи.

Вообще новгородские крестьяне очень гостеприимны, они охотно приглашают к себе побеседовать и своего соседа, и заезжего человека. При этом отношение хозяина бывает ко всем ровное. Он держит себя с достоинством.

Когда приходят в гости, сначала крестятся на передний угол, потом здороваются с хозяевами и садятся „беседовать". Беседовать не значит разговаривать, а значит сидеть в гостях, угощаться (отсюда: „без соли, без хлеба—плохая беседа"). Если приходят по делу, то никогда прямо не начинают с дела; сначала поговорят о разных предметах, а потом уже, выполнив долг приличия, приступают к делу. Особенно гостеприимны новгородские крестьяне во время местных праздников, которые празднуются всегда по нескольку дней. В Гадышах главный праздник Михайлов день, 8 ноября старого стиля. Он празднуется особенно торжественно, так как все работы к тому времени окончены, хлеба у всех вдоволь и можно погулять как следует. Гуляют 4 дня. На местные празд-

[1] Она встает с коровами, часов в 5.

ники гости съезжаются из всех окрестных деревень. Иногда переезжают из одной деревни в другую, с праздника на праздник. Так, в Успеньев день все съезжаются в Градобицы, а на другой день Успенья едут прямо из Градобиц в Гадыши, где гуляют 2—3 дня.

На местные гадышевские праздники крестьяне приглашают к себе в часовню духовенство с. Рождества служить всенощную и обедницу с молебном. После общего молебна духовные ходят с молебнами и акафистами по всем домам. При этом до икон не принято обедать. В некоторые праздники (например 6 августа) служат молебны специально для скота: тогда скот до молебна тоже постится—его не выгоняют в поле, выгоняют лишь после молебна и окропления святой водой. В некоторые праздники существует любопытнейший обычай купаться „по завету". Во время болезни дают завет искупаться, скажем в Градобити, на Успенье или в Рождестве 8-го сентября. Выздоравливают и свято выполняют завет. Я в Градобити видел, как во время крестного хода на реку, после молебна, десятки мужчин и женщин всех возрастов, сбросив в кустах одежду, кинулись в воду, бросая туда же свои рубашки. Эти рубашки ловят и берут себе бедные. (Здесь нищие и старухи по преимуществу ходят в те деревни, где бывает местный праздник.)

Одновременно с людьми в воду устремились десятки голых и одетых всадников, которые тоже терпеливо ждали конца молебна. Они среди реки спрыгивали с лошади, трижды погружались в воду и вскакивали снова на лошадь. Вот только коровам не дали участвовать в общем торжестве, хотя стадо как раз во время молебна подошло к деревне, и многие из коров уже бросились к реке, надо думать, не из религиозного усердия. Их, однако, прогнали. Это было 15 августа старого стиля 1923 года.

Когда все религиозные церемонии выполнены, садятся обедать. Если вы пойдете по деревне, вас всюду будут приглашать зайти попробовать пива. К тем, с кем вы больше знакомы, вас пригласят пообедать. Обед бывает более обильным, чем в обыкновенные воскресные и праздничные дни. На обед подадут примерно такие блюда: 1) студень и рыбник (пирог с рыбой), 2) щи кислые с мясом и крупой, 3) суп, тоже с мясом, нарезанным кусками, 4) кашу овсяную или житную с коровьим маслом, 5) картошку жареную с мясом, 6) кашу молочную с пирогами, 7) яичницу с молоком, 8) пироги сладкие с изюмом или булку, которую мокают в сахар, 9) вареное сусло с сахаром и с изюмом.

После обеда вам предложат чай с творожными ватрушками. Раньше в праздник пироги и ватрушки делались всегда из белой

муки. В 1921—22 г.г. довольствовались ржаной или пшеничной своего размола.

Вином, а теперь самогонкой, угощают все время; при этом на стол вина не ставят, приносят и раздают гостям налитые чарки. Впрочем, такая умеренность господствует недолго. Если хозяин любит выпить и угостить, то он, подобрав себе компанию, начинает опорожнять одну бутылку за другой. Кто пьет таким образом, тот почти никогда не закусывает. Если вина достаточно, то так пьют дня три подряд. Напьются, заснут, утром—сразу же опохмелятся: трезвенники сядут за стол чай пить, а любители — старички в угол за графинчик.

Рис. 4. Типы деревни. Плотник Иван Минаев.

Но, конечно, в большом размере такое удовольствие могут себе позволить только богатые крестьяне. Средние выпивают свою самогонку в первый же день, а затем, если они большие „питухи“, то им приходится покупать ее (в Гадышах два дома из богатых промышляют самогонкой).

Кружит немного головы и пиво, которое все пьют в большом количестве. (Кстати, при этом стаканы и рюмки, подобно обеденной миске— общие.)

Пьяницы, особенно старики, в этом и проводят весь праздник. Женщины и трезвые женатые мужчины проводят его в беседах с родней, наехавшей изо всех деревень. Праздник — время свиданий отцов и особенно матерей с замужними детьми. В каждом доме весь день угощаются, хозяева сначала угощают своих гостей, а потом приглашают свою деревенскую родню с их гостями. Угощаются пивом, подолгу сидят за обедом и за ужином. К концу дня все хмелеют; старики остаются в домах, а молодежь высыпает на улицу.

Начинается гулянье в собственном смысле слова. К гулянью готовят наряды. Вообще здесь костюм городского покроя и в будни довольно однообразный: у женщин длинная бумажная юбка сборами и широкая бумажная же кофта; у мужчин либо рубаха (в теплую погоду), либо закрытый широкий пиджак, перехваченный

подпояской, за которую всегда заткнут топор. Штаны или из бумажной материи или (у стариков из соседних деревень) из крашеной холстины [1]).

В праздник костюм сложнее и богаче. Но что особенно интересно, праздничный костюм показывает, что заимствование элементов одежды из города не мешает существованию в пределах деревни своих собственных оригинальных мод. Зимой, например,

Рис. 5. Типы деревни. Семья Герасима Васильева Малышева (за „ягодами").

парни носят пальто обязательно с каракулевым воротником, девицы (барышни) шубки обязательно крытые черным блестящим сукном или плюшем с меховым воротником шалью [2]). Соблюдается это

---

[1]) Есть здесь специальные виды крестьянской „спец-одежды": для жнива бабы надевают особые рукава или двурукавки, чтобы рожь не „хвыстала" рукава кофты.

[2]) Готовые вещи от „хороших господ" на меху покупали в 1920 — 22 г.г. очень охотно, так что перелицовка старых готовых вещей и выгодная мена их в деревнях стала для многих специальным промыслом.

правило гораздо строже, чем любая мода в городе. Даже для каждого возраста и пола есть свои костюмы. Для молодых парней, например, теперь очень модно носить цветную рубашку с отложным воротником и с галстуком, а женатый мужчина такой рубашки

Рис. 6. Типы деревни. Василий Иванов 2-й (Малыш). Умер десять лет назад.

ни за что не наденет. Только один из молодоженов, Тутаев, ходит с галстуком, но он считается новатором, который вообще не хочет признавать старых деревенских порядков.

У парней рядом с пиджаком появляется все чаще и чаще модный френчик и галифе, но матросские брюки-клёш пока в деревне не идут. У кого есть хорошие ботинки, носят брюки

на выпуск. Однако это новшество. По обычной моде молодой парень одевается в суконную пару, брюки в сапоги, пиджак накинут на плечи, гармошка в руках, ходит с товарищами, поет частушки и сильно пошатывается, хотя в действительности вовсе

Рис. 7. Типы крестьян. Лесной сторож (снимок 1921 г.).

уж не так пьян. Девица надевает в течение дня несколько платьев: с утра ситцевое попроще, потом сатиновое, затем шерстяное, шелковое; когда смеркнется, снова надевает юбку с кофточкой попроще. Платья теперь шьют капотиком, а шелковые, прежде шили все с лифом („баской"), кофточки шьют с высокой талией. В последнее время особенно распространены белые платья из

легкой материи (капотиком). Встречаются и белые туфли. (Раньше белым цветом пренебрегали, говорили: „оделся, как покойник".) Платья носят короткие, поэтому ноги в чулках видны. И вот, чтобы ноги были потолще (это считается красивым), надевают к белым туфлям двое чулок: внизу теплые, а сверху нитяные черные. Все девицы пудрятся и помадятся.

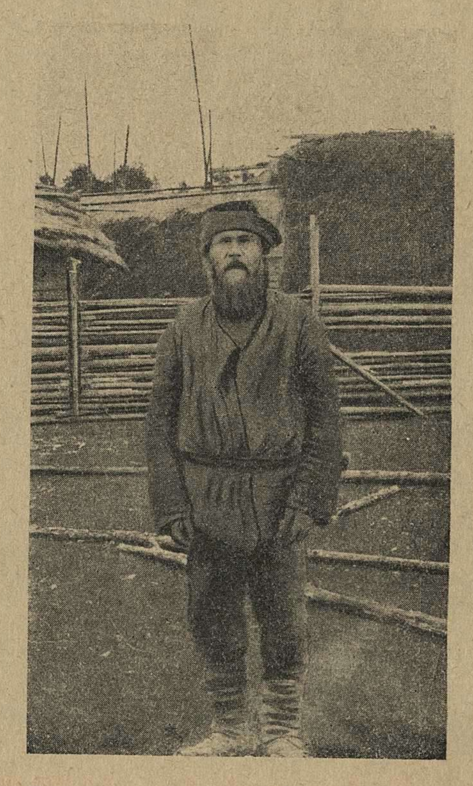

Рис. 8. Типы крестьян. Иван Тимофеев—1921 г. Самый усердный хлебороб (в рабочей одежде и в лаптях).

Во время гулянья девицы—„барышни"—большею частью сидят на лавочках около домов. К ним подходят парни, иногда образуется круг, в кругу танцы и пляска. Оживленное гулянье с танцами всегда бывает также на мосту через р. Шлину. Танцуют часто одни девицы, танцуют всё больше модные городские танцы, например „цыганочку". Парни и девицы вместе танцуют „лансье"— что-то вроде кадрили. После лансье кавалер в благодарность целует

свою барышню. Пляшут иногда русскую, парни и девицы—парни вприсядку, девицы притоптывают.

Одни пляшут, другие ходят толпой с песнями по деревне. Под вечер ходят парочками, иногда в обнимку. Когда пляшут и поют, у девиц лица очень серьезные, точно они священнодействуют, только парни позволяют себе смеяться.

Из общественных развлечений можно еще отметить качели. Теперь еще за околицей поставлены „гиганы“ — гигантские шаги. Никаких старинных полу-языческих праздников и игр здесь нет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Общая характеристика гадышевских крестьян.

Эскизные наброски, сделанные мной, разумеется, не дают полной картины быта новгородского крестьянина. Однако, и того, что приведено, достаточно для некоторой общей характеристики крестьян новгородской деревни..— Мы должны признать, что в качестве производительной силы края новгородский крестьянин должен быть поставлен очень высоко. Я не закрывал глаз на все темные стороны его экономического, семейного и общественного быта; я отмечал узость его кругозора и примитивность мировоззрения. Но ведь это общие недостатки крестьянина вообще, и притом не только русского, но и европейского. Если же мы сравним новгородского крестьянина с крестьянами других районов России, то отчетливо выступит превосходство первого. Правда, экономическая роль его двойственна: как рабочий, он стоит одной ногой в XX веке, но как крестьянин, он другой ногой стоит в XV веке, когда трехполье чередовалось с переложным и подсечным хозяйством. Однако, при всей внутренней противоречивости его экономической роли, новгородский крестьянин как-то сумел приспособиться и к условиям окружающей его природы, и к требованиям современной экономической жизни. Его хозяйство устойчиво. Он живет зажиточнее типичного хлебороба центральной России. И самый быт его производит впечатление чего-то слаженного, гармоничного: новое городское не вытесняет целиком старого деревенского, а органически сочетается с ним. Здесь носят городскую одежду, которая еще не проникла в деревню нашего центра, и в то же время здесь сохранились многие черты старинного радушья и хлебосольства, которые давно утеряны крестьянами тех деревень, где уцелела национальная „панева“. Равным образом семейные нравы здесь мягче, чем в центральной России. Женщина в семье пользуется бóльшей самостоятельностью, хотя официальным главою семьи, конечно, является мужчина. О зверских расправах с женами, которые так часты в дерев-

нях центральной России, здесь не слышно. Вообще, здесь народ более сдержанный, более спокойный, что вполне гармонирует с общим более культурным укладом жизни. Бывают и здесь семейные несогласия, неурядицы, но они довольно скоро кончаются разделом, а не семейной ссорой, в которой брат проламывает брату голову (что не редкость в других местах).

Благодаря бóльшей хозяйственной мощи и бóльшей психологической стойкости, новгородская деревня из революции вышла несомненно окрепшей, чего нельзя сказать про деревню центральной России. Хотя в Гадышах и кругом Гадышей, как и во всей Новгородской губ., был страшный голод в 1919 г., однако он унес мало жертв. (Двое умерло от тифа на Украине.) Не нанесла ущерба деревне и та неизбежная административная разруха, которая существовала в первое время после революции: здесь не было произвола всяких мелких „комиссаров", от которого страдала деревня земледельческого центра. Не было, и быть не могло. Почему? Первая причина та, что крестьянин здесь умеет отстаивать свои интересы и свое достоинство.

Если он знает, к примеру, что с него следует по закону 2 яйца с десятины, то он эти 2 яйца и отдаст в волость, да и то еще поторгуется. А уж взять с него произвольно, вместо 2-х, 5 яиц никакими силами не возьмешь. А многие мужички известных мне деревень Орловской и Брянской губ., по своему малодушию и забитости давали и дадут, — если на них хорошенько прикрикнуть, да револьвер показать, — все, что с них спросят,—хотя бы это спрошенное было много выше законной нормы (по 5-ти-то яиц вместо 2-х сплошь и рядом давали без всяких разговоров).

Я сказал бы, что по своей независимости и способности сопротивляться произволу новгородский крестьянин напоминает фабричного рабочего, а не забитого мужика центральных губерний. Может быть, это как раз и объясняется тем, что земледелие здесь сравнительно мало развито. Ведь как раз типичные хлеборобы всегда и везде бывают объектом наиболее беззастенчивой эксплоатации.

Вторая причина социальной стойкости новгородского крестьянина заключается в бытовой однотипности всего населения деревни. В центральных губерниях всякий из крестьян, кто чуть-чуть разбогател, стремился жить не по-крестьянски; всякое начальство, вышедшее из крестьян, стремилось отграничить себя от прежних односельчан самым образом жизни. Этого не было в Новгородской губернии. Крестьянская стихия здесь сильна, как могучее море. Местный богач живет иногда просторно, но чисто по-крестьянски и не стыдится этого. Он так же вас приветствует, с такими же приемами угощает, да и угощает все теми же любимыми крестьянскими блюдами. Деревенский быт влияет на интеллиген-

цию и ассимилирует ее с крестьянами даже и тогда, когда она по происхождению не из крестьян. Поэтому, если приезжают в деревню представители власти из города, они не идут в чужой монастырь со своим уставом. Они пьют и похваливают крестьянское пиво, гуляют на крестьянских праздниках вместе с крестьянскими парнями и девицами по улице, иногда напиваются и дебоширят, но все это делают именно в тех пределах, в каких дебоширство допускается деревенским обычаем.

Того грубо-начальственного тона по отношению к крестьянам, который низшие власти нового режима быстро усвоили себе в первые годы революции в земледельческом центре, здесь нет и в помине.

Думается, что все, указанное выше, выгодно отличает гадышевского и вообще новгородского крестьянина от крестьян других областей.

Можно сказать, что здесь мы имеем органическое усвоение деревней буржуазных городских влияний и деятельное приспособление к условиям буржуазного быта. Период капитализма здесь не обесправил и не обезличил деревню. Она сохранила своеобразие быта, способность к творчеству и дух независимости.

При этом наиболее восприимчивым к усвоению новых хозяйственных приемов и новых культурных влияний оказался тот круг середняцких хозяйств, который ведет свое происхождение от бывших богатых или зажиточных трудовых семейств. Беднота в собственном смысле физиологически вырождается, и не может приниматься в счет при планировании хозяйства на будущее.

Богатые и зажиточные дворы, оторвавшиеся от земли и от трудовой деятельности, тоже не могут считаться положительной хозяйственной силой: их немного—это первое: они—чистые хищники, а не культуртрегеры—это второе. Влияние коммунистической идеологии на изучаемую мной деревню довольно слабо: коммунизма, как такового, деревня органически „не приемлет“, но революционный и демократический дух советского строя активно воспринимается деревенской молодежью из тех же середняцких слоев.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1-е.

РАССКАЗЫ У. М. СТУКОЛОВОЙ 44 Л. ИЗ СЕЛА РОЖДЕСТВА ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ МОЛОДЕЖЬЮ.

1) Отказ от отцовства. (Случай с девицей Машей в 1923 году.)

Парень Гришка гулял с девицей, по дням не гулял, а по ночам гулял. Она затежалела от его, все скрывалась от родителей и от людей. Ходила к нему навязываться, замуж чтобы взял, но он не взял: она бедная, а он хуть не очень богатый, а посправней ейного-то жил. Потом, когда отец ее узнал, что она в положении, он ее стал бить, выгонять стал. Она проживала кое-где: день сыта, а два дня голонная, потому что она не могла работать. Потом она, уже когда выгната была отцом, хотела она родить в роще и удушить ребенка; у нас есть роща така возле деревни, — в ней всё девки рожают да ребят душат; и она так хотела, да не удалось ей, народ тут все ходил, помешали. Тут кака-то женщина уговорила ею и увела в деревню в Скоково к себе — они двое со стариком жили, и она там родила. Они ею поили, кормили — батька недели три ее не брал, потом сожалелся, взял ею.

Потом когда она пожила у отца, ею научили подавать на его, на Гришку-то. Подала и все равно ничего не высудила: свидетели евонные ложно показали, что она гуляла с другим, имела она не одного, а несколько их, значит он не виноват. Показывали они так потому, что он побогаче, да еще он был староста (председатель сельсовета), упросит и покажут, а за ее никто не шол. Потом, покамест она судилась, ребенок помер. Теперь она в услуженьи. Ребенок жил полгода, и за полгода ничего не могли высудить ей.

Вопрос. Выйдет ли она замуж?

„Конечно, выйдет. У нас это ничего: в нашем месте берут. На личико она хорошенька — молоденька (17 л.), ею возьмут с удовольствием".

2) „Купила жениха". (Случай в самое голодное время, 1918—19 г.г.)

Она нашей деревни, а он не здешний, он от нас 15 верст, он в милиции служил, ну и, конечно, с ей спознался. А она девушка крестьянка, отца у ей не было, одна мать. Она с дядям жила, отцовы братья, один женат, другой холостой. Когда узнали, что она тяжелая от ево, тогда она поехала с своей крёстной к ево матери, чтобы он ею замуж взял (а раньше она ему говорила — он не хотел ею брать). Тогда они матери сказали, что если вы меня замуж не возьмете, то я на него подам, и присудят мне больше того, что приходится (у нее были все дяди-то коммунисты). Ну, конечно, они побоялись и решили ее взять замуж. Тогда он спросил с ей приданого — 12 пудов ржи и 12 пудов овса и лошадь, корову и овцу, тогда он только согласился ею взять, и они согласились дать. Значит, она купила своего жениха. Он не брал ее так. Теперь живут хорошо.

3) Бессилие суда. (Случай с Марьей из Поддубья.)

Девица жила все время в Петрограде, уже в пожилых летах. Приехала в Поддубье отдохнуть домой в 1919 г. У ней избушечка есть. Ну и он тут был приехадчи („он" — рождественский, жил в П—де, служил на фабрике). Тут он „сукин сын" с ей спознался, и все брал замуж, говорил, что возьмет. Она согласилась с им жить. Все свои по́льта, платья продала, все его кормила: он был без дела. Как узнал, что она „в положении", он отстал от ей, познакомился с другой, с акушеркой, и расписались с ей (еще более пожилая, лет 50-ти, но со средствами. *М. Ф.*). Марья родила мальчика, подала на суд. Присудили ему платить 500 р. каждый месяц. А он не может, у него нету ни копейки. Тем дело и кончилось: с него нечего взять: „рубаха да душа", — она плюнула и уехала в П—д с ребенком. Там и живет теперь: у ей хорошие господа — содержат и ею́, и ребенка.

4) Брак увозом (уходом) в 1915 г..

Девица Марья, живет в Рождестве удельном, гуляла с поддубским парнем, „знакома" с ним не была, а сговорилась жениться. Отец не выдавал ее: они богатые, а парень бедный. Тогда девица тайком перенесла свои вещи к подруге и, когда отец с матерью были на работе (дело было летом), ушла прямо в Поддубье. Оттуда они с парнем под вечер поехали в Бологое и там повен-

чались. В ночь они вернулись на поезде обратно, забрали у подруги платья и поехали к себе в Поддубье. Отцу дали знать соседи на другой день: он ничего не знал, думал, что дочь у подруги. (Мать-то, говорят, знала, только от отца скрывала.) Долго он их не принимал, друг к другу не ходили, сердились. Потом отец их принял и даже взял зятя „в дом“ [1]), так как сына убили на войне [2]).

5) „Власть тьмы“. (Рассказ про Феклу с Рождества, теперь ей 45 лет.)

Фекла гуляла с парнем из Черной Грязи, а когда его взяли на действительную, гуляла с рождественским парнем, нажила ребенка, а его взяли в солдаты, а потом отпустили по какой-то по болезни. Когда он пришел, она уж была родивши. Он пришел и не взял ею́ замуж, женился на другой (он богатый, она бедная). Девочка у ей родилась, и так она жила пять лет. Потом вернулся ее первый любовник, с которым она раньше гуляла и не затежелела, а его взяли в солдаты. Он взял ею́ замуж, не посмотрел, что она и родивши. Вышла она за него в Черную Грязь. Она там сколько лет жила с ним, и у ней народилась девочка от него, а эта девочка ейная померла (она была больная, у ней не владели ни руки, ни ноги). Уж она эта девочка большая выросла, 13-й год, а его взяли на войну. Они жили только две с матерью, они работали по крестьянству. Напротив их жила у соседа,—они маленько родня: будет ейная золовка вышедцы в этот дом—жила прислуга— а по деревенскому называют казачка лет 18-и. Она с деверем жила, а он холостой был деверь.

---

[1]) В центральной России говорят „во двор“.

[2]) О браке, увозом в соседних местностях говорят частушки, привед. у бр. Соколовых „Сказки и песни Белоз. края“, стр. 514:

„Дорогая, самоходоцкой,
Пойдешь ли за меня?
Я на карем жеребеноцьке
Приеду по тебе“. (№ 234, см. тамже №№ 735, 736)

„Самоходоцькой иду,
Маме дела нету,
Не люба я гостинька—
Больше не приеду“,

„У миленоцька в дому
Новая икона:
Самоходоцькой иду,
Вся семья знакома“.

Когда она ходила к этой женщины, та говорила ей: „Когда бы у меня не было Пашечки, я взяла бы тебя к себе в дочки, мы бы работали по крестьянству, а то Пашечка молода“.

Она это и запомнила. А она уже перед тем душу загубила.

Где она служила в услуженьи, там было две женщины, одна сноха, другая она—работница. Сноха очень пила. А сноха не давала деверю брать ею, говорила: „Ты хорошую найдешь“. А они значит согласились обеи сообща, эта девушка и этот деверь, как-нибудь ею убить. Деверь говорил: „Я тогда тебя возьму“. Когда муж ушел на работу, она (сноха) напилась пьяная, конечно. Она (девка) взяла ею́ (сноху *М. Ф.*) и в подпол. Когда она открыпа подпол, она (сноха) упала в подпол,—а знаете, в деревне подполы очень глубокии, и оны с лестницам,—и она упала, убилась, а вдобавок она ею́ стукнула: говорят, четвертью она ее лупцовала по головы. Ну тая, конечно, женщина и померла. Признали ею́, что она (сноха) сама убилась, и ей (девке) ничего не было. А деверь ею не взял, она осталась от ево в положении, и он ею выгнал вон. Она кое-где проживала — летнее дело — кое на улице проспит, кое поработает кому — тем и питалась. Вот она и задумала девченку похитить эту.

Когда она (мать Пашечки) ушла на суки (*суки прятать* — жечь под хлеб, *М. Ф.*) на поденщину, Пашечка осталась дома. Когда она пришла с работы, ей уж дома не было этой девочки. Потом она пришла, нету ее дома, она побегала, побегала, поспрашивала у соседов, нету, подумала, верно она у нас на деревни (т.-е. в соседнем с Черной Грязью селе Рождестве, *М. Ф.*) у невестки ночует. Утром встала, внимания не обратила, сойтить или спросить, где Пашечка находится, и опять же ушла на работу. А мужчина пошел на другой день удить рыбу. И шел по берегу, увидал эту девчонку в реки, прицеплено камнем, придавита платье, и она наверху плавает умёрши, утопленная. Когда он подошел, видит, что знакомая, тогда он приходит к снохи-то к ейной в Рождество и спрашивает, где Феклина-то девочка. Когда он сказал, побежали и увидали, что она утонула. А тая же девушка, когда она ею утопила, тогда уже она тоже ушла на работу, с ейной маткой вместе работали. Когда она стала ей говорить: „Боже мой, куды-то у меня Пашечка потерявши“. Она и говорит: „Да найдется твоя Пашечка. Не утопили ли ее мальчишки, она с мальчишкам бегала по берегу вчерась“. Она наметки-то дает ей. Она (мать *М. Ф.*) и говорит, что неужели Пашечку утопят ребятишки. „Да и утопят, потому что она гораз бегает с ними по берегу“, и опять же повторила. Прибегают к ей, говорят, что твоя Пашечка утонувши. Когда пришли, говорят, кто, когда ею утопил, никто ничего не знает.

А одна женщина в тот день, когда она ею утопила, заметила, что она (девка) по берегу шла в тот же день. Когда ею́ забрала полиция, тогда она созналась и сказала, как она утопляла. Сказала, что я заманила ею гостинцем. Заманила гостинцем и потом я ею утопила. Спе́рва она поцапа̀лась со мной, но все-таки я справилась с ней и ею утопила. У ей спрашивают; какая цель у тебя была ею утопить. Она говорит: „Цель такая, что я ею утоплю, а она (мать) меня возьмет к себе в дочери“.

Мой вопрос; Она, верно, глупая была?

— „Да, глупая! Две души погубила, да глупая... стерва“.

Ничего ей не было за это. Просидела она всего три месяца; тяжелая была, ею́ и выпустили. Хлопотать было некому.

После она родила и с ребенком вышла замуж на завод, где-то около Вышнего Волочка. А сама была не очень дальняя из деревни, верст 30 от нас. Она сиротинка, нет у ей ни матери, ни отца — никого.

Вопрос: А что, ее не били?

— Нет, так бабы немного поцапа̀ли, а матери было не до того. Ею б надо до смерти убить.

За две души ничего не было: у Пашечкиной матери мужика дома не было, а у той женщины муж глупый, ён не так, чтоб совсем глупый, ён работает, а такой неловкой руки, как вроде дурачок, да и только. Не погнался, а может быть и сам рад; очень пила она, ево жена-то. (Приведенные 5 рассказов записаны со слов У. М. Стуколовой летом 1924 г.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2-е.

СЛОВАРЬ МЕСТНОГО ЯЗЫКА:

А.

Ага — да.

Ау, брат! — кончено дело, пропало дело!

Ай — а: „Маха, ай Маха!“ — Маша, а Маша!“

Б.

Бабка — круглая кладка ржи в поле (10 снопов).

Барченята — барчата.

Баша, баша, башенка — бяша, бяша, бяшенька (так кличут овец, сравни орловское: „вычь, вычь“.

Ба́инка — банька.

Башка — голова́.

Берегут — ухаживают, холят: „меня дома берегут, блины овсяные пекут“.

Беднуются — нуждаются: „они не беднуются“.

Бере́мя — охапка, ноша: **„Ишь какое беремя набрала!“**

Бере́сто — бере́ста: **„Бере́стом обвит“** горшок (а не **берестою**).

Беседовать — быть в гостях; **беседа** — сбо́рище — (посетки).

Болотавинки — болотца.

Боско́м — босиком.

Бо́сый — босо́й.

Ботушка — шест с железками на конце, которым пугают рыбу.

Быки — бревенчатое ограждение бокового фронтона: „прищелобок крыт быками“.

Бычок — ручки у сохи.

Брусницы — брусника.

Брусновать (бросновать) лен — отбивать головки льна на **броснушке** (особый гребень).

Будень — простой день, не праздник.

„На **буднях**“ — днем („давали корм на **буднях**“).

Буташка, шалашка — лесная будка, шалаш.

Блука̀ться — шляться, болтаться („блукащая девка“, „блукащая корова“).

Буркалы — глаза („что ты буркалы-то пялишь? Ся́ныи твои гла̀зы:“ бабье ругательство).

В.

Ве́дро — хорошая погода: „Слизень-близень, выкажи ро́ги, что завтра будет, дождь, аль ведро“ (детское гаданье с улиткой).

Валежъ — падеж (скота). „Была **вале́жъ** скоту, ну в этот де́нь и **заве́тились**, чтоб крестный ход был“ (д. Поддубье).

Ваха — Вася.

Веха́ — круг из соломы с вицей, который опускают в до́шник при варке пива.

Верес — можжевельник.

Верёх — верх.

Вздынутъ — поднять.

Взаболъ — правда (нар.).

Витъ — ведь.

Вица — тонкие еловые ветки (для связыванья).

Возило — орудие для сгребания зерна в гумне (ширина 1 арш., ручка $2^1/_4$ арш.).

Водиться — дружить: „я не буду с тобой водиться“.

Возгри — сопли.

Волочушка — небольшой воз, во́зик.

„**Волокно**“ — 2 прядки льну.

Воро́ты — ворота.

Вси — все („вси на меня“).

Вчерась — вчера („рожь-то на мельницу вчерась свезена“).

Вымаравши, **Выпачкавши** — выпачкался или выпачкались: „Выпачкавши (вымаравши) все в гнилы“ (д. Поддуьбе).

Вязаться — связываться: „никто не будет вязаться“ — никто не станет связываться.

Вьюрам — веером, в беспорядке („Дрова-то каким **вьюрам** кладешь“).

Г.

Гле — для; „гле души“ — для души.

Гнила — глина.

Гора́з — очень: 1) „Но́нечь лен-то гораз ро́дный“, 2) „Уж ты ронная моя сватьюшка, как пришла я на место, а брусниц-то, брусниц-то *гораз* много“. (Городок.)

Горсть — 15 волокон или 3 куклюшки льну (весом около 1 фунта).

Груда́ — костер, куча: „Солод *в груды грудеет*“ — парится в куче (в избе).

Голи́к — веник обтрепанный, без листев („давай голи́к-то: сману́ть пол“).

Голубить — ласкать.

Гуща — кушанье вроде каши из житной крупы ($^2/_3$) и гороху ($^1/_3$).

Гуляет — (парень с девицей) ухаживает, находится в связи.

Д.

Дивья́ — хорошо: „тебе дивья“: у тебя ба́тька есь“ — тебе хорошо: у тебя есть отец [1]).

Дале́ко — далекó.

Дзяницы, дзянки — варежки.

В **два ча́са** — в два счета (тотчас, скоро).

Долгая (полоса) — длинная.

с **Доброй воли** — ни с того, ни с сего: „Отчего это у тебя руки-то разболелись? — „Да поди-знай с чего, **с доброй воли**“.

Дошёдцы — дошел (созрел): „Который колос дошедцы, выжнем“.

„**Дошник**“ — чан для варки пива в 50 — 90 ведер.

„**Дру́жник**“ — ухаживатель: „У ей дружник есь, так она замуж собирается“.

Дубо́м — стоймя.

Дранка — доски ручного дранья (при помощи крюка).

Дужка — приспособление из холста и деревянной дужки, употребляемое при косьбе гречихи.

Душники — отдушины в печи (в гумне).

Е.

Едь — поезжай.

Ён — он (редко).

Есь —
Ести —
Естя — } (от глаг. быть) — **„Малины** есь“ (глагол в единств. числе, подлежащее во множеств. числе). есть.

Есть охота — хочется есть.

Ж.

Житница — амбар.

Жито — ячмень.

Жо́рны — жернова: „Пшенички (вм. пшеничку) в своих жо́рнах „мололи“.

З.

Забавочка, забава — милый.

Залавенка — завалинка.

Зайцо́в — за́йцев.

Заку́тай — запри.

За́понь — плот впереди дров или леса (при гонке по реке).

За́ворки, заворо́шки — жерди, которыми закрывают проход в изгороди.

Заве́тились — обещались, дали обет.

---

[1]) Или „Дивья́ им там все делать (шить *М. Ф.*), как у их есь, а у нас нет“.

Зало́м — затор дров или леса на реке.

Замо́р, см. **Ну́да.**

Зауве́я — тень от деревьев.

Звонить — болтать.

Здеся — здесь („там гора́з худо по песку, а здеся по мостичку пройдешь“).

Земляники́ — крючья и веревки, связывающие соху с обжами.

Здуй-ка, здуй-ка огоньку — зажги огонь.

Знаком, знакома с кем-нибудь — гуляет, живет, хороводится с кем-нибудь

Зятевья — зятья („А зятевья, ау, брат, все уж не так... Кабы сына не было, другое дело... А бывают иные и зятевья хорошие“).

„**Зя́бри**“ — усы от жита, колючки („Наты́кались в руки зябри и пошли болячки“). „Земляники“ или „подтяжки“ — крючья или веревки, привязывающие лукоть сохи к обжам.

И.

Има́ть — ловить

пои́ман — пойман [1])

позымать — поймать: „Пойдем цыпиньку **позымаем**“.

Изымать — поймать (иногда „и“ пропускается: „**овес не ззымать было**“ — короток, нельзя захватить).

Изгребы — отбросы первого чесанья льна.

Из избы́ в избы́ — из избы в избу („ходют из избы в избы“)

Испёкши — испекся („хлеб-то испекши?“).

Истебок — чердак (употребляется реже, чем по́дволок).

Ишла — шла.

Иись — есть (пищу): „йись не́чего“ [2]).

К.

Казачка — работница.

Касты́к — инструмент для плетения лаптей.

Касара́га — ворот.

Касти́га — костра, кострика.

Ка́лика — брюква.

Катеточка — платочек.

Квашёнка — дежа́ (кадка для теста).

„**Кладется**“ (курица) — несется.

Коли́ — либо.

Ко́е — то (союз) („кое женщин, кое девушек, кое мужчин, кое подростков наряжает на работу)“ — „то женщин, то девушек и т. д.“.

Клятьба — клятва.

Ключ — колодезь.

---

[1]) Напоминает слова летописи: „Пои́маны есте богом и великим государем“ (про псковичей, коварно захваченных Василием III в Новгороде).

[2]) В Вологодск. губ. „ести“.

Кокóрка (кокора — 1) ватрушка с картофелем, обязательно из кислого, а не из пресного теста (один мальчишка дразнит другого: „Пробка — затыкала, **пресная кокóра**") (село Рождество). 2) — Кокша.

Коза — прибор для лученья рыбы.

Кокшà — 1) самородный крюк (употребляется при покрытии крыши для поддержки „потоков") — иначе „кокора" [1]), 2) вилы для срывания навоза.

Койка — тележка для возки песку.

Кони — лошади.

Косой плетень — забор из наискось поставленных жердей.

Колосники́ — накат для сушки снопов в риге.

Колосову́шка — сарай для колоса (небольшой).

Кре́слины — приспособление для возки дров на санях.

Кусóвничать — просить и есть куски (говорится про детей).

Ку́жель — лучший сорт льна (см. техн. термины).

Кухольный — кухонный.

Кубачи́ (кубачки) — вязанки обмолоченной соломы по 10 — 20 снопов.

Куделя (— 15 волокон) — пук льна, привязанный к прялке (см. технич. терм.).

Кровиночка — милый, милая.

Коромысел
Коромы́с } — коромысло.

„**Коровод**" — хоровод (ср. ряз. „курагод").

Куча — круглая кладка сена (см. с.-х. терм.).

Курица — сеть для ловли рыбы.

Куплять — покупать.

„**Кусок**" — мясо: „с куском" — с мясом: „в куске" — в достатке („она потому такая бойкая, что всю жисть не работала, **в куске** жила".

Куклюшка — 5 волокон льну (волокна перевязаны нитками, а „куклюшка" закручена жгутом).

Л.

Лазейка — дверь (слово занесено из Череповецкого у.).

Лезó (**лизó**) — лезвее: „взял косу, да лизой-то по каменью и колотит".

Лодóнь — ток, замощенная досками площадка для молотьбы в гумне [2]).

Ломь — 1) рухлядь, старье: „в чулане-то ломь какая"! 2) беспорядок: „Эва как наломан в комнате"!

Ли́нул — полил („ли́нул-ли́нул частый дождь").

Лучинка — щепа или дранка для крыши.

Лупáнка — полянка среди леса.

Лягушатник — кочки на лугу от кротов (думают, что от лягушек).

Лядина или **леди́на** — смешанный лес на низине (противополагается понятию „бор").

„**Лукоть**" — рассоха.

---

[1]) На поморском севере „курица".

[2]) В Вологодск. губ. „дóлонь".

М.

Маха — Маша: **„Маха, ай Маха, кнут-то тута?“**
Матка — посаженная картофелина, уцелевшая до сбора.
с Максимцем — с дурью.
Малины — малина.
Мастúнка — корзинка из щепы.
Горластая мастинка — высокая корзинка с боковым отверстием.
Мéжень —полдень: „Теперь как ни жарко, да не как в межень“.
Муравенник —муравейник.
Муракуши — см. „силякуши“.
Мóстичек — мосток, „мост“ (деревянная мостовая): „Там гораз худо по песку, а здеся по мостичку пройдешь“. **Мост** — пол в сенях.

Н.

Нá нич, на нúчку на изнанку („рубашку-то на нúчку надела“).
Навыздым к дороге — на подъеме.
Надоть — надо: „Надоть итти сыпучиим пескам“.
Наздагнáла — догнала.
Нáкваса, нáквасы — закваска.
Намётки — намёки.
Натурой —силой: „Натурой взял, горлом!“
по Насердке — по злобе.
Наха — Настя.
Нéколи — некогда: „Ах вы желанные мои! Нéколи и поспать вам сердешным“, — сказано иронически мужикам, вернувшимся с варки пива (Поддубье).
„Неспособная“ — больная.
Нож — прибор для драньяя „лучинки“ (см. выше означенное слово).
Новýха — **Новенькая,** напр., вновь купленная корова „ходит ли новуха-то ваша с коровам?“
Нóнечь
Нóнеча } — нынче.
Нýда на ж . . е (см. замор) — струпья на заду лошади (от истощения).

О.

Оганóток — брусок соснового дерева для лучины ($1^1/_2$ арш. длиной).
Обжи — оглобли у сохи.
Обéи — оба („хуторяне-то обéи гадышевские“).
Огумéнок — площадь перед „пунями“ и гумнами для сушки сена.
Оводь — яровая рожь.

Одо́нья
Озоро́д } — кладка сена. (В Пинежском крае „здоров“.)

„Овсянничек“ — поросеночек. (Есть поверье, что так надо называть маленьких поросят, чтобы их не съела свинья.)

Онна́я — одна („на **онной** полосы по тысячи по полторы нажали“).

Онно́е — одно „Досуг мне валять (сапоги): надо что-нибудь онно́е делать: либо сапоги валять, либо крестьянствовать“.

Однoко́лок — таратайка.

Оны — они (редко).

Остатки — совсем (наречие): „Сама черная, пироги черные, теперь остатки почернеешь“.

Оставши — осталось: „Немного оставши праздники-то попраздновать“.

Остро́вье — кладка ярового на гумне. (В Пинежском крае „стожары“).

Ота́ива — ота́ва.

Отрепье — остатки или отбросы при трепаньи льна.

Отдо́хнет — отдохнёт.

Отсади́ть — отнять от груди: „Как я ево отсадила от титьки, так он стал с ей (теткой) спать. Кабы не голубила, так не подружился бы“ (Поддубье).

О́тсе́да — отсюда.

О́цеп — рычаг на столбе („журавль“) для поднятия воды из колодца.

Ошёсток — шесток, загнетка (Орл. губ.).

„Осу́д“ — дурной глаз. „С осу́ду“ — с глазу, поговорка: „Осуд — и вон несут“ (т.-е. человек с глазу умер).

П.

Па́ичка — милый, миленок.

Па́лица — большой валек для *зольно́го* белья, сделан из отодранного от дерева сука. (В Пинежск. крае „**Кичига**“).

Паша́ва — эпидемия, мор.

Па́чеси — отбросы второго чесанья льна.

Па́луба — остов крыши (без досок или без дранки).

Парсо́к — внутренний передний угол в печи вправо или влево от чела.

Парени́на — паровое поле.

Пахать (избу, печь) — мести.

Пересыпа́ть (избу) — перебирать избу: „Кое-где погнивши есть; надоть пересыпа́ть, пра́вить“ (Поддубье).

Пережний — передний.

Пету́н — петух; петушок.

Печу́ра — белый гриб.

Плечо — часть печи вправо и влево от трубы.

Плак — плач: „Сколько плаку-то было“.

„Побивши“ — побита („рожь-то побивши“),

„Пополо́хало“ — наполыхало, напугало („В воскресенье пополохало меня этто гумно-то, пожар-то“).

Под — исподняя внутренняя обкладка печи (делается и в глинобитной печи всегда из кирпича).

Поди — знай — сам не знаю („поди — знай, с чего!“).

По́дволок — чердак.

Подтирать — подмазывать (сковороды под блины).

По́ползни — говорится про маленьких ребятишек, которые тянутся (ползут) за матерью; или же забираются, куда не следует, блудят: **„куда вы пошли, поползни?“**

По́жни — заливные луга.

Поды́нет — подымет.

Покосы — чищеный луг в лесу или в полях.

Позахле́бит — укрепит (хлебом) („Что вы так рано стали ребенка хлебом кормить?“ — **„Позахлебит животок**, он крепче будет“ (Поддубье).

Поса́ды — ряды снопов при молотьбе.

По́сконь — мужские особи конопли („зама́шки“ Орл. губ.).

Прорамок или перерамок — большой промежуток между домами (например, между старой деревней и Цыбиным).

Почки́ что — почти что.

„Погода“ — ненастье: „Погодливый день“ — ненастный день.

Запого́дило
Распогодилось } — наступило ненастье [1]),

Подзо́рины — тесины с резьбой, пришитые к краям крыши по бокам фронтона, или прищелобка.

Позара́нь — спозаранок.

Поку́ль — пока.

По́сетки
По́сятки
По́ситки } — посиделки (беседа).

Поло́ть — (крупу) — отбивать „троски“, т.-е. сор от крупы.

Подавалки — вилы с пальцем для снопов.

Подпа́кать или упакать — угодить (ср. „потрафить“).

Присох — па́лица (для отвала земли в сохе).

При́юсь — цеп.

Прищело́бок — боковой фронтон под двускатной крышей.

Про́сто — 1) хорошо („им про́сто говорить, как у них всё есь“) 2) „просто только ср-ть с моста, да и то оборвешься“).

Прокосы — ряды („трава в прокосах“, т.-е. в рядах, противополагается „траве в валках“ валах).

---

[1]) В Орловской губ. „распогодилось“ значит — наступила хорошая погода. Здесь говорят в этом смысле: „Проя́снило“.

„Не пролей капельки“ поговорка, имеет два смысла — 1) применяется к пьяницам, 2) к скупым: „они вси **не пролей капельки.** Полос-то насеяно много и все плачут: уж ау с таким премудрыим людям!“

„Пре́дметы“ — недостатки, пороки.

Прикро́ли́к — небольшой навес на передней стене избы, выше двери подвала.

Прятать суки — жечь сучья на лединах под хлеб.

Причудник — капризник.

Пыльным мешком стегнут — дурак, с придурью.

„Пуни“, **„Пуняшки“** — сараи для сена.

Пя́сточа, пя́стка — горсточка, горсть.

Пяток — круглая кладка овса в поле (5 снопов).

Р.

Разви — разве.

Развя́ртываться — поворачиваться; „Подрывай сюда снопы! Ну, Сережа, скорей развяртывайся!“.

Ражий — хороший: „овес такой ражий“.

Растворить тесто — поставить тесто.

Ре́гели — приспособление для возки дров на санях со спинкой.

Резец — однолемешная соха.

Резанец — особый вид осоки, грубой и непригодной для корма.

„Ро́зный“ — дурной, пустой: **Ро́зная голова** — пустая голова.
Ро́зные дрова — худые дрова.

Ро́дный (ронный) 1) — урожайный: „нонеча лук гораз ронный“; 2) — родно́й.

„Ро́стится“ (курица) — кокочет, подзывает петуха.

Ро́стить — расти́ть.

Рубель — рубль.

Ру́чный — ручно́й.

Рыться — бросаться („деньгам рылись“ — бросались деньгами).
нарывать (навоз) — накладывать,
срывать (снопы) — сбрасывать,
подрывать — подбрасывать.

Рычит (корова) — мычит.

„Рядья“ — еловые брусья с сучками (для бороны).

С.

Самородные дуги — изогнутые ветки, употребляются при постройке челна.

Самово́льно — по доброй воле, без принуждения („работает самовольно“).

Самоси́льно — сильно, усиленно („работает самосильно“).

Семя — зерна льна (*лен* — волокно).

Саха — Саша.

Сдвою́родный — двоюродный.

Серде́шник — шкворень (в телеге).

Се́раз — на этот раз: „Се́раз мало малин набрала“ (сравни польское „те́раз“ (téraz). На Кубани говорят: „Се́год“ — в этом году.

Сману́ть — 1) сманить, соблазнить, 2) тереть, например, тереть пол при мытье голиком или лаптем с песком.

„Рукав **сосмо́нится**“ — рукав протрется.

„Посмануть овса“ — сдернуть рукой зерен овса с кисти.

Силя́куши или муракуши — муравьи.

„**Сирьетный**“ — серьезный.

Скирда — длинная кладка ржи на гумне.

Скус — вкус.

Слюбный — хороший.

Стырь — кол для затыкания дна в дошнике при верке пива.

Скака́ют — скачут, прыгают.

Ски́нуться — раздеться: „давай скинемся“ — давай разденемся; „я скинусь, жарко и так“.

Слобода́ — часть поля, клин („три полосы на этой слободы, а четыре на той слободы“).

Сота — сода.

„**Сопельник**“ — любовник (может быть, от слова „**Сопели**“, старинный музык. инструм. *М. Ф.*).

Сряду — как раз — сразу („сряду к Николы и закололи“ барана).

Сплётки — сплетни.

Стяг — кол („мужики бросились на нас со стягам“).

Стог — круглая кладка сена.

Споло́хать — разбудить.

Спо́рина — кожура от гречи и овса (кладут при варке пива).

Спорко — споро.

Спекуляны — спекулянты, торговцы (1) „Этта были у нас спекуляны“, 2) „Вы спекуляны?“. (Вопрос задается без малейшей тени осуждения, так как „спекуляны“ — желанные гости).

Сряжать — наряжать; **сря́да** — наряд.

Стравить — испортить: „Ронная ты моя сватьюшка, дали мы ему (мастеру) полпуда муки, а он **стравил** избу; а разви скажешь, вить совесно; а как наш-то батька возьмется белить, уж он-то хорошо побелит“ (Городок).

Столо́п — столб.

Стрякава }
Стрякиша } крапива (сравни орловское: „кострика“).

Ступлять — ступать.

Сулейка — бутылка (говорят к западу от Гадышей, близ Валдая).

Суслон — бабка — кладка ржи на поле в 10 снопов.

Су́тки — дверь: „заку́тай су́тки“ — запри дверь.

„**Сусленник**“ — чан для сливания сусла в 20—50 ведер.

Ссять — ссать (фр. pisser).

Т.

Таперь, таперя — теперь.

Тальяночка — гармония.

Таратайка, Однокóлок — двухколесная телега для езды.

Таскать лен — выдергивать.

Тая — та; **тое** — то.

„**Тина**“ — ботва (картофеля, огурцов и т. п.).

Титька — грудь; **титьки** — гру́ди.

Тихо — тайно: „есть тихо“ — есть тайком от других.

Трóски — высевки, сор, комочки.

Трóпнуть — топнуть; **тропотать** — топотать.

„**Толсто**“ — плохо 1) „Так же и вы **толсто** понимаете“, 2) „Мы, бабы, **толсто** понимаем“.

Тóрнуть — ткнуть { **торкаешь** — тыкаешь, **тóрнешь** — ткнешь.

„**Точа**“ — холст.

Тягать — таскать: „бревна тягать“ — таскать бревна из реки.

Тын, тынняг — сплошная изгородь из вертикально поставленных толстых кольев.

У.

Удóбрил — одобрил „Федя не удобрил кустовку“ (д. Поддубье).

Упряжка — часть рабочего дня: „на первой упряжки“ — до обеда.

Ушёдцы — ушел.

Упакать — подпакать: „ни упакать, ни подпакать“ — никак не угодить.

Ухожа — лесное пастбище.

Ф.

Фаевы — фай, шелковая материя.

Фармазон — озорник.

Фулиган — хулиган.

Х.

Хверщеватая земля — хрящеватая, каменистая (особый род почвы).

„**Хвыщет**“ — хлещет (например, рожь „хвыщет“ по рукам при жатве, поэтому надевают особый предохранительный рукав.

Хлопотать — ссориться, спорить: „он вам не будет хлопотать“ — он не станет ссориться.

Ходют — ходят.

Хоровóдиться — быть в связи: „она с им хороводится“ — она с ним „знакома“ (см.).

Хорошее — хорошо: „на огороде выросло хорошее" — на огороде все хорошо уродилось.

„**Хрещеные**" — крестьяне.

Христов день — пасха.

Хрыпа — чертополох.

Хуть — хотя („Да он хуть 40 богов сними, все онно не поверю").

Худо — плохо („гораз худо сделал" — очень плохо сделал).

Худым матом
Худым голосом } — не своим голосом (сравни „благим матом").

Ц.

Цапа́ть — 1) быть, царапать („ею́ немного **поцапа́ли**" — ее слегка побили; „бабы поцапались" — бабы подрались) вспахивать суки; цапалка — однолемешная соха (нет в употреблении).

Целкам — целиком („я и так ем целкам").

Цы́пушка — курочка: „у меня но́нечь все бо́ле петуны, цыпушек мало".

Цыплятница — наседка с цыплятами (наседка на яицах называется просто *наседкой*).

Ч.

Чаща́ — 1) еловые ветки (нарубленые), 2) густая поросль.

Чёлон — чёлн, лодка-однодеревка.

Чело — печное отверстие.

Череда — очередь („по череды" — поочереди).

Чиркуны — сверчки.

Чуйка — пальто на меху.

Чурак — колода.

„**Чулан**" — отгороженное пространство перед печью (в Пинежск. крае „солныша", в Моск. губ. „каморка").

Ш.

Шалаша́ лесная
Шалашка } см. **буташка**.

Шелгушка — мешок.

Шуга́й — жакет.

Шелом — бревно, выдолбленное снизу, лежащее на гребне крыши.

„**Шилом да мылом**" — (поговорка) — ничем: „Шилом да мылом заплатят" — не заплатят.

Щ.

Щереби́ть — царапать.

Э.

Эва — вот.

Я.

Язвук (е звук) — барсук („язвуково сало").

ПРИЛОЖЕНИЕ 3-е.

ТЕКСТ ДЛИННЫХ ПЕСЕН, ЗАПИСАННЫХ В ГАДЫШАХ В. А. ФЕНОМЕНОВОЙ [1]), С ПРИЛОЖЕНИЕМ ЕЮ ЖЕ ПОЛОЖЕННЫХ НА НОТЫ И ГАРМОНИЗОВАННЫХ МОТИВОВ.

I. Длинные песни.

1.

Экай Ваня, разудалая голова,
Да ты зачем же уезжаешь от меня, (2 раза)
На кого ты спокидаешь, друг, меня. (2 раза)
С кем я буду эту зиму зимовать? (2 раза)
С кем я стану лето красное гулять.
(Мотив № 1. Поют девицы редко.)

№ 2 [2]).

Скрылось солнце за горами,
Отворилась тишина (?) [3])
Спят все рощи и долины,
В чистом поле тишина.
По горами, по долами,
По дорожки, столбовой

---

[1]) Песни свадебные сообщены бабкой Антошихой — 65 лет, длинные Е. В. Барановой — 60 л. и Дуней Становой — 38 лет; солдатские и бродяжьи Александром Сивым — 33 л.; короткие — разными лицами. При записи отмечались и фиксировались особенности местного говора; общие же особенности разговорного языка, по большей части не отмечались: так оставлено в литерат. форме „старается“ (произн. „стараетца“, но отмечено „воротитцы“, оставлено „его“ (ево), отмечено „ею́“ (ее) и т. п.

[2]) См. у бр. Соколовых „Сказки и песни Белозерск. кр.“ Отдел „Народные переделки лит. стих. и романсов“ № 685 (стр. 503).

[3]) Вероятно, — „вышина“.

Рыцарь бедный все стремится
Ко Мальвины молодой.
А Мальвину снаряжали [1])
Жертву бедную к венцу.
Она плачет, слезы льются,
Как потоки, слезы льет.
Вы, подружки, не вините —
Дайте сердцу погрустить.
Вы единое скажите
Как мне милого забыть.
Я терплю мученье, скуку,
Я пожертвую собой.
Вот возьмите правую руку,
Как велел родитель мой.
Вот вам перстень драгоценный
Мне ж венец принадлежит.
Уж венцы были готовы
И коляска у крыльца.
Поздно, поздно, друг нежданный,
Поздно рыцарь прискакал.
Для злодея тут не поздно
Рыцарь саблю обнажил.
Вот взвилася сабля вострая
И Мальвина померла.
Померла наша надежда
С ней скончалася любовь [2]).

(*Мотив № 2.* Поют ребята, часто.)

---

[1]) А Мальвина слезно плачет
Как потоки слезы льет (*вариант*).

[2]) Здесь же известен близкий по теме романс:

„Над серебряной рекой,
На златом песочке
Долго девы молодой
Я искал следочка.
Там следов знакомых нет,
Нет, как не бывало:
Вдруг услышал в далеке
Колокол раздался.
Сел на ворона коня
И туда помчался.
Отворил я в церковь дверь,
Там народ толпою,
Там изменщицу мою
Водят вкруг налою,
Я к иконе пресвятой
Бросился с мольбою —

3 [1]).

Прощай жизнь, радость моя.
Ах слышу едешь, милой, от меня, (2 р а з а)
Ах нам-то должно с тобой да расстаться,
Тебя больше, милый, не видать, (2 р а з а)
Ах буду помнить твои взоры,
Твой веселый, милый разговор. (2 р а з а)
Ты не один (?) меня милый тревожил,
Ты не один (?) лишил милый спокой.
Ах вспомни, вздумай день прекрасный,
Когда на речку шли гулять с тобой,
На желтый песок садились
И мылись свежею водой.
Ах вдруг несчастьице случилось:
Унесло дружка мово волной.
Позайди-ка туча темна,
Приударь-ка большой гром.
Ах темная ноченька, не спитци
Сама я знаю, знаю почему, (2 р а з а)
Ах сама я девица дружку сказала.
За мной милой не гонись (2 р а з а)
Не гонись, мальчик, за мною
За моею, милый, красотой.
(*Мотив № 3.* Поют девицы когда жнут.)

4.

„Здумал-*ъ* Ванюшка-та женитцы,
Темна ноченька не спитцы,
Брал цыганочку замуж ею за себя.

Цыганочка-та молодая
Работа́ть в поли не знала,
Тольки знала цыганочка тан*ъ*цывать [2]).

Боже, счастья ей подай
И любовь святую,
Дай ей участь перенесть,
Участь роковую,
Дай мне милую забыть
Свою дорогую.

См. у бр. Соколовых Op cit. стр. 502, № 682.

[1]) Отрывок этой песни см. у Б. и Ю. Соколовых „Сказки и песни Белозерск. края, стр. 457, № 516.

[2]) В тексте буквы, набранные курсивом, обозначают вставные звуки, слышимые при протяжном пении.

Пойдем Ванюшика в ледину
Мы вить вырубим себе с тобой трестинку,
Сделаем, Ванюшка скрыпочку да гудок.

Ваня в скрыпочку-то играть
А я, цыгоночка, танъıцывать,
Распремилая с Ванюшикой у нас гульба.

Посылала то Ваню мать
В чисто та полюшико ль погулять
В Йировое полюшко жито жать.

Вышил Ванюшика на крылечки,
Положил-ъı серпок-ъı на лъıлечки
Сам-ъı запъıлакал Ванюшика да пошел.

Ишол Ваня по дорожки,
Не нашел своей полосъıки,
Становилъıси Ванюшика на чужу.

Он за эты-та за динечик
Нажал пясъıтычику снопочик
Все на любушику смотрел.

Он са этой-то он-то со скуки
Перерезал-ъı сиръıпом руку,
Он-ъı пустил алаю, нежнаю кровь.

Тут сударушка близко жала,
Прибижала-та она завязала,
Не пустила алаю, нежнаю кровь

Родима маминика зглинула,
Белым рученькам сплеснула:
Что же ты сделал, Ванюшенька, надъı собой.
(*Мотив № 4.* Поют девицы часто).

5.

Кругом, кругом осиротела
Я без тебя мой дорогой
С тобой все счастье улетело, (2 раза)
И не воротитцы назад.
Ты воротись, мой ненаглядной, (2 раза)
Ко бедной девицы ко мне.
Не йдет, не йдет, мой расхорошой,
Нейдет, не любит он меня.

Во сне мне миленькой приснился,
На сердце искру заронил.
Блеснул, как молынья, и скрылся —
На век спокойствия лишил.
Сказал: гуляй, моя Развета,
И не влюбляйся ни в ково.
В твоих — летах любить опасно —
И ты завянешь, что трава.
На век завянешь, не расцвянешь,
Расцвесть не можешь никогда.
Когда же роза расцветает,
То всяк старается сорвать.
Когда же роза засыхает,
То всяк старается стоптать.
Котора девица красива,
То всяк старается любить,
Котора девица несчастна,
То всяк старается забыть.
(*Мотив № 5.* Поют девицы.)

6 [1]).

Пойду в садок, сорву цветок;
Сорву цветок, совью венок. (2 раза)
Совью венок своему дружку на головушку, (2 раза)
Ты носи, мой друг, не скидавай; (2 раза)
Люби меня — не забывай.
Пока с вам я жил — счастливым был,
От вас я отстал — несчастным стал, (2 раза)
Несчастным стал — в тюрму попал, (2 раза)
В тюрмы сижу — во окно гляжу, (2 раза)
Не придет ли моя расхорошенькая, (2 раза)
Она не скажет ли мне слово ласковое, (2 раза)
Как сидеть молодцу во чужой стороны.
(*Мотив № 6*, не поют; знают пожилые женщины.)

7.

Нигде милого не вижу,
Ни в деревне, ни в Москве,
Только вижу я милого
В темной ночи в сладком сне.
Взгляну, взгляну я на стенку,

---

[1]) См. варианты у бр. Соколовых. Op. cit стр. 466, №№ 551—552.

Вижу милого патрет:
Он на стеночки висит,
На меня младу глядит.
Давно, давно я позабыла,
Что малютка на руках.
Снесу матери малютку,
Сама выйду на крыльцо.
На крылечке посмотрела,
Вижу — миленькой идет.
Я брошусь к ему на грудь,
Назвала его дружком.
Не зови меня дружком:
Я теперя муж не твой.
Я теперя муж не твой, —
Я женился на другой.
Я женился переменился,
Не *в пондраву* [1]) жону взял.
Не в пондраву, не по мысли,
Не по сердцу своему.
(*Мотив № 7.* Поют девицы и женщины, редко.)

8.

Когда я был мальчик слободный [2]),
Не знал ни горя, ни нужды [3]).
В одну неверную влюбился,
Я сбился с праведной пути
Она клялась, что любит верно
Своей обманчивой душой,
А я — мальчишка — ей поверил
Своей безумной головой.
С московским замком я спознался,
В котором три года сидел.

---

[1]) Ср. Рязанскую частушку:

Ай товарка, не румянься,
Лицо белое не гадь.
Если ты ему *в пондраву*
Он и так будет гулять.

[2]) Произносится „*слобонный*“

[3]) (Вариант):

Когда родные все любили
И баловали, как дитю.
Но баловство меня сгубило.

Сижу, сижу душой с унылой,
Лампада тусклая горит.
И за железными дверями
У часового штык блестит [1]).

(*Мотив № 8.* Редко поют девицы.)

9.

Снежки бе-снежки белы лопушисты
При закры-ах, да призакрыли все поля (2 раза).
Одно по-одно поле не покрыли —
Да горе лю-ах, горе лютое мое (2 раза).
Да по-пойду с горя в чисто поле —
Да горе ка-ах, горе катится за мной.
Середи-середи поля кусточек
Одине-одинешенек стоит.
Да он не со-он не сохнет и не вянет,
И листо-и листочков на ем нет.
Да ни-да ни листочков, ни кусточков.—
Их позду-их поздуло ветерком.
Да уж, уж я бе-уж я бедная, несчастная,
Я сиде-я сидела под кустом (2 раза)
Да сле-слезно пла-слезно плакала о ем
Да ни-никто тра-никто травушку не косит,
Никто се-никто серпиком не жнет.
Никто де-никто девицу не любит,
Никто за-никто замуж не берет.

(*Мотив № 9.* Редко поют девицы.)

10 [2]).

Мамашинька ругала,
Чево дочка грустна.
Сама про то не знала,
В кого я влюблена.
Люблю дружка смертельно,
Люблю его душой.
А он же, злой мучитель,
Смеется надо мной.
Не смейся, злой мучитель,
Не смейся надо мной:

---

[1]) См. у бр. Соколовых, op. cit. № 686, стр. 503.

[2]) См. у бр. Соколовых, op. cit. № 757, стр. 472 и № 679 (с. 501). Отдел „Народные переделки стихотвор. и романсов“.

Господь тебя накажет
Несчастною судьбой [1])
Развратною женой.
Не в поле ветер свищет —
Военный гром гремит.
Никто так не сражался,
Как милый на войне.
Он пулей не боялся —
Все думал обо мне.
Пришло письмо печально,
Что миленькой убит.
Убит, убит мой миленькой,
Под кустиком лежит.
Была б я вольной пташкой
Слетала бы туда.
Все косточки собрала
Во гробик оклала.
Оклавши кости в гробик,
Я плакать начала.
Поплакавши слезами,
Земельки предала.

(*Мотив № 10*. Изредка поют, когда идут со жнивà.)

11 [2]).

Не вздыхай-ка, душа Саша,
Не вздыхай-ка, ах, тяжело!
Да не вздыхай-ка, ах, тяжело!
Если тебе дружка жалко,
По-позабудь его ты поскорей.
Да позабудь его ты поскорей
Я тогда дружка позабуду,
Когда скроются мои глаза,
Да за-запекутся уста кровью —
Милый не будет меня целовать.
Да милый не будет меня целовать [3]).

---

[1]) Вариант: несчастной, несогласной, неверною женой.

[2]) По основному мотиву сходны, но беднее содержанием две песни, привед. у Соколовых op. cit., стр. 470—471, №№ 568, 569.

[3]) Вариант, записанный в с. Рождестве:

Милый не будет и не станет
Меня Сашей называть.
Вы не ройте мне могилы
Во зеленыим-то саду;

Да вспомни-ка, вспомни дружок Саша
Нашу прежнюю с тобой любовь,
Да как-то мы прежде с тобой жили
И любили друг-то дружка (2 раза).
Да, а теперя что случилось:
В один час мог изменить (2 раза).
Ты изменил священную клятву
Сам женился, милый, на другой.

(*Мотив № 11.* Редко поют девицы.)

(конца нет)

12.

Не по речушки ль лебедушка плывет
Да-а плывет, — да ни к моему ли горю матушка идет
(2 раза).
Да ты подитко, подиткоси, родимая моя,
Да погляди-поглядитко на несчастную меня, (2 раза).
Как живу я во чужиих во людях (2 раза).
Через зо-ах через золотце слезушки бегут,
Не по шелку, не по бархату хожу.
Разливалась Волга матушка река.....

(*Мотив № 12.* Поют редко).

(конца нет)

Вы лучше выройте могилу
Вдоль дорожки столбовой,
Да где-где гуляет милый мой,
Да он-он гуляет, вспо-вспоминает
Он-он про Сашеньку го-ах говорит.
(Вариант в Рождестве:
Он проходит, слезы ронит
Сам про Сашу говорит.)
В Гадышах же имеется другой вариант:
„Не вздыхай-ка, душа Саша:
Еще в летах мо-молода.
В летах буду и смыслить буду
Про мудреную любовь
Куды милый скрылся
Куды улетел?
Давно, давно милый
Писем не пишет.
Не с кем переслать
Со младым послать —
Будет много молодюшек знать,
А со старым послати
Будет долго дожидать.
Сама я девочка хочу к нему побывать.....

М. Ф.

13. (Свадебная.)

По борам, борам, боричкам, —
Да по борам-борам, боричкам
Убита дорожка каблучкам (2 раза).
И кто ту дорожку убивал?
Да кто эту дорожку убивал?
Убивал-ах-дорожку Иван князь,
Ходючи смотрючи Танюшку,
Да дороги подарки носючи.
Ай дому да на пляну,
На тесовом дворе девушки:
Все девушки без венков,
Одна Танюшка со венком.
Кто этот венок совивал?
Совивал венок Иван князь.

(*Мотив № 13.* Поют бабы, редко.)

14. (Тоже.)

Ой горюшко, ой горе, кручина великая! (2 раза).
Как-то мне, как-то мне про мужа постелю слать? (2 раза).
Вот этак, вот этак про мужа постелю слать [1]).
Ой горюшко, ой горе! кручина великая!
Как-то мне, как-то мне мужа обнимать будет?
Вот этак, вот этак мужа обнимать будет!
Ой горюшко, ой горе! кручина великая!
Как-то мне, как-то мне, мужа целовать будет?
Вот этак, вот этак мужа целовать будет!

(*Мотив № 14.* Не поют).

15. (Тоже.)

Уж ты, друженика, послухай,
Об дубовый стол не стукай.
А дубовый стол не скамейка, —
Дари девушек хорошенько.
Наши девушки горожданки:
Без белил, без румян не ходят;
За водой идут-белятся;
За соломой идут-румянятся.

(*Мотив № 15.* Поют больше бабы.)

[1]) Песня связана с драматизацией: поющая показывает, как она будет стлать постелю, обнимать и целовать мужа.

16.

На паперти божьего храма
Оборванный нищий сидит.
Он видит, какая-то дама
Роскошно одета на вид...
(Поют и девушки и ребята.)

17.

За диким степям, за Байкалом [1])
Где золото роют горой,
Бродяга к Байкалу подходит
Рыбачью он лодку берет,
Бродяга Байкал переехал, —
Навстречу родимая мать.
— „Ты здравствуй, ты здравствуй, мамаша!
Здоров ли отец и мой брат?“
— Отец твой давно уж в могилы
Давно и землею зарыт [2]),
А брат твой давно уж в Сибири —
Давно кандалами гремит. —
(Ребята поют, у ошая.

18.

Скажи-ка, скажи-ка, товарищ,
За что ты сидишь в ронниках,
За что ж ты прикованный к тачки,
Жилезна лопата в руках,
Зачем твои ясныи очи
Сунылo на свет так глядят?
Чтож твои бледныи губы
Так редко слова говорят?
Скажу я вам, товарищи, правды,
Не скрою от вас ничево:
Сижу в ронниках я за дело,
Послушайте, братцы, за что.

---

[1]) Обычное начало

„По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.“
М. Ф.

[2]) Обычно: Сырою землею зарыт

Когда я был молод и жаден,
До страсти я деньги любил,
Я резал богатых и бедных,
Я вдов и сирот не щидил,
Захочется нам по девченки,
Пойдем во деревню-село,
Разграбим крестьянские избы,
Девченок с собой оберем (2 раза).
Развесим их там по деревьям,
Ремнями всю шкуру сдерем.
Я жил во таких атаманах,
Имел шестьдесят молодцов;
Любил я ходит одинаким
С товарищем верным ножом.
Однажды увидел, два странника идут.
Один был молодой, другой старый,
Идут и беседу ведут
Когда со мной поравнялись,
Я мигом вскочил из кустов,
Махнул по привычки дубиной
Я разом обоих убил.
Убивши ошарил карманы,
Четыре копейки нашел,
За эти ж четыре копейки
Страдать в ронниках я пошел;
За эти ж четыре копейки
Отца я родного убил,
Упал перед ним на колены
И долго над трупом рыдал,
Один из прохожих увидел,
Пошел становому сказал,
Во всех я проступках сознался
И годы до суда просидел.....

(Ребята мало поют (кто умеет); хорошая, жалобная.)

19.

Когда имел златые горы
И реки, полные вина,
Я отдал бы за ласки взоры, —
И ты владела б им одна,
И речи, речи справедливы
Скажу всю правду я отцу.

(Записано только начало. Пели раньше парни.)

. . . .
. . . .

20.

Что не ветер ветку клонит
Ни добровушка шумит,
То мое сердечко ноет,
Что осенний лист, дрожит.
Выступь, выступь, земля сырая,
Дай мне молодцу покой.
Приюти меня, родная,
В тихой келье гробовой,
Извела меня кручина,
Подколодная змея, —
Догорай, моя лучина,
Догорю с тобою я.
(Старые люди пели, отец пел.)

21.

Во ку-во кузнице (2 раза)
Два кузнеца молодые кузнеца, —
Они куют и наваривают,
Себе Дуню приговаривают:
Пойдем, пойдем, Дуня (2 раза),
Пойдем, Дуня, в огород, в огород;
Сорвем, сорвем, Дуня (2 раза),
Сорвем Дуня лопушок, лопушок
Под саменькой корешок, корешок,
Носи, носи, Дуня (2 раза)
Носи, Дуня, не марай, не марай
Под лавочку не бросай, не бросай.
В коро- в коробочку,
В коробочку запирай,
В коро- в коробочке,
В коробочке таракан, —
Проел Дунин сарафан, сарафан [1]).
(Новая.)

22.

Ой Таганроге (2 раза)
Таганроге солучилася беда,
Ой там убили —
Там убили молодого казака,
Ой становили (2 раза),
Становили на могилу черный крест.
Ой засыпали (2 раза),

---

[1]) На са-на самой на з....цы или другое еше менее цензурное продолжение. *М. Ф.*

Засыпали желтым мелкиим песком,
Ой там летели (2 раза),
Там летели молодые сокола
Ой они сели (2 раза),
Сели, пали ко вдовушке на дворе:
Ой встань, проснися,
Встань, проснися, молодая вдовушка [1]).
(Часто пели ребята и девушки).

23.

Трансваль, Трансваль, страна моя, ты вся в огне горишь.
Под деревцем развесистым задумчиво сидишь.
О чем задумался, детина, о чем, голубушка, грустишь?
Горую я по родине и жаль мне край родной;
Сынов всех девять у меня, троих в живых уж нет,
А старший сын, старик седой, убит он на войне...
Он без молитвы без креста зарыт в сырой земле.
А младший сын двенадцать лет просился на войну,
Но я сказал, что нет как нет,—малютка, не возьму.
Я выслушал малютки речь, обнял и поцеловал,
Малютка на позицию ползком патрон принес.
Трансваль, страна моя, защитник говорит
За кривду бог накажет нас, за правду наградит (2 раза).

24.

Ехал на ярмарку ухарь купец,
Ухарь купец, удалой молодец...
Прощайте родные, прощайте друзья,
Прощай дорогая невестка моя (припев).
Заехал в деревню коней напоил,
Своею гульбою народ удивил.
Прощайте родные... (припев).
Он старых и малых он поит вином
Пей, пропивай! Пропьем, наживем!
(Припев).

25.

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молния блистала,
И беспрерывный гром гремел,
И ветры в поле бушевали... [2]).

---

[1]) См. конец у бр. Соколовых, op. cit. стр. 481, № 608.
[2]) Записано только начало песни.

26.

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьмы моей темно:
Днем и ночью часовые
Стерегут мое окно.
Вы как хотите стерегите, —
Я и сам не убегу,
Мне ведь хочется на волю,
Цепь порвать я не могу,
Уж вы, цепи мои, цепи,
Цепь — железны сторожа!
Не порвать вас, не порезать
Цепь без вострого ножа,
Моя молодость проходит
По острогам по тюрьмам.

27.

Голова ль моя удалая,
Долго ль буду носить я тебя?
Ты судьба ль моя лиходейка,
Загубила меня молодца.
Молодецкую жизнь загубила меня
И к могилы меня произвела.
Куды делся мой прежний румянец,
Черны брови кудрявых волос!
Я помру на тюремной подушке,
Похоронят меня кое-как, —
И могилы моей одинокой
Не узнает родимая мать.

(Поют ребята и девушки).

28.

Вечер поздно из лесочку
Я коровушек гнала,
Пригоняла к ручеечку
Близ зеленого лужка,
Вижу, едет барин с поля —
Две собачки впереди (2 раза),
Два лакея позади,
Поровнялся он со мною —
Бросил взор свой на меня (2 раза):
„Здравствуй, девица красотка!
Из которого села?“

„Вашей милости, сударь, крестьянка“, —
Отвечала ему я,
„Не тебя ли, моя радость,
Егор за сына просил?
Егоров-то сын не стоит, —
Не к тому ты рождена.
Ты теперича крестьянка,
А под вечер госпожа“.
— „Госпожею, барин, быть приятно,
Да Ванюшу очень жаль,
Отпусти, барин, Ваню на волю
И со всей его семьей“.
Во Успенскиим во соборе
В большой колокол звонят,
Нашу милую Наташу
Хотят с барином венчать.
(Поют девушки, редко).

29.

В низенькой светелке огонек горит,
Молодая пряха под окном сидит,
Молода красива, карие глаза,
По плечам развита русая коса,
Пылкая головка, думы без конца...
Вот она ласкала старика вдовца
Что ж такое, что стар он; пусть осудит мир.
Он притом богатый, ротный командир.
Он красотку пряху в Петербург свезет,
Для красотки пряхи бельэтаж наймет.
Он наймет квартиру, он наймет и слуг,
С пряхой познакомит благородный люд.
Там ее научат к танцам и балам, —
И из пряхи выйдет куды хошь мадам.
Пряха моя пряха, пряха ты моя,
Вспомни, что твердила мать тебе твоя:
На мужчин лукавых зорко не гляди,
Локоть будет близко, но не укусить, —
Будешь понапрасну горьки слезы лить.

30.

Как полна моя коробочка
Есь и ситцу, и парча.
Пожалей, душа моя зазнобушка,
Молодецкого плеча.

Выйду, выйду в рожь высокую,
Там до ночки простою.
Как завижу свою черноокую,
Все товары свои разложу.
Эх и пала ночка туманная,
Ждет удалый молодец.
Чу идет, пришла, моя желанная!
Разложил товар купец.
Цены сам платил не малые,
Не торгуйся, не скупись.
Подставляй-ка щечки [1]) алые,
Ближе к молодцу садись.

31.

Последний нынешней денечек
Гуляю с вами я, друзья;
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья.
Заплачут братья мои, сестры,
Заплачут мать и мой отец.
Еще заплачет дорогая,
С которой три года я жил;
Вести к венцу ее сбирался,
Любить до гроба обещал.
Карета шибко пролетела
Мимо дома моего.
С кареты старшии вскричали:
Готовьте сына своего.
Крестьянский сын давно готовый...

---

[1]) В селе Рождестве—„губки“.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4-е.

МОТИВЫ НАРОДНЫХ ПЕСЕН.

№ 1. Экай, Ваня.
№ 2. Скрылось солнце.
№ 3. Прощай, жизнь, радость моя.
№ 4. Задумал Ванюшка жениться.
№ 5. Кругом, кругом осиротела.
№ 6. Пойду в садок.
№ 7. Нигде милого не вижу.
№ 8. Когда я был мальчик слободный.
№ 9. Снежки белы.
№ 10. Мамашинька ругала.
№ 11. Не вздыхай-ка, душа Саша.
№ 12. Не по речушки ль лебедушка плывет.
№ 13. По борам, борам.
№ 14. Ой горюшко, ой горе, кручина великая.
№ 15. Уж ты, друженика, послухай.
№ 16. Частушка.

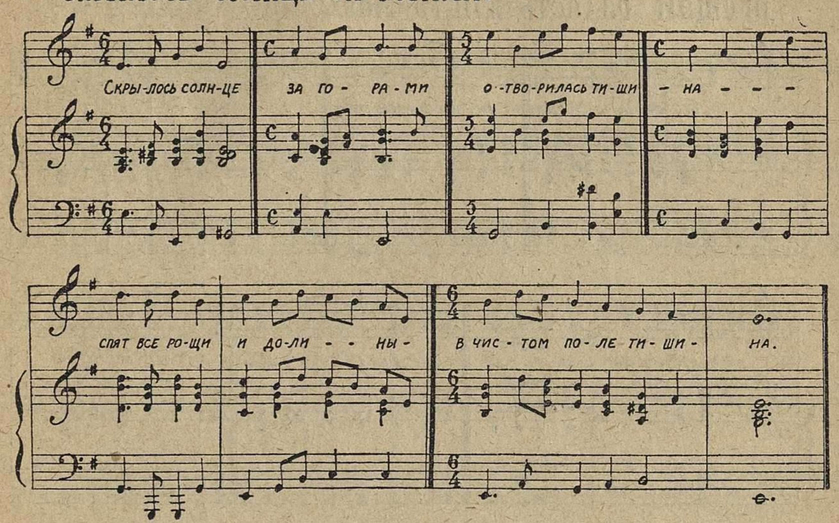
№ 1.

Э - кай Ва - ня разу-да-лая го - ло - ва - а да
ты за чем же у - ез-жа - - ешь о-ты ме - на да
ты - за - чем же уез-жа-ешь о - т ме - ня - я да
на - а ко-го, ты спо - ки-да - а-ешь друг ме - ня

№ 2.

Скрылось солнце за горами.

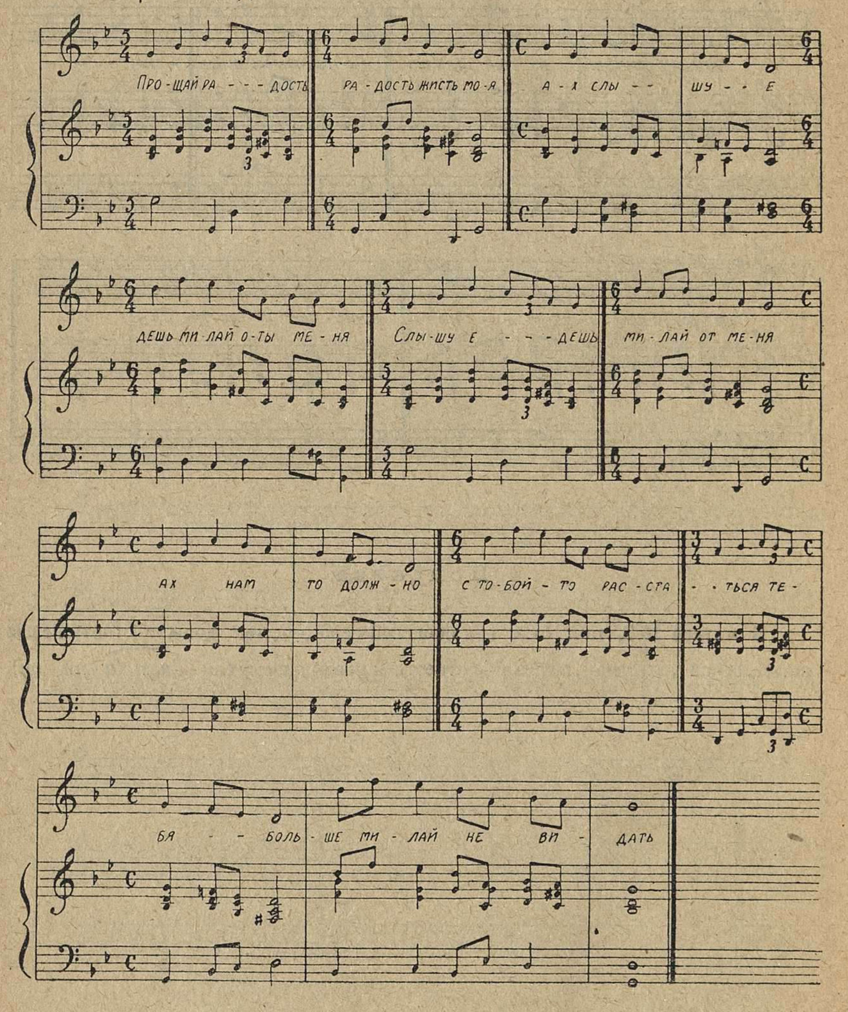

Поправка:

В мотиве № 2, такт 6-й: над последним слогом „*ны*“ должно стоять не две ноты „la-mi“, а одна „mi“; la — отнести к предыдущему (ли - *do, si, la* - ны - *mi*).
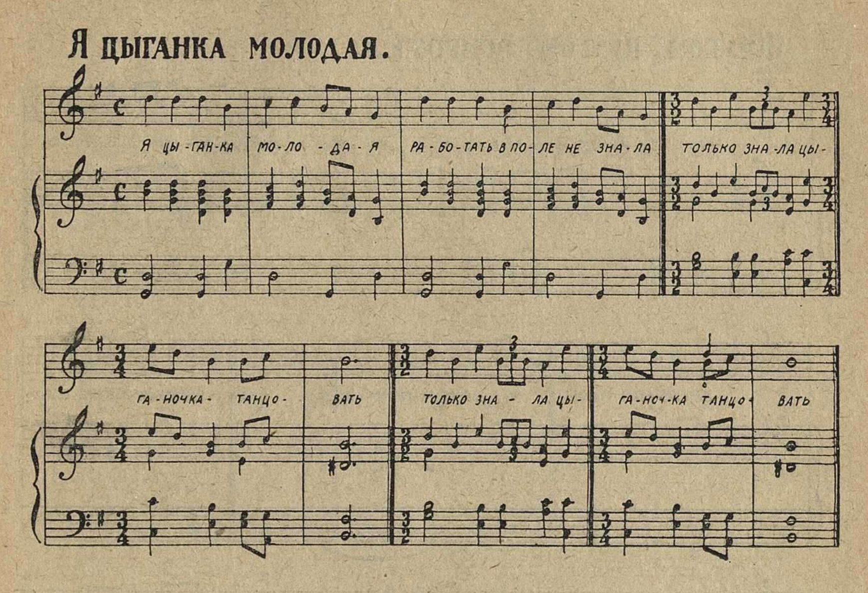
№ 3.

Прощай радость жисть моя.

№ 4.

Я цыганка молодая.

Примечание: Другой мотив в минорном тоне по техническим условиям не мог быть помещен во втором томе и будет приложен к 3-му тому.

№ 5.

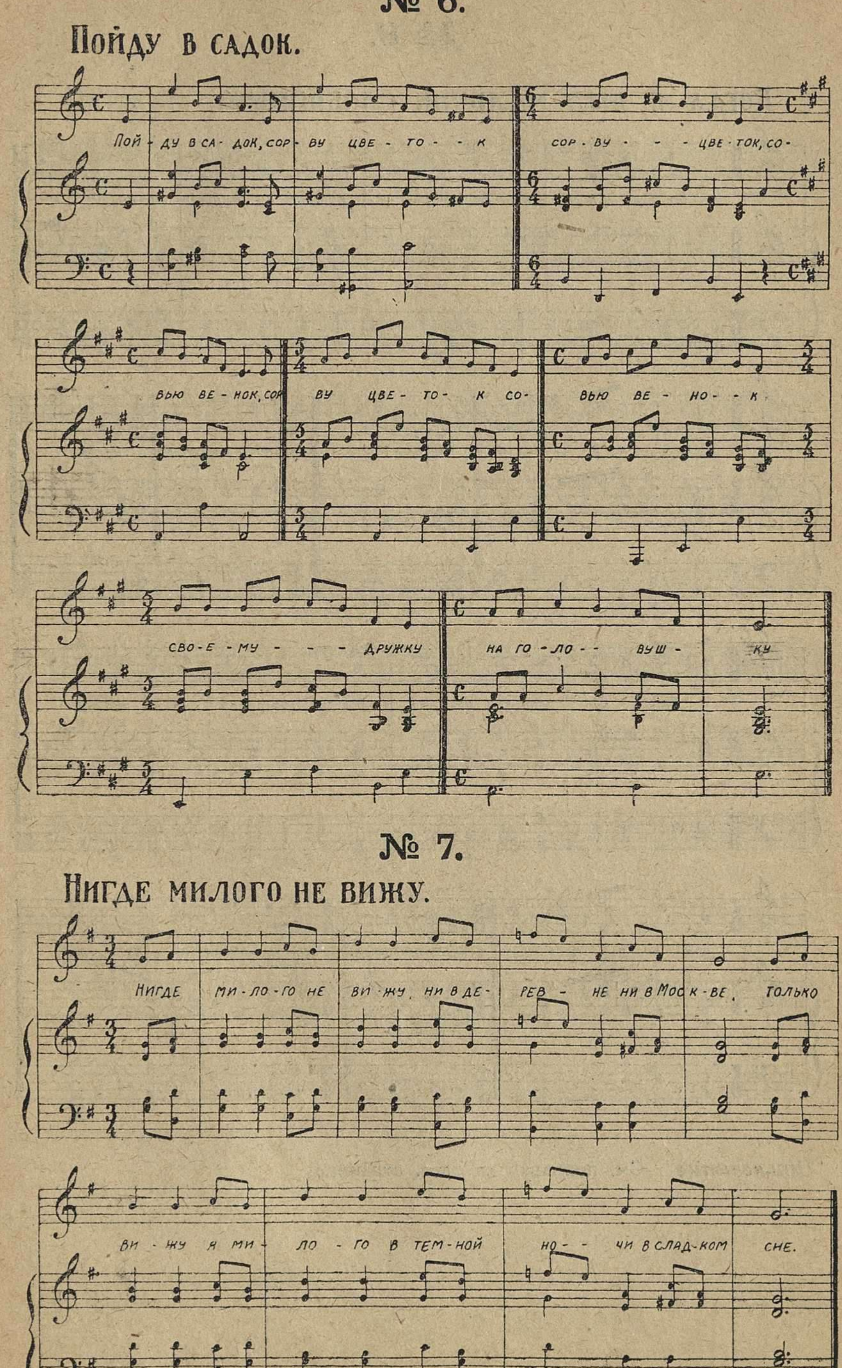
Кругом, кругом осиротела.

Кру- гом кру-гом о-си-ро-тела и - без те - бя мой до-ро - гой с то-бой все

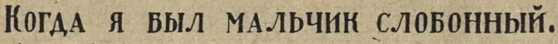
счастье уле- тело и не во-ро-тит-ся на -зад Сто- бой все счастье уле-тело

и не во- ро-тит- ся на- зад ах во-ро- тись мой не - на - гляд-ной

ко бед-ной де - ви - це ко мне

№ 6.
Пойду в садок.
Пой - ду в са - док, сор - ву цве - то - - к
сор - ву - - - цве - ток, со -
вью ве - нок, сор - ву цве - то - к со -
вью ве - но - - к.
сво - е - му - - - дружку
на го - ло - - вуш - ку
№ 7.
Нигде милого не вижу.
Нигде ми - ло - го не ви - жу, ни в де - рев - не ни в Мос к - ве, только
ви - жу я ми - ло - го в тем - ной но - - чи в слад - ком сне.

№ 8.

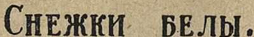
Ког - да я был маль - чик сло - бонный не знал ни го - ря ни ну - жды в од - ну не - вер - ну - ю влю - бил - ся я сбился спра вед - ном пу - ти

Она кля - лась, что лю - бит вер - но сво - ей об - ман - чи - вой ду - шой а я - маль - чишка ей по - ве - рил сво - ей без - ум - ной го - ло - вой.

Примечание: См. поправку на след. странице.

См. поправку на след. странице.

№ 9.

Снежки белы.

Снеж-ки бе снеж-ки бе-лы ло-пу ши - - - - сты да при-за-кры при-за-

крыли все по-ля да при-за-кры при-за крыли все-по-ля - - - - да од-но по од-но

по-ле не по-кры - - - ли да го-ре лю го-ре лю-то - е мо - е

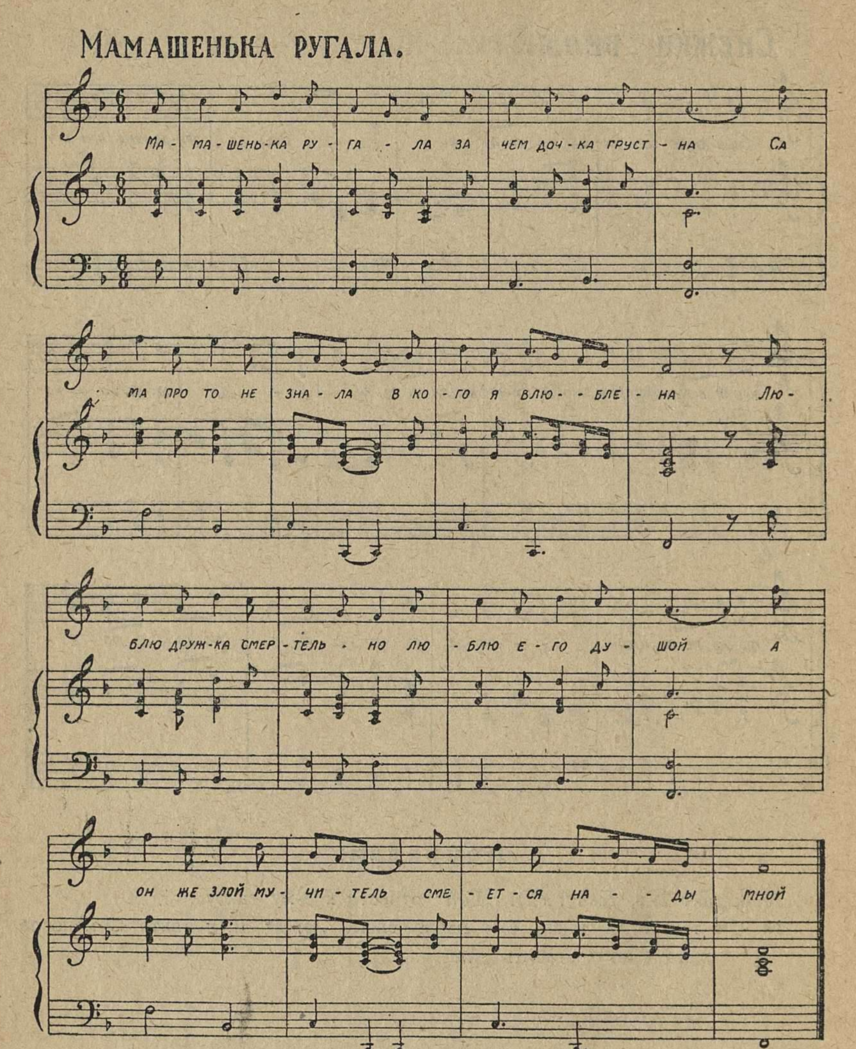
Поправки:

№ 8, такт 7-й, текст: слог „*ной*“ отнести к 8-му такту.

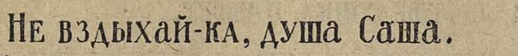
№ 9, в тексте: в такте 6-м после слога „*кры*“ и в такте 12-м после слога „*лю*“ вставить „*ах*“.

№ 10.

Мамашенька ругала.

№ 11.

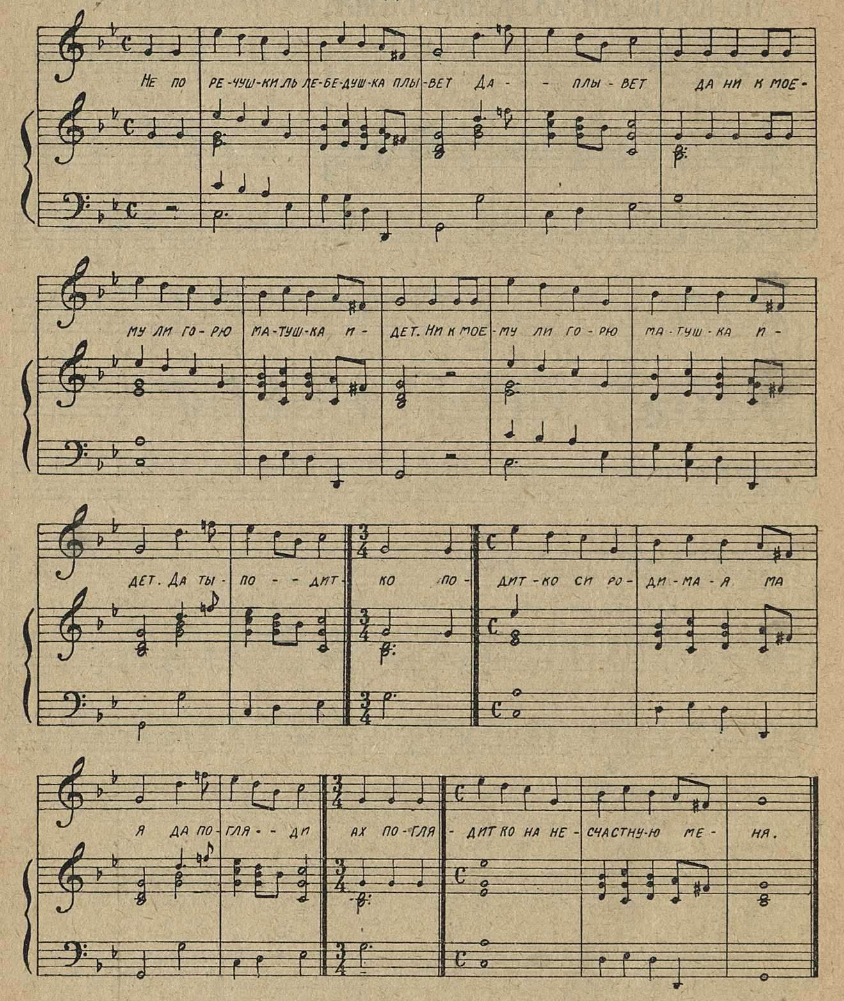
Ах не-взды-хай-ка ду--ша Са-ша не-взды-хай-ка

ах тя-же-ло. Да не-взды-хай ка ах тя--же-ло. Да

е-сли те-бе дру--жка жал-ко по-по за-будь е-го ты по-ско-рей

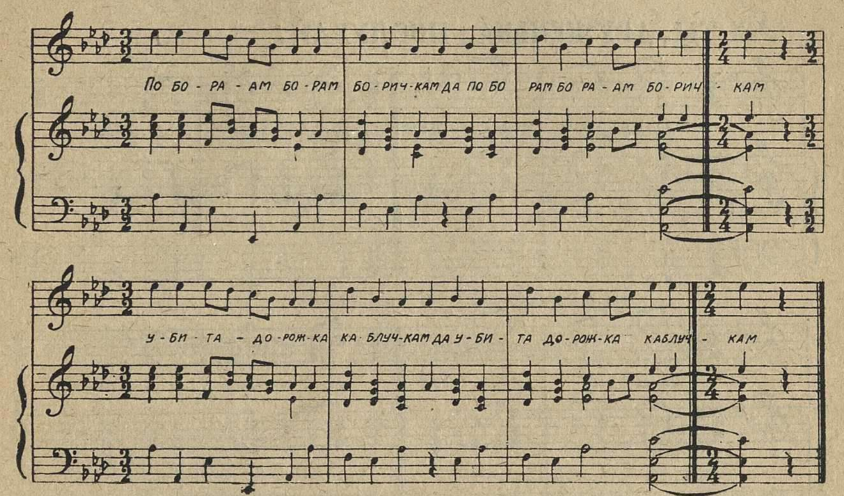
№ 12.

Не по речушки-ль лебедушка плывет.

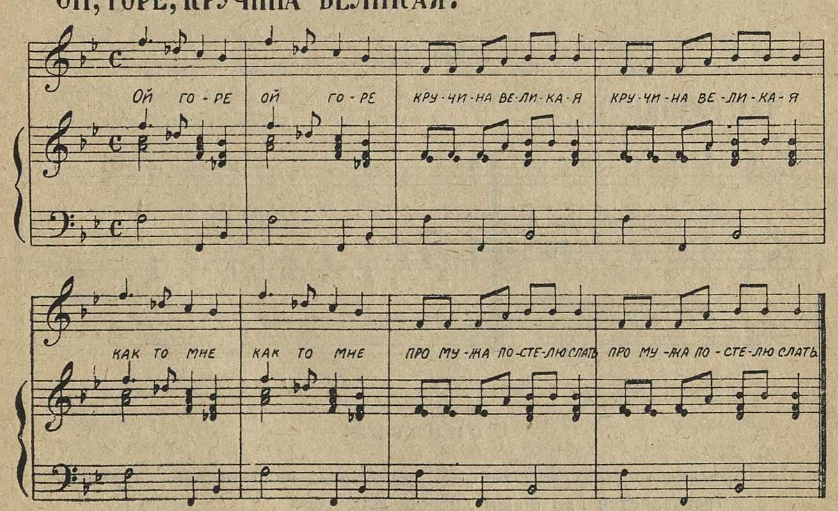
№ 13.

По борам - борам.

№ 14.

Ой, горе, кручина великая.

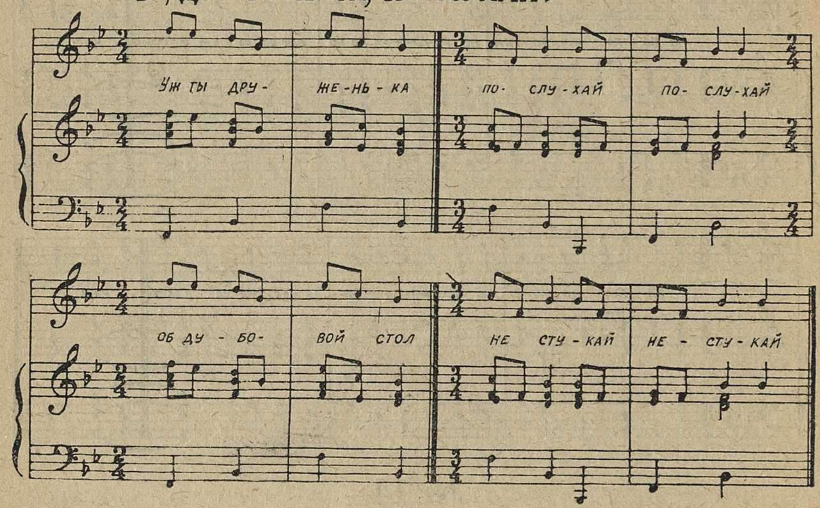

Поправка:

в такте 1-м текст не „ой горе“, а „ой гóрюшко“
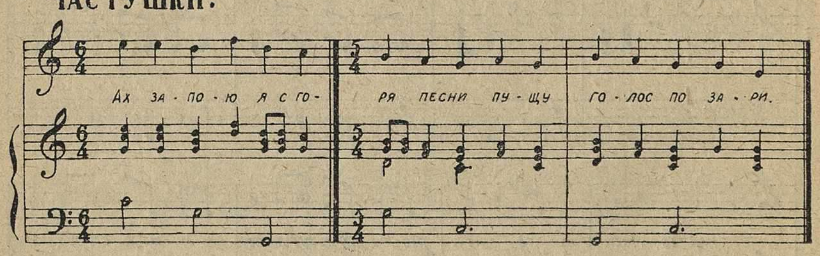
№ 15.

№ 16.

Поправки:

№ 15, в тексте (такт 2-й) вместо „друже*нь*ка" надо читать „друже*ни*ка" (вставляется при пении лишний звук „*и*").

№ 16. Такт 3-й, в аккомпанементе, в последнем аккорде *sol* лишнее.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5-е.

КОРОТКИЕ ПЕСНИ, СОБРАННЫЕ В ГАДЫШАХ в 1921 — 24 г.г.

I. Женские—любовные.

1. Собранные В. А. Феноменовой летом 1921 г.

1*.

На одном окошке роза,
На другиим гоноболь.
Легче с родителям расстаться,
Чем с тобой, мой дорогой.

2*.

Я сидела на диване,
Вышивала платок Ване.
Платок — новы кончики:
От девочки поклончики.

3*.

Запою я с горя песни.
Пущу голос по зари:
Пущай послухает прияточка
Припевочки мои.

4*.

Или ты худо играешь,
Или я худо пою, —
Но под этую тальяночку
Не подладить никому.

5*.

Запою я с горя песни,
Пущу голос по леску;
Пущай послухает мой миленькай,
Ударится в тоску.

6*.

Гуляет миленькай до свету;
Ночь не сплю из за ево:
Поет песни про другую, —
А мне делает на зло.

7*.

Наливай-ка, мамка, чаю
В золотыи чашки.
Приведу миленка в гости
В красненькой рубашке.

8*.

Возьму я две куде́ленки,
Пойду я вдоль дере́веньки.
Вдоль деревни лес густой, —
Кричит забавочка: постой.

---

*) Примечание: частушки, отмеченные звездочкой, записаны в двух местах, в д. Гадышах и в с. Рождестве со слов Стуколовой, Ульяны Мих.

9.

У качели, у качели,
У точеныих столбов
Милый подчивал гостинчикам
За прежнюю любовь.

10.

Пойду я в сад, пойду в зеленый
Песни слухать соловья,
Соловей поет измену:
Не стерпеть — заплачу я.

11*.

Пойду на ручей, на бегучей,
Где холонная вода, —
Не приедет ли прияточка
Поить сюда коня.

12*.

Стоит березка вдоль дорожки
Всем ветрам покорная.
Не бывает мое сердце
Никогда спокойное.

13*.

Пришла почта — писем нету.
Пойду лягу на кровать,
Возьму пуховую подушечку,
Не дам сердцу тосковать.

14.

Платьице черное печальное
Придется надевать.
Расхорошенького мальчика
Придется забывать.

15.

Мне сказали про измену,
Я не испугалася:
Я с такиим с трепачем
Гулять не собиралася.

16.

У забавочки рубашка:
Бело-розовый сатин.
Полюбивши мне девченочки
Из волости один.

17*.

Про меня про молоду
Девята слава на году.
Славушка девятая,
Никем не виноватая.

18.

Чернобровенькой мальчишка
Никогда так не пройдет:
Либо губки на улыбку,
А то глазкам поведет [1]).

19*.

Хорошо на речке жить —
Холодно купаться.
Хорошо робят любить —
Трудно расставаться.

20.

Брошу я девочка все думать,
Об любови я мечтать.
Лягу в прохладную могилу,
Без просыпу буду спать.

---

[1]) В 1924 г. в Гадышах записан вариант:

У моей у чорной прялочки
Не стало седока,
Под мои веселы песни
Не осталосе игрока.

21*.

Скоро скоро это сбудется:
Во нонешнем году.
Златой венец, милой, наденут
На головушку твою [1]).

22.

Мой веселенькой уехал —
Назад не воротится,
Мое ретивое сердечко
Камнем оборотится.

23.

Я с улыбочкой родилась,
И горюшку не нять
Из-за тебя, мой расхорошенька(о)й,
Придется пострадать.

24.

На мои веселы песенки
Не стало игроков.
У моей у черной прялочки
Не стало седоков [2]).

25.

На Гадышевскиим на поле
Каруселька вертится.
Отобью от Дуньки Кольку, —
Пущай Дунька сердится.

26.

Отстаешь, мой расхорошенька(о)й,
Скорее отставай.
Ни в горести, ни в радости
Меня не вспоминай.

27.

Я у тятьки дочь одна,
Речку смерила до дна.
Никто солдатика не любит —
Я осмелилась одна.

28*.

Глазки милы, где вы были? [3]).
Где вы находилися?
Неужели столько время
На меня сердилися?

29.

В нашем поле украшенье,
Когда розочка цветет.
Мому сердечку спотешенье,
Когда паичка придет.

30*.

Я любила всей душой,
Который ростом не большой;
Не большой, не маленькой, — [4])
Получше розы аленькой.

---

[1]) Означенная частушка встречается и в Моск. губ. [2]) В 1924 г. в Гадышах записан вариант:

У моей у чорной прялочки
Не стало седока,
Под мои веселы песни
Не осталось игрока.

[3]) Вариант из рязанских частушек:

Кари глазки, где вы скрылись,
Мне вас больше не видать.
Меня бедную девчонку
Вы заставили страдать.

[4]) В окончании *кий*, обозначенном у меня то через *кой*, то через *кай*, слышится звук средний между „о“ и „а“, но ближе к „а“.

31*.

Не носи, милой, калоши
Номера девятого:
Я сама девочка знаю—
Дома не богатого.

32*.

Я любила посмеяться,
Я любила пошутить.
Паичка шутки принимает —
Я давай его любить.

33*.

Я сидела на лужку,
Писала тайности дружку:
Я такие тайности, —
Люблю дружка до крайности [3]).

34.

Голубой платок ни в моды [4]):
Вся середка выгорит
Отобью от Ольги Ваньку
У ей сердце выболит [1]).

35.

Говорите, что хотите, —
Буду девочка терпеть;
До последнего резону
Буду с паичкой сидеть [2]).

36.

На берегу цветочек розочка
Ровняется с водой.
Верно судьба не дозволяет
Гулять, беленькой, с тобой.

37.

Говорите, что хотите,—
Меня не прославите;
Мои серенькие глазки
Плакать не заставите.

38*.

Пять платочков вышивала,
Из пяти себе один,
Я четыре раздавала
Деревенскиим своим.

39.

Дом большой, крутыи лестницы,
Окошки на боку:
Любила белого румяного —
Не курит табаку.

40*.

Отворила бы окошечко, —
Пителечки скрипят.
Поговорила б с тобой, паичка,—
Родители не спят.

41.

На горочке две елочки
Под горочкой покос,
Я заставила хорошего
Ходить за восемь верст.

---

[1]) Имена вставляются каждый раз применительно к моменту: в 23-м году записан тот же текст со словами:

Отобью от Поли Мишу,
Все сердечко выболит.

[2]) Повторяется в записи 1924 г.
[3]) Повторяется в 1924 г. с вариантом:

Я за эти тайности.

[4]) В зап. 1924 г. вариант „не в моду“.

42.

Паичка, сватайся, не бойся,
Что я резкая гораз.
Попаду в вашу семеечку,
Подпакаю под вас [4]).

43.

Не носи, паичка, шапку —
Носи шляпу в сенокос:
У тя русыи волоски
На барченочка похож [3]).

44*.

Трудно, трудно зажинаться
На широкой полосы.
Трудно с забавочкой расстаться,
Кто полюблен по души [1]).

45.

Земляничная канавушка,
Серебристая вода.
Кабы все таки ребята,
Как веселый у меня.

46*.

Не хвали, милый, семейку,
Всю семейку знаю я;
Во семейки две злодейки
Хают девочку меня [2]).

47.

Каб были серьги, бусы,
Я сидела б без платка,
Кабы пришли чужи ребята,
Я нашла бы седока.

48.

Ходила по лесу по вересу,
Ни верес ни трава.
Любила Ленечку смаленечку,
Веселая была.

49.

На горы собачка лает,
Под горой свечечка тает.
Белолапая не лай:
Меня любит Николай.

---

[1]) Бр. Соколовы, op. cit. № 816 (с. 513):

Худо, худо зажинаться
На широкой полосе.
Худо, худо заниматься:
Нелюбой не по душе.

[2]) Ср. у Соколовых № 726:

Миня хают и ругают
Вся мипенькова семья,
Не хожу не набиваюсь,
Не берите вы меня.

[3]) Ср. у бр. Соколовых, op. cit. № 694:

На Терехоськой на бесиде
Всё девченки молодежь.
У Пети завиты волосицы:
На барина похож.

[4]) Ср. у бр. Соколовых, op. cit. № 729.

Дома мамонька, не сказывай
Что я тоненька гораз,
Буду покорна, уважительня
Семеечка у вас.

50.

На листу на белой розы
Постараюсь написать.
Напишу дружку угрозы,
Чтоб не смел прочь отставать.

51.

Уж ты, Коля, Николай!
Коля ездил по морям,
У Коли крашеная лодочка,
Весельцы с номерам!

52*.

Красно солнышко высоко
Правой ручкой не достать.
Мой забавочка далеко
Голосочка не слыхать.

2. Записаны весной 1923 г. со слов двух девочек-подростков (Н. Становой и ее подруги).

53.

Кто с колодца воду носит,
Тот и досыта попьет.
Кто в своей деревни любит,
Тот во славы пропадет.

54.

Сошью кофту белую,
Стеклярусом отделаю,
В своей деревне не люблю
Девченка ланно делаю.

(см. № 166).

55.

Я любила, не грубила,
Почему милый отстал?
Я другого полюбила —
Он опять садиться стал.

56.

На моей на прялочки
Наверчено цыгарочки [1]).
Закури-ка, милый мой:
За спичкой сбегаю домой.

57.

Косила травку белоус,
Косенку кинула за кус.
Косеночку под елочку —
Сама бегу к миленочку [2]).

58.

Дали волю любить Колю,
А теперь хотят унять.
Упустишь камень в воду,—
Тяжело его достать.

59*.

Мы с подруженькой живем,
Никем не занимаемся;
К речки быстрой подойдем,
Водицей умываемся.

60.

Дорогой, тебя ругают
И меня не милуют:
Дорогой, вашему дому
Наши не завидуют.

---

[1]) Вариант 1923 г. „Навешен две цигарочки.
[2]) В Рождестве записан вариант:

Кóсила, покóсила,
Косу под кустик бросила,
Косéночку под елочку,
Сама бегу к миленочку.

61.

Подойду девочка к речки,
Стану на коленочки.
Скажу речки два словечка:
Куды деться девочки.

62.

На катушки нитки черны,
Черныи, крученыи.
Пишите письмы, кавалеры:
В школы я ученая.

63.

Платочек [1]) белый полоскала,
На березку вешала.
Дружка сердечком не любила —
Разговором тешила.

64.

Никто солдатика не любит,
А я лажу полюбить:
Образованныи люди
Знают, что поговорить.

65.

По гармони не узнала,
По игры не разобрала,
Это Колина гармоничка,
А Сенина игра.

66.

Не сиди, подружка, дома
Не шей белыи платки:
Нашим белыим платкам
Вытирают сапоги.

67.

Не ходитко милый на беседу
Не садись рядо́м меня;
Люди знают и расскажут
Что девочка люблю тебя.

68.

Я коровушку доила,
В золотой подойничек,
Миленка мохом напоила, [2])
А теленка поивом.

69.

Маменька, шаль, маменька, шаль,
Маменька, шаль пуховая.
Маменька, жаль, маменька, жаль,
Мальчишка чернобрового [3]).

70.

Не стой у ворот —
Не маши фуражкой;
Я теперя не твоя —
Не зови милашкой.

71.

Не по Бронницкому ли мосту
Мой миленькой идет,
Разунывно хорошо
Песенки поет.
С песням сердце мое разжигает,
Любить меня бросает.

---

[1]) По записи 1924 г. вариант: „Платок“...
[2]) Вероятно „миленка молоком поила“, см. ниже № 73.
[3]) Частушка по своему складу стоит особо от всех. В с. Черкизове Моск. у. мною записан вариант:

Подружка, шаль, подружка, шаль,
Подружка, шаль пуховая.
Подружке жаль, подружке жаль
Мальчишку чернобрового.

72.

Гармонь нова,
Воры стары:
У гармониста
Нос потертый.

73.

Я коровушку доила
В золотой подойничек.
Сливочки миленочку,
Молоко теленочку.

74.

„Не стой у ворот,
Не подвязывайся.
Я теперя не твоя,
Не навязывайся“.

75.

Развалился кочан
На четыре листа.
Люди любят богача,
А мы гармониста.

76.

Не ходи пальто в размашку,
Земляничинка моя.
Не показывай рубашку,
Узор вышит у меня.

77.

Закатилось солнышко
За Поддубское полюшко [1]).
Закатилося гораз —
Мальчишка сердится напрас.

78.

Цветочки синеньки, красивыи, —
Я думала — пожар.
Кому какое дело,
Что меня милый провожал.

79.

Под окном стоит береза
Тонкая, гибучая.
У мово миленка глазки,
Как крапива жгучая [2]).

80*.

Балалаечка мала,
Мала, не переделаешь.
Подружка паичку отбила,
Ничего не поделаешь.

81*.

Гармонис, гармонис,
Коротенька шейка.
Если хочешь со мной гулять,
Играй хорошенько.

82.

Играй, играй, гормонис!
Я тебя надую:
С резиновых калош
В лапотки обую.

83.

Под горочкой,
Под Дунаечкой
Провожал меня милой
С балалаечкой.

---

[1]) Вероятно сочинена в с. Рождестве или в дер. Черной Грязи, грани чащих с дер. „Поддубье“.

[2]) Вариант 1923 г. осень:

У мово паички глазки,
Что кропива жгучая.

84.

Как на нашей на беседы
Лампа с абажуриком.
Ни за что гулять не буду
С этаким мазуриком.

85.

Милый в церковь—я за им.
Он круг налою, а я с им:
Венчайся с девочкой со мной, —
Ты клялся небом и землей.

86*.

Нету лета без июня,
Без июня нет цветов.
Если милый не побудет,
Какȧ ж эта любовь!

87*.

Я цыганки дам сметанки:
Погадай, цыганка мне.
Цыганка на руку зглянула:
Один любит, другой—не [1]).

88.

Гармонис, гармонис,
Пожалуйста не женись.
Пожалуста прошу вас,
Не бери похуже нас.

89.

Сошью кисет,
На руку повешу.
Пойду плясать,
Милого потешу.

90.

Пальтечко мое
С карманчикам.
Мне мамаша не велела
Гулять с мальчикам.

91.

Коммуниста [2]) любить,
Нужно чисто ходить.
В рубашке такой
Не полюбит никакой.

92.

У кого миленка нет,
Заявляйте в комитет.
В комитете разберут,
Нам по миленочку дадут [3]).

93.

Коммунист, коммунист,
Аленькие губки.
Скоро ваши галифе
Перешьем на юбки [4]).

---

[1]) Повторяется в записи И. В. Гришанова 1924 г. (этот отрывок, записанный в 1921 г., отличается от обычных частушек).

[2]) Ряз. вариант:

Я надену кофту белу,
Замараю, вымою,
Дайте, дайте мне подружку,
Самую любимую.

[3]) В записи 1924 г. вариант последней строчки „По маленочку дадут“ (без „Нам“). Частушка поется в Московск. и др. губерн. Рязанск. вариант:

У кого синпатьи нет,
Вы сходите в комитет,
В комитете разберут,
По синпатии дадут.

[4]) Ср. Моск.

Ах, матросы, моряки,
Что наделали
Бабьи юбки на клёш
Переделали.

3. Записаны в 1923 г. осенью.

94.

Сядет рядом неудалый
Не умеет говорить.
Как затеет говорить,
Всех со смеху уморит.

95.

Сядет рядом не милой
Сердце колет как иглой.
Сядет рядом помилей —
Сердцу будет веселей.

96.

Из колодца вода льется,
Вода волноватая.
Милый напьется, подерется,
А я виноватая.

97.

Паичка в беленькой рубашки,
На личико ничево,
Я молоденька девчоночка
Влюбилася в нево.

98*.

Мне забавочка наказывал:
Печальная ходи,
Носи катёточку в нахмурочку,
Ищё не заводи.

99.

Я девченка удала,
На своих крыльцах дала, —
Не подумайте на то —
Дала колечко золото́.

100*.

Говорят, кольцо разлука,
Я нарочно два дала.
Ни кольцо нас разлучила,
Чужа дальня сторона.

101*.

Говорят, кольцо разлука,
Так и есь, мой дорогой.
Разнесчастное колечко
Разлучила нас с тобой.

102.

Говорили, говорят:
Приворожила всех ребят.
Спросите паичку мово,
Приворожила ль я ево.

103.

Частенькой дождичок идет,
Земелюшка не мочится.
Рассердился мой забава,
Уважать не хочется.

104.

Не отбивай, подружка, паичку,
Пожалуста прошу;
Я корактером ревнива,
Я сама себя решу.

105.

Не отбивай, подружка, паичку,
Найдешь себе еще.
Положим, мне ево не жалко,
Да смотреть не хорошо.

106*.

Я люблю тебя, мой паичка,
Люблю, мой дорогой.
Мне не дождаться тово времечко,
Когда ты будешь мой.

107*.

Быстро реченька бежит,
Бежит, не остановится.
Мое ретивое болит,
Болит, не успокоится.

108.

Не высоко солнце ходит,
Не великой теперь день.
Неужели мы расстанемся
С тобой из-за людей.

109.

Я иду, иду и стану,
На песочек меленькой.
Я люблю, люблю и брошу
Тебя, мальчик беленькой.

110*.

Идет ребят большая куча,
Посмотрю, который лутше.
Лутше забавочки мово
Нет из артели никово.

111*.

Боже мой, какая скука,
Скука непомерная.
Живу с забавочкой далеко,
С им любовь неверная.

112.

Боже мой, какая скука,
К скуки надо привыкать.
Что ж поделать, что в разлуке
Дружка надо забывать.

113.

Не стоять мне в божьем храме,
Не держать рука с рукой.
Мне, молоденькой девченки,
Не быть паички женой.

114.

Я ходила, да считала
Телеграфные столбы.
Раньше я любила Ваню,
А теперь, Количка, вы.

115*.

Паичка, беленьким платочком
Утирайся, не жалей,
Если платочек потеряешь,
Не считай меня своей.

116.

До свиданья, мальчик беленькой,
Я бережком пошла,
Ты ищи себе другую,
Я с тальяночкой нашла.

117.

Я по морюшку не ездила,
Воды боялася.
Я переехала, подумала:
За кем погналася.

118.

На кудрявую березку
Линул, линул частый дош.
Никто забавочку не любит,
А я думаю: хорош.

119.

Под окном стоит береза,
Поливает ее дош (дождь М. Ф.)
Мой забавочка женился;
Веселись одна, как хошь.

120*.

Мои щечки, что цветочки,
Глазки — чистый чернослив.
Кто возьмет девочку замуж,
Навсегда будет счастлив.

121*.

Девочка беленькое личико,
Что аленькая кровь.
Я до нынешнего летечка
Не знала про любовь.

122.

Грудь наполнилась любовью,
Стало сердце занывать [1]).
Я не буду так влюбляться,
Буду ветренно гулять.

123.

Во саду смороды много,
Горькая прегорькая.
Не говори, паичка, долго,
Что девчонка бойкая.

124*.

Болит сердце, болит грудь,
Пожалеет кто-нибудь.
Жалеет тятенька и маменька,
Еще какой-нибудь.

125.

Лутше нету по любови
Во своей дерéвеньки
За водой пойдешь — увидишь
Занавески бéленьки.

126.

По дерéвенки в тот край
Девчонки хочется, что в рай.
Хочется, душа болит:
С другой забавочка стоит.

127.

Не стой забавочка напротив,
Не придется тебе сесть.
Ты красивых выбираешь, —
И тебе такая честь.

128.

Стоял забавочка напротив,
Ножки настоялися.
Отдай мой беленькой платок —
Подружки надсмеялися.

129.

Я любила тебя, паичка,
Любить буду всегда,
Покуль не высохнет во морюшке
До донышка вода.

130*.

Под окошечком не тает
Тоненькая льдиночка.
Ни с кем хороший не гуляет:
Знать, моя судьбиночка.

131.

Мой хороший завлекает
И подружку, и меня.
Ты скажи, котору любишь, —
Так и буду думать я [2]).

132.

Отчего-то ветру нету?
Потому что лес кругом.
Развеселенькой мальчишечка
Живет чужим умом.

133.

Я таким не уважаю,
Кто дешевлее меня:
Надет советская рубашка,
Десять раз хуже меня.

---

[1]) Чувствуется влияние сантимент. романса.
[2]) Ср. у бр. Соколовых, op. cit. № 697 (стр. 505):

Петенька, закароводил
Ты подружку, иль меня.
Ты скажи, котору любишь
Так и буду думать я.

134.

Не ходи мимо окошка,
Не пыли дороженьку.
Если я тебе не мила,
Подыщи хоро́шенку.

135.

Думаешь, ты только красивый
И краса только твоя:
Я завела дружка подальше —
Десять раз лутше тебя.

136*.

Не форси, фарсун проклятый!
Не великой в тебе чин:
Я девченочка-крестьяночка,
И ты не господин.

137.

Только вышла за вороты,
Увидала озеро.
Если б ты не посмеялся,
Я б тебя не бросила.

138.

Виноград, зелена веточка
В коробочке лежит.
До веселого свидания
Не знаю, как дожить.

139.

Уж, подруженька моя,
Я тебе дивилася!
Мальчик пьяница картежник
Ты в его влюбилася.

140.

Тебе дивья, моя калина,
У тебя широкий лист.
Тебе дивья, моя подруженька,
У тебя есь гармонист.

141.

У забавочки тальяночка,
Не может он носить.
Купи саночки с веревочкой:
Потом будешь возить.

4. Март 1924 года. (Запись кружка молодежи.)

142.

Неужели голубь сядет
На сирень, на веточку,
Неужели мальчик скажет
Пустяки про девочку.

143*.

Сиреневая веточка,
Плыви, не утони.
Расхорошенькой мальчишечка,
Люби, не обмани.

144*.

Голубая моя ковточка,
Зеленый кушачек.
В своей деревни полюбила,
Мне не надо чумачек.

145.

Как по нашим по межам
Мальчик хорошенькой бежал;
Рубашка вышитый вороток,
В кармане беленькой платок.

146*.

Песенки, побасенки,
Сердце болит по Васеньки;
А по Феденьки живот,
Живот не скоро заживет.

147.

Чай пила, стакан накрыла
Листочком зелененьким.
Посмотри, забава прежний,
Как гуляю с новеньким.

148.

Положу кольцо на камень,
Пускай ветром унесет.
Забава с Питеру приедет,
Другое привезет.

149.

Разрублю на речке лед,
Пущу по речке пароход.
Пароход качается, —
Наша любовь кончается.

150.

В нашем поле ключ на горы,
Голубок летает пить.
Присоветуй-ка, подруженька,
Какова полюбить.

151.

Срубите лес, разройте горы,
Гадыши чтобы видать, —
Гадышевские ребята
Приходили к нам гулять [1]).

152.

Дайте билет, уеду в Питер,
Дороги родители:
Не могу в деревни жить, —
Живет паичка в Питере.

153.

Расхорошенькой мальчишечка,
Не стой передо мной!
Все равно гулять не буду —
Не ухаживай за мной.

154*.

Говорила, не женися,
Дорогой кровиночка,
Все равно не расцветешь,
Завянешь, как травиночка.

155.

Ты женись, женись, мой паичка,
Женись, мой дорогой.
Накануне твоей свадебки
Прикинуся больной.

156*.

Паички нету и не надо:
Не гораз он нужен мне.
Без его я расцветаю,
Что цветочек на окне [2]).

157.

Дождь идет, катетку мочит,
Я и в сени не пойду.
Пускай миленок другу любит,
Я и слова не скажу.

158.

Взгляни, паичка, на небо,
Там любовь нашу видать:
Со мной сидишь—другую любишь,—
Я могу свободу дать.

159.

Голубую свою ленточку
К гармони привяжу, —
Если паичка не любит,
Я его приворожу.

160.

Во саду сирени куст, —
Не ломайте — так и пусть:
Веточку сломаите —
Любови не узнаете.

161.

Какое вязкое болото
Миленок камушкам заслал.
Он услыхал, что я хвораю —
Десять пряничков прислал.

---

[1]) Составлена в Городке или в другой соседней деревне.
[2]) Сходные частушки я слышал в Моск. губ.

162.

Я косила на болоте
В бело-розовом капоте,
Белая лента на груди, —
Поди, милый, погляди.

163.

На моей на голове
Малинова гребеночка:
Не отбивайте от меня
Последнего миленочка [1]).

164.

Красно солнышко высоко,
Не достанешь палочкой;
Мой миленочек далеко,
Не походишь парочкой,

165.

Во саду сирени много,
Негде голубу летать.
Давай, забавочка, сойдемся —
Надоело врозь гулять.

166.

Сошью кофту белую
Стеклярусом отделаю:
Если милый не полюбит,
Я найму да сделаю [2]).

167*.

Голубые глазки злые,
Серые — лукавые.
Серые — лукавые
Подмигивать удалые.

168*.

Неужели это будет,
Меня паичка забудет?
Неужели случится —
Наша любовь разлучится.

169.

Надену платье с двум валанам,
По валану белый пух.
Не садись, сапожник, рядом —
От тебя сапожный дух.

170.

Сидит рядом не удалый,
Не умеет говорить [3]).
Девочка песенки запела —
Ему надо уходить.

171.

Сидит рядом не милой,
Сердечко колет, как иглой [4]),
Свое лицо отворочу,
Я говорить с им не хочу.

172*.

Я не знала, что явивши
В поле камень потайной.
Я не знала, что гуляет
Мой забавочка с другой.

173.

В поле камушек гранатый
Мой паичка не богатый.
Колосится в поле рожь,
Хоть не богатый, да хорош.

174.

Купил часы, надел калоши, —
Какой дрянь, хочет фарсить.
Твои калоши мне не сряда,
Я не здумала любить.

175*.

Выйдешь паичка за вороты
На полянке заиграй;
Мому ретивому сердечку
Позаранъ весточку дай,

---

[1]) Ср. у бр. Соколовых op. cit. № 714:

„У меня-то в голове
Синяя гребенка:
Оттягали от меня
Последнего миленка.

[2]) См. выше № 54. Смысл последнего стиха неясен; может быть, здесь намек на ворожбу: выражение „сделали“ здесь часто значит „наколдовали“.

[3]) См. выше № 94.

[4]) См. № 95.

176*.

Сколько песен перепела,
Голосочек пересел.
Покуль с паичкой стояла,
С головы платок слетел.

177*.

Чего глядишь, не поцелуешь,
Яблочек садовенькой;
Наверно я не полюбилась
В кофточке бурдовенькой.

178*.

Изгороду городила
Два кола оставила.
В чужей деревни полюбила,
А в своей оставила.

179.

Сшили девочки костюмчик,
В талии не сходитца.
В чужой деревни полюбила,
Гулять не приходитца.

180*.

Тебе, березка, тут не место
У реки на берегу.
Тебе я, милый, не невеста:
Ты подыскивай другу.

181.

Не думай, паичка,
Что я тебя люблю.
У меня такие глазки:
Я кажинному мигну.

182.

Белу кофту полоскала,
Лента волновалася.
Давно я с милым не сидела,
Севодня увидалася.

183*.

На горы калину ела,
Не могла накушатца.
Играет паичка в гармонь,
Не могла наслушатца.

184*.

Мой миленочек играет,
Что собака в поле лает,
А я песенки пою,
Что сорока на колу.

185*.

Меня дома берегут,
Блины овсяные пекут.
Рыбку жарят — окуньки,
Чтоб любили пареньки.

186*.

Но́неч выйду замуж,
Ты останься холостой,
Купи новую тальяночку,
Гуляй с моей сестрой.

187.

Ишел паичка косить,
Попросил кольцо носить.
Забава косит, кольцо носит,
Под окошком хлеба просит,
Ты, забава, не проси,
Моим колечком не фарси [1]).

188.

Мимо нашего окошечка
Бежит речка спла̀вная.
По глазам, мальчишка, вижу,
Подхалюза славная.

189.

Дайте в зеркало взглянутца,
Чем же я не хороша.
Меня девчонку все хают,
А я думу — хороша.

---

[1]) Редкий случай короткой песни в 6 стихов Ср. у бр. Соколовых op. cit. №№ 797, 762.

1924 год. Запись Сережи Большакова.

190.

Чернобровый мальчик с пальчик
На залавенки стоял,
Он малоденькую девочку
З биседы дажыдал.

1924 год. Запись Ив. Вас. Гришанова (9 лет).

191*.

Коля, Коля, дрова колит,
Коля клеточку клодет.
Коля Маню дожидает,
Когда с посятки придет.

192.

Мимо нашего окошка
Пробежал теленочик.
Я хватила-то за хвост,
Думала, миленочик [1]).

II. Женские — в связи с солдатчиной.

Запись 1921 г.

1.

Я сидела у окошка,
Ела кашу с молоком.
Мне сказали, дружка сдали, —
Я по каши кулаком [2]).

2*.

Мово паичку забриют,
До Валдая провожу,
Свою буйную головушку
На рельцы положу.

---

[1]) Варианты, записанные в с. Черкизове, Моск. г.:

1) Коля, Коля, дрова колет,
Коля клеточку кладет.
Коля Олю ожидает,
Оля вечером придет,
2) Мимо нашего двора
Пробежал теленок,
Я схватила за рога:
Думала — миленок.

[2]) Рязанск. варианты

1) Я стояла у приема,
У разбитого окна,
Мне сказали — его взяли,
Я разбила еше два.
2) Я сидела под окном,
Ела кашу с молоком
Рассиделась, разгорелась,
И по пузу кулаком.

3.

Я на качелюшке качалась,
За веревочки держалась.
Дождик прыснул на беду, —
Угнали кровочку мою.

4.

Ишла машина полным ходом,
Вдруг остановилося,
В котором паичка вагоне,
Колесо стравилося [1]).

5*.

Я не знала, что на елочки
Иголочки растут.
Я не знала, что забавочки [2])
Винтовочку дадут.

Запись 1923 г.

6.

Кабы были лехки крылышки,
Слетала б на войну,
Отрубила б я головушку
Германскому царю.

7.

Шура пьяненькой, румяненькой,
Тверезый — бледненькой.
Его в солдаты повели
Он заплакал бедненькой.

III. Женские семейно-бытовые

Запис. В. А. Феноменовой летом 1921 г.

1*.

Родима маменька моя
Кричала ужинать меня,
Она не ужинать домой:
Не любой приятка [3]) мой.

2*.

Маминька ругается,
Куда платки деваются,
Сама [4]) не догадается,
Что милый утирается.

---

[1]) Сравни Московскую частушку:

Шла машина из Тамбова,
Потеряла два вагона,
Два вагона не простые,
В них ребята холостые
(Моск. губ.).

[2]) В записи 1924 г. вариант „Миленочку“ вм. „забавочки“. Эта же частушка записана осенью 1924 г. в с. Черкизове, Моск. у.

[3]) Повторяется в записи 1924 г.

[4]) В записи 1924 г. вариант „*Она*“.

3*.

Не ругайтесь, тятька с мамкой,
Я не много хлеба ем.
Дайте тыщи две приданного —
И вам не надоем.

4.

Когда я была маленька,
Слала постельку маменька.
А теперя выросла —
Постелю в сени вынесла.

5*.

Я на качелюшке качалась,
Под качелюшкой вода.
Белу юбку замарала:
Мне от маменьки беда [1]).

6*.

Маменька не ронная, —
Похлебочка холонная.
Кабы родимая была,
Погорячее б налила.

7.

Надоело мне, девчонки,
Ходить за боронам;
Кони сивыи пугливыи
Бегут по сторонам.

8*.

У меня катеток много
Все не по головушки.
В мясоеде замуж выду —
Подарю золовушки [2]).

9.

Стоит березка под окошком,
От березки в избу тень.
Из-за своего деревенского
Ругают каждый день.

10*.

Пока была родная маменька,
Славы не имелося;
Родной маменьки не стало —
Славы натерпелася.

11*.

Пойду выйду за ворота,
Покачаю головой.
Нет ни матушки, ни батюшки,
Осталась сиротой.

12*.

На горы овес зеленый,
Нужно бабочку нажать.
Какая хитрая свекровка:
Нужно маменькой назвать.

2. Записано весной 1923 г.

13.

Тятенька и маменька,
Кажинному вы верите.
Меня, молоденьку девчонку,
Бьете, не жалеете.

---

[1]) Повторяется в записи И. В. Гришанова 1924 г. Ср. у бр. Соколовых op, cit. № 794.

„Я на лодочке каталась,
А под лодочкой вода.
Бело платье замарала,
Мне от матушки беда“.

[2]) Повторяется в записи 1924 г.

14*.

Тятенька и маменька,
Чего вы нападаете?
Меня, молоденьку девчонку,
Бьете, не сряжаете [1]).

15.

Заплетаю русу косу [2]),
Пущу ленту веерам.
Распремилые подруженьки,
Оставляю красу вам (свадебная).

16.

Сошью передник,
Настегаю лямки.
Пускай говорят,
Что мы не крестьянки.

17.

Интеллигенция богаты:
Шиты юпочки на ваты,
Дипломаты на кудели, —
Мы с им знаться не хотели.

1923 г. Осень.

18*.

Не при нашиих достатках
В руках зонтики носить.
Богачи с нам не гуляют,
С бедным нéчево форсить.

19.

Полно, полно, пофарсила [3]),
Поносила кимоно, —
А теперя отфорсила.
Кофта сношена давно [4]).

1924 г.

20*.

На тарелочки две вилочки,
Кусочек пирожка.
Побоялась ронной маменьки
Поподчивать дружка.

---

[1]) Вариант 1924 г.

„Заплету я косу русу,
Пушчу ленточку вьюрам,
Расхорошие подружки,
Оставляю красу вам“.

[2]) Повторяется в записи И. В. Гришанова.

[3]) В частушках, сообщенных мне осенью 1923 г. и весной 1924 г. в письменном виде, везде сохраняется орфография подлинника: мои корреспонденты писали то „фарсить“ то „форсить“.

[4]) Вариант в с. Рождестве:

Полно, полно, пофорсила,
Белы бусы поносила.
Белы бусы, как горох —
Милый пишет: нездоров.

21.

Не купляй, тятенька, шубу.
В шубы воши заедят;
Купи зонтик и калоши —
Пускай люди поглядят [1]).

22.

Я иду, а бабы судят
Про меня удалую:
Последний раз я заплетаю
В косу ленту алую (свадебная *М. Ф.*).

23.

Купи, тятенька, калоши,
На резиновом ходу.
Чтобы дома не слыхали,
Когда с посетки приду.

24*.

Не ругайте за любов,
Я наношу воды и дров;
Не отдавайте за богатого,
За бедного в любов [2]).

25.

Не пойду я жито жать,
Пойду по-логу гулять:
Мое лицо не загорит
И спина не заболит.

26.

Горючая слеза,
Чего не катилася?
Натерпелась горя много,
А потом схватилася.

27*.

Не ходите, девки, замуж,
Замужем невесело:
Моя сестренка замуж вышла.
Голову повесила.

28.

Меня сватали, не отдали;
Куда же берегут?
За солдатика военного
Наверно отдадут! [3])

29*.

Не ходите, девки, замуж:
Под венцом трудно стоять,
Затрясутся белы ручки, —
И свечей не удержать.

30*.

Неужели, родный тятенька,
Я дочка не твоя:
Всю тяжелую работушку
Свалили на меня.

31*.

Я на пары боронила,
Платок белый запылила.
Брошу возжи и кнуток,
Пойду вымою платок.

32.

Не ругайся, ро̀дна маменька,
Что хлеба много ем:
После паски скрою глазки — [4])
И тебе не надоем.

---

[1]) Сравни вариант из рязанских частушек:

„Я не буду шубу шить:
В шубе блохи заедят.
Куплю новые калоши,
Пускай люди поглядят.

(„Наша волость“ Метод. письмо Главсоцвоса 1924 г., стр. 38).

[2]) Ср. у бр. Соколовых op. cit. № 730.

[3]) Ср. Белозерск вариант выше на стр. 14.

[4]) Вероятно, „уйду на заработки“, или „выйду замуж“, ср. № 3 этого же отдела

33.

Как на Катиной на крыше
Видна глинина труба.
Как у Катиной сестренки
Не подрублен рукава.

34.

У моей подружки Поли
Есть железная кровать.
Как к моей подружки Поли
Ходит Миша ночевать.

35.

Про меня Маничка судит,
А сама-то какова?
Три недели пришивала
К одной кофте рукава [1]).

36.

Про меня подружки судят,
Я пониже наклонюсь.
Я молоденькая девочка,
Никово я не боюсь.

37.

Сруби-ка, тятенька, часовенку
В зеленоем саду
Буду богу я молиться,
На гулянье не пойду.

38*.

Кто в балалаечку играет,
Навсегда ломается.
Он на пашеньку поедет —
За сохой валяется.

39.

Полиняла моя кофточка
От слез на переду,
Понатерпелася я горюшка
Во нонешнем году.

40.

Ты виси, виси, пальто
Меня не сватает никто.
Выйду в поле, закричу:
Караул, замуж хочу!

41*.

Возьму узду, пойду за коням
Во дремучие леса.
Увижу птичку и синичку
На полете голубка.

42.

Не́где кофточку повесить,
Я повешу у дверей.
Меня поп не повенчает,
Повенчает архирей [2]).

43*.

Рыбку ела, рыбку ела,
Рыбку, беленьки снетки;
Не дождалась мясоеды,
Вышла замуж во святки!

---

[1]) Сравни рязанск. вариант:

Подружка моя,
Ты сама-то какоба:
Три недели кофту шила,
Не отшила рукава.

Ср. Белоз. част. у бр. Соколовых, op. cit. № 821.

[2]) Ср. Белоз. част. у бр. Соколовых, op. cit. № 728.

1924 г. Из записи И. В. Гришанова (9 л.).

44*.

Пришла с поситки домой,
На тятьку тропнула ногой.
Коли *фаевы* — купляй [1]),
А то замуж отдавай.

IV. Мужские любовные.

Записаны летом 1921 г. В. А. Феноменовой.

1.

По моей по головы
Прокатилась гирюшка, —
Наверное забыла
Про меня-то милушка.

2.

Ты гармонька, бубен, бубен,
Мы девчонку сватать будем.
Будем сватать, говорить,
Как бы девчонку обманить.

3*.

Уж ты, милашечка, не бойся,
Что я брошу тя любить:
Будут ночки потемнее, —
Ночевать буду ходить

4.

У милашкиной у матки
Рассмотрел я все порядки:
Чашки ложки вымыла,
Помои вó щи вылила.

5.

Гадышевскии девчонки
Двое брязгались в квашни,
А заморински ребята
Посмотрели и ушли.

6 [2]).

Сидел с миленькой я рядом,
Но не знал, что говорить.
Моя милая наб...ла, —
Ты позволь мне закурить.

---

[1]) В Рождестве вариант:

„Либо фаевы купляй,
Либо зáмуж отдавай!"

Сравни рязанск. вариант:

„Приду с улицы домой
Об пол топну я ногой:
Хоть корову продавай,
Меня замуж отдавай".

(„Наша волость", стр. 38).

[2]) Мною записано тогда же.

1923 г. Осень.

7*.

Эх ты, милая моя,
Я тебя потешу
Куплю торбу и мешок,
На тебя повешу.

8*.

Хотел я уточку убить,
Серая закрякала;
Хотел девчоночку забыть,
Бедная заплакала.

9*.

Полно, полно, полетала
Белокрыла пташечка.
Полно, полно, посмеялась
Надо мной, милашечка.

10.

По деревеньки иду
Спити, спити, тетушки:
Мы с вашим дочкам погуляем.
Спити без заботушки.

11*.

По дерéвеньки иду
Собаки лают на беду,
Собаки лают, дело знают,
Что к сударушки иду.

12.

У меня милашка есть,
Срам по улицы провесть,
Губы толсты, рот большой,
Возгри тянутся вожжой.

13.

Уж ты милая моя,
Кака у тя привычка,
Ты хватила у меня
За правое . . . .

14*.

Посидел бы с тобой рядом,
Земляничина моя,
Порассказал бы тебе много:
Есть другая у меня.

15*.

Ты да я, нас будет двое,
Ты вздохнешь, я повторю.
Сердце скажет поневоле,
Что одну тебя люблю [1]).

16.

Я ходил бы к тебе, кровочка,
Кажинный вечерок, —
Не пускает быстра реченька,
Холонной ручеек.

17*.

По деревеньки иду,
В тальяночку прогрóхаю.
Моя милашка крепко спит,
Но я ее сполóхаю.

18*.

Неужели лесу нету,
Я осиночку рублю.
Неужели девок нету —
Дурак в Цыбино хожу [2]).

---

[1]) Резко заметно влияние сантиментального романса.
[2]) В Рождестве записан первоначальный вариант:

„Неужели девок нету — сиротиночку люблю“

19*.

Прощайте, елочки, сосоночки,
Рождественски приход,
Скажите любушки сударушки:
Сажусь на пароход.
(Составлена в Рождестве).

20.

Где окошечки высоки
Там девчоночки без проку.
Где окошки в самый раз,
Там девчоночки для нас.

21*.

Девчонка спит, спокойной ночи,
Две подушки в головах;
Я молоденькой мальчишечка
Всю ночку на ногах,

22.

Запрягу я кошку в дрожки,
А котенка в тарантас,
Повезу свою девчонку
Всем людям я на показ [1]).

23.

Как по нашему по полю
Бежал заяц без ушей.
Как у наших у девчонок
Полна маковка вошей.

24.

Сглянь, сударушка, на небо,
После неба на меня:
Как по небу тучи ходят,
Так сердечко у меня.

25.

Идет по небу облочинка,
Думал — кровочка моя.
Нарисована картинка
Сушит мальчика меня.

26*.

Не по небу тучи ходят,
По небесной высоте.
Не по росту девок любят,
А по ихней красоте.

27*.

Одна звездочка упала,
Другая выше поднялась,
Моя прежняя сударушка
В кухарки нанялась.

28*.

Я сударушку свою
По белой кофте узнаю.
Белая, кисейная —
Девочка затейная.

29.

Зарецкие девчонки
Ловки жать и молотить,
Кажановские девчонки —
Только чолки наводить [2]).

30.

Дала веселенька платочек,
Всю дорогу в руках нес.
Я из-за этого платочка
Проливаю много слез.

---

[1]) Вариант (Рождество):

Запрягу я кошку в дрожки,
А катышку в тарантас,
Поведу я свою милку
В Бологое на показ.

[2]) Составлена в Городке.

31.

Не стругает мой рубанок,
Не пилит моя пила!
Рассчитай меня, хозяин:
Мне работа не мила.

32.

В еровое полюшко
Вороты отворилися.
Если мы не кавалеры,
Барышни в нас зарылися[1]).

33.

Дорогая куколка,
Постой у уголка,
У вас огонь, у нас погас,
Увидят — заругают нас.

34*.

Не шейте, девки, дипломаты,
Нам не с ба́рышням гулять.
Мы и сами не богаты:
Не с часам нам дожидать.

1924 г. Запись Сережи Большакова.

35*.

Моя милочка гуляет,
Мае дело старона;
Пусть погуляет, понатешется,
Апять будит моя.

V. Мужские в связи с солдатчиной.

Запись 1921 г.

1.

Люди женются, венчаются,
С женами будут жить.
Я молоденькой мальчивечка
Пойду к царю служить [2]).

2.

На станции фонарики
Осталися гореть,
Гадышевские девчоночки
Осталися реветь.

---

[1]) Сравни выражение „деньгам рыться", значит—иметь много денег, бросаться деньгами.

[2]) Ср. у бр. Соколовых op. cit. № 766.

„Распроклятая браковка
Остается дома жить,
А мы, хорошие ребятушки,
Царю пойдем служить".
(гор. Кириллов).

1923 г. осень.

3.

Не видали добры люди
Как мы маленьки росли.
Увидали добры люди
Как в солдаты повели,

4.

Солдатики, некрутики,
Ломали в поле прутики,
К изгородам ставили,
Сударушек оставили [1]).

5.

Моя милашечка удумница
Что вздумала сказать:
Поведут меня в солдаты,
Она не выйдет провожать,

6*

Ты, сударушка моя,
Моли богу за меня,
От солдатчины отстанусь,
Возьму замуж за себя.

7.

Меня к приему подводили,
Мерочка забрякала.
Меня с приема выводили,
Девочка заплакала.

8.

Меня к приему подводили,
А по крыши грянул дош (дождь),
Все приемщики молчали,
Доктора кричали: гож!

9*

Машина—черныи колеса,
Ты куда торопишься?
На войну меня свезешь,
Сама назад воротишься.

10.

Гуляй, товарищ, как и я.
Все равно позиция.
Дальше Польши не угонит
Чортова милиция.

11.

Стояли мы на озере
Калоши приморозили,
В барабан ударили
Калоши приоттаили

1924 г. (Запись Сережи Большакова).

12.

Думал, думал, не забреют,
Думал, мать не заревет.
Выхожу я из приема,
Мать катаетца, ревет.

---

[1]) Ср. Бр. Соколовы ор. cit № 761.

VI. Мужские семейно-бытовые.

Из записей В. А. Феноменовой летом 1921 г.

1.

На гулянье вы идете
Засучите рукава.
Наше дело молодое
Не боимся топора.

2.

На что мы пьем, на что гуляем?
Где мы денюшки берем?
Батьку с маткой спать уложим,
Сами в житницу пойдем.

3.

На гулянье я иду,
Я ни чем не дорожу,
Если голову проломят,
Я платочком завяжу [1])

2. Сообщены в письменной форме осенью 1923 г. кружком деревенской молодежи (Ф. Кузнецов, В. Большаков, и другие [2]).

4.

Я ни сам в окошко лазал,
Меня дядя подсадил.
Я ничево там незделал,
Только криночку сблудил.

5.

Мы с товарищем вдвоем
Нигде не пропадем.
Или церковь подломаем,
А то сторожа убьем [3]).

---

[1]) В 1923 г. осенью записан вариант:

Я гуляю на удачу.
Головой недорожу:
Если голову отрежут,
Я баранью привяжу!

В Моск. губ. я слышал другой вариант:

Я отчаянной родилась,
Я ничем не дорожу.
Мне голову отрежут,
Я полено привяжу.
Очевидно, куплет ходячий.

Ср. также у бр. Соколовых op. cit. № 696:

„Уж я с Ваницькой
Хожу, не дорожу,
Проломят голову:
Платоцьком завяжу".

[2]) Печатается с соблюдением орфографии подлинника.

[3]) Сравни рязанскую частушку:

Как загрядские ребята
Нигде маху не дают:
Либо в избу заберутся,
Либо лошадь украдут
(„Наша волость"—стр. 38).

6.

Братцы трое, кто нас тронет,
Разудалых молодцов.
Не попадайтесь нам навстречу
Разобьем, как подлецов.

7.

Гуляю год, гуляю два,
Золотая рота я.
Ково убью, ково зарежу,
Молодец за это я.

8.

Я гуляю по ночам
Не уважаю богачам,
Я иному богачу
Всю морду набок сворочу.

9*.

Говорят, что я бродяга,
Я мальчишка работяга.
Батька с маткой—молотить.
Я—девчонок проводить.

10.

Я гуляю, как собака
Только без нашейника.
Протокол за протоколом
На меня мошейника.

11.

Сяду, сяду на машину,
Я ногам затропачу;
Ты вези, вези, машина,—
Дома жить я не хочу [1]).

12.

Я мальчишечка—башка,
Не хожу без складешка;
Меня в Сибири дожидают,
Шьют рубашку из мешка.

13*.

Нам не в старосты садиться,
Нам не чести наживать.
Нам, молоденьким мальчишкам,
Попить да погулять.

14.

Мы мальчишки ежики,
У нас в карманах ножики,
У нас гири на весах,
Реворвера на поясах.

15.

Меня били, колотили,
В три кола, четыре гири,
Я и то не унывал—
С кармана ножики добывал.

Запись 1924 г. (Сережи Большакова).

16.

Батька в байне паретца,
А сын в амбар ломаетца.
Батька ноги в потолок,
А сын мешочек поволок.

17.

Наши с ножикам дерутца,
Мы с ливорверов палим.
Наши деньгам откупятца,
Мы в остроге отсидим.

---

[1]) В с. Рождестве вариант:

„Сяду, сяду на машину
Приклоню головушку:
Довези меня, машина,
На чужу сторонушку.

(ср. также вариант у А. М. Большакова: „Современная деревня“, стр. 129, № 18).

18.

Мы без ножиков ни ходим
Без ноганов никогда.
Нас за ножики посадят,
За ноганы никогда.

VII. Юмористические.

1921 г.

1.

Гадышевскую деревню
Можно городом назвать,
Можно лавочку поставить
И девчонкам торговать [1]).

2.

Не ходите вы, девчоночки,
По лестнице крутой,
Не любите вы солдатов
От их пахнет кислотой.

3.

У моей у матки
Дома непорядки;
Щи варила—пролила,
Обварила пятки [2]).

4.

В огороде на межи
Соловейка свищет,
Ванька шапку потерял
Нютка стоит—ищет.

5.

Меня сватал конопатый,
А рябой наперебой.
Вышел тятька на крылечко—
Погоняй, рябой, домой [3]).

---

[1]) Повидимому, мотив бродячий: ср. частушку из Коломенского у.

Сандыревское село
Можно городом назвать,
Сандыревских девчонок
Можно по миру послать.

[2]) Повторяется в записи И. В. Гришанова 1924 г.
Ср. Белоз. част.:

„Дролина мать
Хуже лихорадки:
Шти варила, пролила.
Дроле на запятки“.

Братья Соколовы, ор. cit. № 797.

[3]) Вариант из рязанск. частушки:

Меня сватал конопатый,
А рябой наперебой:
Не отдавай меня, маменька:
Все равно, приду домой.

Повид., частушка не новгор. (сл. „конопатый“).

6.

У нас несчастьице случилось:
Петух с на́шести упал.
Он добился до тово—
Спихнула курица ево.

7.

Меня сватали сваты,—
Сами очень богатыи:
Они сказали про именье,—
Три кота пузатыи [1]).

8.

Говорила курицы:
Не ходи по улицы;
Она вышла на грехи,—
Растрепали петухи.

9.

Маменька замуж отдает,
Много приданого дает;
Двое лапти новыи,
Еще оборы черныи [2]).

10.

Городок стоит на горки;
С табаком пекут кокорки,
Лаптем воду [2]) наливают,
Несолены щи хлебают.

11.

Городок то на горы
С тараканам пироги,
Сени не мощеныи,
Ребята не хрещеныи.

12.

Тятька замуж отдавал,
Мало приданого давал,
Маленьку телушечку
Коротеньку пальтушечку".

(Запис. в Рождестве.)

2. Запись весной 1923 г. (со слов девочек-подростков).

13*.

На пѐчи спал,
С печи оборвался.
Не грех [3]) тебя гнал,
Зачем не держался.

14.

На печи спал,
На корачки стал.
Рукам всплеснул,
Опять заснул.

---

[1]) Повторяется в записи И. В. Гришанова 1924 г.

[2]) Повторяется в 1921 г. (Запись Сережи Большакова) с небольшими изменениями: 1) „Какорки" 2) „Воду лаптем".

[3]) Повторяется у Сережи Большакова: вместо „не грех" более употребительно выражение: „не чорт".

Ср. белозерскую частушку:

„Был у тещи в гостях—
С печи оборвалсы.
Тя не леший пехал
Што ты не держалсы?

(Бр. Соколовы. Op. cit. № 829).

15.

Не возрадуйся, плешивый,
Над своею головой.
Во всю голову плешины,
Нет волосок ни одной.

16.

Полюбила писаря,
Что теленка лысого.
Ему некогда писать,
Только лысину чесать.

17.

Не сама я пляшу—
Меня черти трясут.
Чертеняточки за пяточки
Подяргивают.

18.

Дедка лапти ковырял
Ковырялку потерял.
Бабка стала избу месть—
Ковырялка тут и есть.

19.

Старики вы, стары деды,
Неразборчивый народ!
Молодые помирают—
Вас и грех не приберет.

20.

Я коровушку доила,
А корова не стоит.
Я корову кулаком:
Бог с тобой и с молоком.

21.

У меня баретки есть
Берегу их к лету.
А по совести сказать,
У меня их нету [1]).

22.

Извините, господа,
Что я не нарядна.
Я четыре сарафана
Перешила на два.

23.

Извините, господа,
Что я не уборна.
Я у барыни жила,
Сковородки терла.

24.

Я у барыни жила
В большом переулке.
Батька матку продавал
За четыре булки.

---

[1]) Рязанск. вариант: У меня калоши есть,
Наблюду их к лету,
А по совести скажу,
У меня их нету.

№№ 21, 22, 23, 24 — не местного происхождения.

Осень 1923 г.

25.

Я по Невскому катался
Таракана раздавил.
Я за эту животинку
Три копейки заплатил.

26.

Гадышевские идут,
Что лебеди белеются.
Своих девок не ведут
На городских надеются[1]).

27.

Батька лошадь запрягает,
Матка вожжи не дает [2]).
Батька матку поцелует,
Матка козырем пойдет.

1924 г.

28.

Меня маменька рожала,
Три версты бегом бежала,
Родила и вымыла,
На печку в угол кинула [3]).

29.

В другой деревне, не у нас
Ребята хитрые гораз:
У ворот поставлены,
Ворон считать заставлены.

30.

Как у нашего у тяти
Жонка бологóвочка.
Ему не надо сусла, пива,
Надо самогоночка.

*(Повторяется
у Сережи Большакова.)*

Запись Сережи Большакова.

31.

Саночки дубовыи,
Папы [4]) гулять здоровыи.
Саночки ореховы,
Папы гулять поехали.

32.

Где ухваты и лопаты,
Там гараденския ребяты.
Ане ребяты ничего —
Зачем скакают на чело.

---

[1]) Вероятно, составлена в Городке.
[2]) Вариант „Подает“; (Рожд.)
[3]) Вариант: „Бежит, бежит — оглянется:
Куда чертенок тянется!“
[4]) Орфография подлинной записи.

33.

Гараденску халастешь
Пад лаханью не найдешь,
Нагой ступишь и раздавишь
И кастей не саберешь.

34.

Тпру, машина, тпру, вагон,
Залаты калесы!
Сидит барин на вагоне—
Курит папиросы [1])

35.

Мальчишка в беленькой рубашке
Потерялся в березняшке.
Снежок беленький напал,
Мальчишка без вести пропал.

36.

У гадышевских у ворот
Стоит нетесаны столоп,
А на столбе-та ве́елка
Харошая дере́венка.

37.

У меня титьки по пуду,
Я плясать боли не буду,
А мне тятька приказал—
Визи титьки на вагзал.

38.

А хахи, хахи, хахи,
Не ходит лошадь во сахи.
Запрягу я борану—
Конь подынет голову.

39.

На Демянским на лугу
Стояла чашка творогу.
Прилетели две титери,
Покливали, улители.

40.

У нас мельница и кузница,
И баинка своя,
Мы помелим, покуем,
В субботу в баинку пойдем.

41.

Мой папаша с ума сходит.
На биседу са мной ходит.
Он с усам и збарадой
Сидит здивчонкой смаладой.

42.

Завтра праздник, воскресенье
Нам какорак напекут,
И помажут и покажут
А поесь-та не дадут. [2])

---

[1]) Встреч. в Моск губ.

[2]) Ср. Моск.

Па́ук, Па́ук асисе́ня,
Завтра будет воскресенье:
Мать лепешек напечет,
И помажет и покажет,
И на полку уберет.

Из записей И. В. Гришанова (9 лет).

43.

Шла торговка мимо рынка,
Спотыкнулась на корзинку.
В этой маленькой корзинки
Есть помада и духи,
Ленда, кружавы, ботинки,
Что угодно гледуши [1]).

44.

„Дождик, дождик, пуще!
Наварила гущи.
Гуща воняет,
Куриц гоняет.
Курицы кокочут
Яицы лопочут.
Всем по яичку
А Ваньке затычку.

(Запис. в д. Боровно Валд. у.).

VIII. Злободневные и политические.

Весна 1923 г.

1.

Троцкий Ленину сказал:
Пойдем, Ленин, на базар,
Купим, лошадь карию,
Накормим пролетарию.

1923. Осень.

2.

Дезертиры, дезертиры,
Дезертирам горюшка;
Отряд карательный в деревню,
Дезертиры в полюшко [2]).

3.

Раньше все была Россия,
А теперь республика;
Ей коммуна управляет,
Мазаная публика.

---

[1]) Детская присказка, которую поют, когда нужно выбрать водильщика — распространена везде.

Вот для сравнения московская деревенская присказка, которая употребляется при игре в хороннички (пряталки):

Ехал мужик по дороге,
Сломал колесо на дороге.
Спрашивает, сколько гвоздей —
Говори поскорей.

Обращаю внимание педагогов на задачу собирания этих детских побасенок, связанных с играми.

[2]) См. вариант: А. Большаков „Советская веревка“, стр. 132.

4.

Чибулак г . . . . ки ел,
Всей деревни надоел.
Он землицу обрезал,
Землимеру гуся дал.

Землимеру гуся мало—
Он ему полпуда сала.
И на том не обошлось—
Мишок ржи отдать пришлось [1]).

[1]) Последнее — не частушка, а сатирический памфлет в литературной обработке.

В соседнем селе Рождестве от У. М. Стуколовой — 40 лет — записано несколько приведенных выше вариантов коротких песен; почти весь текст длинной песни № 4, а также следующие частушки:

1.

Кто бы, кто бы покосил,
Тому бы я пожа́ла.
Кто б про горюшко спросил,
Тому бы рассказала.

2.

Высоко пташечка летаешь
Крыльям небо достаешь.
На время, душечка, кидаешь
Или на век отстаешь?

3.

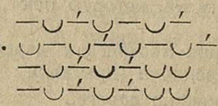
Под окошком распашу,
Березку с елкой посажу,
Расти, березка, елочка,
Ходи почаще, кро́вочка.

4.

Уж ты, тятенька родной,
Дай-ка пачпорт годовой.
Дай-ка пачпорт годовой
Не дожидай но́неч домой.

5.

Ах ты, тятька дорогой.
Давай разделимся с тобой.
Тебе соху борону,
Мне чужую сторону.

6.

Говорила я мило́му,
Не богатаго я доту:
Дорогая ты моя,
Не гляжу на это я.
(Последние две поются и в Моск. губ.).

ПРИЛОЖЕНИЕ 6-е.

ИЗ РАССКАЗОВ О КРЕПОСТНОМ ПРАВЕ.

1. Мина Егоров (по рассказам его сыновей Кузьмы и Ивана Минаевых) [1].

Мина был родом из Полного, а в Гадыши попал таким порядком. Был он у барыни дворовым. Кроме него, дворовых не было. Барыня хотела, чтобы он жил при ней, но Мина все ходил по заработкам, а дома не жил. У барыни был сожитель, вот этому-то сожителю Мина и не хотел служить. „Если прогонишь сожителя, — говорил Мина, — буду тебя поить-кормить и все справлять; а не прогонишь, не стану жить“. Так и не жил дома. Поживет на стороне, принесет оброк: „Хочешь—бери, а не хочешь— не бери, а жить дома не буду“. Когда барыня грозилась, что она заставит его жить дома, Мина отвечал: „Ничего не сделаешь, барыня; у меня денег полный кошель, — всех закуплю“.

Вот раз пришел Мина с оброком, а барыня с сожителем уговорились запереть его и побить. А Мина был здоровенный мужик,— он отколотил барыниного сожителя, а сам ушел. Барыня заявила приставу, а Мина пристава закупил — дал ему 40 рублей серебром, по тем временам большие деньги. Пристав и сказал барыне: „Я Мину выдрал здорово — 100 розог всыпал; теперь он не встает, лежит в больнице“. — И взял он с барыни за два месяца за больницу деньги, что полагается. А в самом-то деле пристав Мину и пальцем не тронул, и в больнице Мина только ел да спал. Потом Мина ушел опять на работы к Пестрикову в Гадыши. Пестриков же с его барыней были свои. Она ему Мину и продала.

Мине было 40 лет, а он был не женат. Барин решил его женить. В те времена господа выдавали работящих девок и из хоро-

---

[1]) См. т. I, приложения „Что рассказывают о креп. праве“. Приводимые здесь рассказы вместе с рассказами У. М. Стуколовой дают некоторое представление о народном не стихотворном языке.

шего дома за ленивых парней или за бедняков: она, мол, его поддержит, и вместе будут тягло тянуть; а за работящих хороших парней выдавали негодящих девок: он, мол, будет дом держать и жену направлять. Равняли.

У Мины не было ни кола, ни двора, — вот барин и решил выдать за него Дашу, дочь самого богатого крестьянина Платона. 3 раза скидавала Даша с себя венцы в церкви, да родные уговорили. Не на добро, а вышла: бил ее покойник смертным боем. Так забил, что молодая и померла.

Не любил старик Мина, когда вспоминали, что он бил жену. Говорил, что и не бил. А Кузьма, бывало, и скажет: „Ну да, не бил, папаша, только обжой учил (Кузьма-то — старший, хорошо помнил все). Так старик рассердится, разбранится, что страсть. Дожил Мина до 100 лет, 25 лет был слепым. Заговаривал „от лесу“: потеряется лошадь; к нему придут, он молитвы почитает, пошепчет, и скажет, где искать [1]. Старик был сердитый— все бывало ходил по деревне слепой и ругался с соседями. При крепостном праве Мина был у барина Пестрикова старостой.

2. Невольный брак.

(Рассказ Катерины Аполлоновой, 80 лет.)

Господам была своя воля. У нас [2] был барин, тот девок брал себе на мытарство. Возьмет одну, мытарит, мытарит, потом отошлет к отцу, возьмет другую. Так всех девок и переберет. И замуж силой выдавали. В Гадышах была красивая девица Анна, так ее барин выдал за Митрея Федотова, был он вроде как дурачок. Она говорит барину: „Не буду я с ним жить“; а барин говорит: „Не будешь жить, мы тебя будем сечь“. Вот выдали ее замуж, а она с мужем никак не спит. Как только ночь подходит, одевается, подпоясывается и идет спать в клеть, да еще девок к себе зовет спать. Ну, девки иной раз придут, а иной раз и не придут. А потом она и совсем сбежала в Новгород — жила там два года. Потом ее поймали, привели, она барину и говорит: „Что хочешь со мной делай, а жить с ним не буду“. Вот велел барин ее сечь. А у нас староста был Тихàн: хороший был староста — добрый. Тихàн-то и говорит Анне: „Ты знай кричи больше, а мы тебя не тронем“. Нагото-

---

[1]) Учитель Пестриков рассказывал, что ему в молодости пришлось за этим однажды прийти к Мине: тот, поколдовав, велел итти в Высокое, и лошадь сразу там нашлась.

[2]) Она родом из дальней деревни, за станцией „Бологое“.

вили розог и повели Анну в гумно. Стали ее мужики сечь, бьют розгами по полу, а она кричит не своим голосом: „Ой, батюшки! ой, убили!“ А барин-то стоит на крыльце и слушает. Когда кончили сечь — пошли с гумна, он и говорит мужикам: „Вот, ребятушки, спасибо, что здорово ее отодрали“. А ее и не драли.

После она все-таки с мужем жить не стала, и барин их развел: „Ты, — говорит ей, — Митрей, плети лапти, а ты, Анна, каждую субботу давай ему чистую рубашку, — вот и все“ [1]).

3.

Про мужа Анны „Митрея“ Кузьма Минаев (70 лет) рассказал такой анекдотический случай:

Митрей представлялся дурачком, чтоб ему не работать. Вот отец привел колдуна его отговаривать. Колдун повел Митрея под нашест, шепчет-шепчет. А Митрей-то как начал его колотить — колдун со двора прочь. После зовут его: „Ты бы, дедушка, пришел пообедать“, а он и к дому боится подойти.

Про него же Аграфена Тимофеевна (56 лет) рассказывала следующее:

— Мы, девчонки, его, бывало, дразним: озорной был старик. Придем к нему двое, а он лежит на печи. Вот одна говорит: „Дедушка, погадай мне“. А другая спрячется. „А ты одна, девушка?“ — спрашивает Митрей.

— Одна.

— Ну полезай ко мне на печь.

— Да я, дедушка, не озябла.

— Полезай, полезай, я тебя погрею.

Тут мы расхохочемся, а дед начнет нас ругать: „Ах, вы, ведьмы!“ Такой был озорной.

---

[1]) О судьбе Анны я получил только отрывочное сообщение, что она — в конце концов — ушла в город и там „пошла по рукам“.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7-е.

КРАТКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ РАБОТ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВОЛОСТЯМ И ОТДЕЛЬНЫМ ДЕРЕВНЯМ.

1. *Я. Я. Яковлев*. „Деревня, как она есть". „Красная Новь". М. 1923 г. Стр. 132, in octavo. Ц. 50 к. Описание обследования Никольской волости, Курской губернии, произведенного группой ответственных работников по постановлению Ц. К. компартии. Работа ценна тем, что дает яркие картины быта и смело вскрывает больные места современной административной и хозяйственной работы в деревне. Из отдельных вопросов хорошо освещен вопрос о кооперации и частной торговле.

2. *Его же*. Наша деревня. Стр. 176, цена 70 к. (Новое в старом и старое в новом.) М. 1924 г. Итоги обследования Знаменской волости, Тамбовской губ. Автор ставит задачей— помочь осуществлению мысли Ленина о переходе в политике партии по отношению к деревне от общих фраз к точному учету конкретных условий кооперирования, помощи бедноте и т. п. Книга производит впечатление более официальной, менее живой и литературной, чем первая работа. Но затронуты очень важные вопросы деревенской экономики, при чем подход к ним попрежнему смелый и критический. Так, даны яркие примеры ненужности и даже вредности типичных совхозов, типичных комитетов взаимопомощи. Указаны случаи систематического нарушения законов о налогах; отмечено разрушение школьного дела, безграмотность партийных ячеек. Однако, в *практических* предложениях автора чувствуется большая *непрактичность*, как в предыдущей, так и в этой книжке. Так, на стр. 159 автор сетует на то, что не выполнено постановление партийного съезда о том, чтобы „в каждую волость месяца на $1^1/_2$ отрядить 2—3 учителей, одного естественника, одного коммуниста". Очевидно, автор не подсчитал числа волостей в СССР, числа коммунистов-педагогов, числа свободных от занятий естественников, — иначе у него рука не повернулась бы писать подобные вещи. Ведь для *реального* осуществления

подобной меры по всем волостям, конечно, не хватило бы годового бюджета Наркомпроса. Автор еще не совсем проникся процитированными в предисловии словами Ленина о необходимости практического подхода к разрешению вопросов деревенской политики; иначе он должен был бы выдвинуть мысль об окончательном отказе от очередных *ударных* набегов на фронте просвещения в деревне и о переходе к планомерному строительству камень за камнем.

3. *А. М. Большаков*. Советская деревня (1917—1924). Стр. 172, цена 80 к. Экономика и быт. Издат. „Прибой". Ленинград, 1924 г. (описание Горицкой волости, Тверской губ.). Итог длительной работы автора в течение нескольких лет. Доклады о ней делались, как видно из предисловия, в Исследовательских Институтах при Ленинградском Университете, а также при П.-Разумовской с.-х. академии.

Основной недостаток работы — некоторая поверхностность и необоснованность суждений. Недостаток этот вытекает из неясности плана обследования. Обследование волости или деревни ценно тогда, когда дает многообразный, хорошо проверенный и систематизированный сырой материал. Конечно, у автора могут быть свои общие выводы, полученные путем анализа материала, но эти выводы следует строго сообразовать с рамками обследования, не распространяя их на весь наш огромный Союз. Ценность всякой краеведческой работы не в обобщающих выводах, а в учете особенностей данного района. Краеведческие описания должны носить ярко местный колорит. Автор иначе смотрит на свою работу и пускается сплошь и рядом в самые общие рассуждения (например, дает на стр. 45 проект коллективизации 52% крестьянских хозяйств, для обоснования которого использует уже не свой материал, а обрывки общей статистики).

Но по широте обследования работа Большакова богаче работ Яковлева, в ней есть много ценных наблюдений над бытом, который хорошо знаком автору.

В приложениях помещен ряд таблиц по экономике деревни и истории хозяйства. Исторические таблицы, например „Сравнительная тяжесть обложения земли" безусловно составлены неправильно, особенно в той части, которая относится к XVI—XVII векам; для XVI в. автор берет сводные данные о налогах у Рожкова; для XVII в. данные по Вологодской губ., для 40 г.г. XIX в. данные по Раненбургскому у., Рязанск. губ., для 70 г.г. общие данные по Тверской губ., которую автор наблюдал.

Таблицы имели бы действительную научную ценность лишь в том случае, если бы они были составлены применительно к одному району.

Кроме того, имея в виду, что определение ценности денег у Рожкова и Ключевского можно считать устарелым, данные, для XVI—XVII в. вообще малоценны: так, очень сомнительно, чтобы в XVI в. платежи были в 5 р. выше, чем в XIX в.

4. *Я. Дорофеев.* „Деревня Московской губ.“. 47 стр., ц. 10 коп., изд. „Моск. Рабочий“, 1923 г.

Описание Серединской волости, Волоколамского уезда, сделано кратко и сухо. Снабжено рисунками. Интересны бытовые детали в изображении судеб культурно-просветительной работы в волости (катастрофическое падение в 1921—22 г.).

5. *Шохин.* Комсомольская деревня. Дано описание активной работы комсомола в деревне Курской губ.

6. *Дыский.* „Опыт монографического описания дер. Бурцевой, Волоколамского у.“. Под ред. и с пред. губ. агр. Степанова. М. 1923 г., изд. Выставочн. к-та МОЗО, Стр. 132, цена 50 к.

Очень ценная монография, которую с интересом прочтет и специалист агроном, и обществовед. Главное содержание работы — описание современного состояния сельского хозяйства и учет доходности отдельных его отраслей. Хозяйство деревни Бурцевой передовое, рациональное, описана история перехода от трехполья к многополью и история молочной кооперации в деревне. Рассмотрены также естественные условия местности, а равно освещена эволюция быта. К работе приложено 20 таблиц. В работе, однако, есть один досадный недостаток: недостаточно выяснен вопрос о разных типах крестьянских хозяйств. Учитывается валовой доход деревни, на основании которого можно вывести среднюю для двора. Но отклонения от средней в ту и другую сторону всегда бывают значительны. Об этих отклонениях мы узнаем мало. Вообще тщательных наблюдений над отдельными хозяйствами, точных бюджетов крестьянских хозяйств мы в книге не найдем. В остальном автор тщательно и добросовестно изучает материал и умело пользуется общепринятыми вычислениями доходности, трудоемкости и т. п.

7. *В. Н. Алексеев.* „Опыт монографического описания дер. Курово, Дмитровского у.“ — то же издание. М., 1923 г., 68 стр., ц. 35 к.

Работа аналогична с предыдущей, но в ней меньше историко-бытового материала. Довольно полно освещена деятельность кооперации в деревне.

8. „Как живет и чем болеет деревня“. „Прибой“ — Ростов Дон, 1924 г. Редакция Янчевского (по материалам комиссии по обследованию деревни на юго-востоке). Работа предпринята Ю.-В. бюро Ц. К. Р.К.П., следовательно, аналогична работам

Яковлева. Обследовано особыми комиссиями по 3 пункта в Донской и Кубанской областях, в Ставропольской губ. и Горской республике. Книга весьма ценная. Исследование произведено с возможной объективностью так же, как в брошюрах Яковлева.

9. „Наша волость“ (2-е Метод. письмо Гус'а, 1924 г.) Описание Никольской волости, Раненбургского у., Рязанской губ., сделанное, как можно заключить из предисловия, учениками Гагинской опытной станции под руководством школьных работников, супругов Рождествиных, применительно к программе обследования деревни, разработанной при участии М. Я. Феноменова. — Книга интересна, как опыт краеведческой работы учителей, но „методическим письмом“ она названа неправильно: в ней нет ни методики, ни примеров чисто школьной проработки краеведческих тем.

10. Революция в деревне. Работы студентов под ред. Тана-Богораза. Ленгр. 1924 г. Описания отдельных волостей Северного края, центра (Ростовск. у.) и Юга (Кавказ). Материал весьма интересный, но односторонне подобранный и еще более односторонне освещенный. Преобладают наблюдения над бытом; хозяйство и управление на втором плане. Освещение бытовому материалу дано восторженно поверхностное, разность бытового переворота преднамеренно усилена. Сравнительно с брошюрами Яковлева книжка имеет гораздо меньшее научное значение.

11. *А. С. Говоров.* „Монографии крестьянских хозяйств. Самара 1924 г. Автор-агроном, работал на Безенчугской опытной станции, хорошо знает деревню. Он задался целью для выяснения динамики крестьянского хозяйства поставить систематические наблюдения в течение ряда лет над отдельными крестьянскими хозяйствами. В брошюре приведено 6 описаний отдельных хозяйств, взятых из деревень южной части Самарской губернии; и приложена „Схема монографического наблюдения над крестьянскими хозяйствами“. Брошюра Говорова необходима всякому, кто работает по обследованию деревни.

Дополнения к отдельным главам.

1. О междудеревенской розни — I, 1, стр. 12.

По рассказам б. начальника артиллер. склада в Куженкине Б...вича, в с. Хотилове на праздниках всегда бывают кулачные бои: нижний край идет на верхний. Толпы парней с песнями и гармоникой приближаются друг к другу; их окружают ребятишки. Когда начинается бой, ребятишки подносят парням своей стороны камни. Камнями или бросают издали или — чаще — бьют ими, зажав их в кулаке. После каждого боя бывают тяжело раненые, с поломанными ребрами. Однажды Б...ович был в Хотилове во время праздника с отрядом вооруженных артиллеристов. Как раз случился в это время кулачный бой. Конные артиллеристы с большим трудом, врезавшись между двумя то́лпами, остановили сражение.

Иногда кулачные бои приводят к убийству и даже к серии убийств, к своего рода кровной мести.

Во время кулачного боя между деревнями Юрово и Ле́жиево — близ Куженкина — лежневцы победили и прогнали юровцев. Юровцы затаили в душе зло. Когда после случился праздник и один лежневский житель, кондуктор, проходил с праздника вечером через Юрово, юровские напали на него, стали бить ломом и убили на смерть.

Когда после среди железнодорожных служащих обсуждали смерть кондуктора, то раздавались такие голоса: „Теперь ему (убийце кондуктора) живому не быть; у него (у кондуктора) братья есть, там-то и там-то служат. Постоять есть кому“.

2. Некоторые детали старинного свадебного обряда — I, 2, стр. 21 — 23.

В старину всегда, а теперь только местами в некоторых семьях соблюдаются такие обычаи.

а) Перед вечеринкой невеста ходит в последний раз на беседу. Девицы туда и обратно ведут ее с песнями:

„Уж ты, Дунюшка, изменьщица;
Изменила нам подруженькам:
Говорила — не пойду замуж
Ни за князя, ни за барина
Ни за лютого татарина
Говорила, в монастырь пойду,
В монастырь пойду, в монашенки,
Красных девушек с собой возьму.

А на беседе жгут невестину красоту: возьмут куделину (невеста приходит с прялкой), отвяжут, растреплют и подожгут. Она в воздух и сгорит, а в это время кричат: „Красота горит“.

b) Перед вечеринкой накануне свадьбы невесту водят в баню — она прощается с девицами и отдает им свою красоту. Плачет и причитает также после вечеринки и в день свадьбы перед приездом жениха.

с) Перед поездом в день свадьбы девицы садятся за стол в доме невесты и собирают как ни можно больше денег. Когда приезжает жених, они начинают всячески его колоть: „Какой ты жених, ты телятина, у тебя ничего нету, а у нашей невесты вот сколько денег“. При этом вытряхивают деньги на стол. Они уходят из-за стола только тогда, когда им дадут денег.

d) Когда приведут невесту от венца, у нее лицо закрыто большим платком. Дружка подводит невесту к столу и зовет мать: „Родимая матушка, Аграфена Тимофеевна, повыйди, повыступи к открытию дорогой княгинюшки Марьи Васильевны. Сама посмотри и нам покажи“. Мать выходит с пирогом, закатывает угол платка в пирог и так открывает невесту. Народ, который набился в избу смотреть, кричит: „Наша лучше!“ или „Наш лучше!“ а потом „Оба хороши!“ или „Все хороши!“

Гости садятся за стол.

Девицы в это время поют песни („припевы“) жениху, невесте, дружке, гостям. Ради шутки припоют и посторонним: например, гостю с какой-нибудь девицей или женщиной, и заставят их поцеловаться.

Образец „припева“: 1) „Уж ты, друженька . . . .“ 2) „По барам-барам . . . .“ имя вставляется любое в соответствии с тем, кому припевают.

Гости дают девицам деньги, „торкая“ их в ломоть белого хлеба. Того гостя, который передает девицам ломоть с деньгами одна из девиц целует.

е) Когда невеста на следующее утро после свадьбы „пашет“, избу, гости зарываются в солому, в соломе валяются, „буркают“,

как поросята, и не дают ей подметать. Невеста гостей целует, а дружке дает подарок — платок, кисет, полотенце. Родня жениха дарит при этом невесте деньги.

Когда молодая идет за водой — это бывает до „паханья избы", дружки ее ведут и показывают дорогу. Она старшего дружку дарит.

3. О новых общественных организациях в деревне — II, 4, стр. 43.

„Теперь председателем сельсовета Миша Большаков [1]), сын Алексея Васильевича. А. В. Большаков председателем комитета взаимопомощи. В настоящее время он нигде не служит, продал швейную машину и сторговал уже лошадь, на-днях приведут: думает заняться работой на лошади. У нас в деревне есть кооператив, приказчиком в нем Вася Большаков (Колчак). Коля председателем и счетоводом. Так что дела мужу по горло, — и школа, и кооперация, и к тому он еще состоит председателем организованной рабочей артели. Сегодня опять уехал в Фирово, теперь [2]) исполком наш там, а не в Рождестве, так что на собрания ездить далеко. Недавно кончилась двухнедельная учительская конференция, которая была в Рождестве, куда каждый день ему приходилось путешествовать....

У нас в деревне организована изба-читальня и ячейка комсомольцев. Вообще молодежь принялась за дело. Выписывают много газет и журналов, и каждый вечер собираются вместе читать. Федя Кузнецов так и не мог получить командировки на поступление в рабфак, хотя ему и было обещано председателем Наробраза, а уж очень он желает учиться....

(Из письма В. А. П. 8/x 1924 г.)

4. О заговорах и колдовстве. — IV, 1, стр. 82.

Ульяна Стуколова, о которой говорилось выше, рассказывала, как ее дедка в великий четверг подкараулил колдуна. Ульяна убеждена, что колдуны есть. „Да теперя у нас маленькие колдуны естя, ну, глупость, куриц привораживают, чтобы у них клались чужии, а то молоко отымают, только теперь малость стали, редко делают".

---

[1]) Был в 1921 г. председателем ячейки комсомола, потом был призван в Красную армию, откуда недавно вернулся.

[2]) С укрупнением волостей Рождественская волость упразднена.

Вопрос: „А все-таки случается, что отымают?“

Ответ: „Да как же не случается: у онного три коровы, а он без масла картошку йис, у другого онна, а оны с маслом едят, да ешшо продают“.

Вопрос: А что еще колдуны делают?

Ответ: „Ну там рожь пережинают: по онному колоску все поле перемнет“.

Вопрос: „Да как же он рожь-то не потопчет?“

Ответ: „Да рази он сам жнет! Змеи жнут, нечистяки, они на него работают“.

Далее как раз следовал рассказ о том, как дедка Ульяны чуть было не подстрелил колдуна в чистый четверг.

„И знаете, все эти нечистики собираются к колдунам в чистый четверг. Вить вы знаете, когда это там бывает чистый четверг. В чистый четверг они рожь пережинают [1]) и всякую работу делают [2]). Вот у нас в деревне в старину жил колдун. Настоящий был колдун — и поле пережинал и все делал. А дедка-то мой знал, что колдуны работают в чистый четверг. Он взял ружье и сел под куст. Приходит колдун, стал под осиновое дерево и призывает всех нечистиков. Разные звери к нему собрались — и с хвостом, и с рогам, а больше все гады, змеи то-ись, и вот колдун стал посылать их на свою работу. И потом встал дедка из за куста и хотел колдуна стрелить. Колдун стал на колени и зачал просить прощенья и клятьбу ему дал, что больше не буду никогда этого делать. С тех пор и вправду не стал этого делать. Теперь у нас больших колдунов нету, все поздохли, поколели большии колдуны.

Ну все ж таки крестьяне берегутся — во дворе под заннии ворота осиновое полено кладут. Уж они знают, что колдун никогда через пережнии ворота не войдет, а всегда через заннии, вот они и кладут осиновое полено, через осиновое полено ему не перейтить, — осина не пропускает колдовства“.

Заговор от грыжи.

Старший из детей в доме берет мошонку с грыжей в рот и начинает ее грызть. Мать больного ребенка спрашивает: „Что ты делаешь?“

Он отвечает: „Грызь грызу“.

---

[1]) Любопытный анахронизм: в чистый четверг, т.-е. в апреле – марте пережинают рожь.

[2]) Представление о роли нечистиков обратное тому, которое сбрисовывается в рассказах градобицких крестьян, приведенных в тексте; там колдун работает на чертей, здесь — черти на колдуна.

Мать говорит: „Грызи хорошенько, чтобы век не болело".

Вопрос и ответ надо повторить три раза [1]).

Грыжу у взрослых называют килой. Верят, что если кинуть в огонь соли, то кила заиграет, что доставит больному неприятные ощущения.

В больнице лежал И. И., больной грыжей (килой). Сиделки его не любили. Вот одна и говорит другой: „Брось соли в огонь,— пусть у него кила поиграет". — „Ну, что ты", — отвечает другая, я боюсь — он доктору пожалится".

Примета: Стричь и бросить ногти считают грехом. Боятся, что на том свете придется их собирать. Поэтому срезанные ногти собирают и складывают за ворот рубашки, за пазуху.

5. Народное средство от грыжи. — IV, 2, стр. 83.

Надо наскоблить зелени с медной копейки и выпить ее с молоком или съесть с пищей, например, с кашей. После нескольких приемов этого лекарства грыжа проходит.

(Сообщ. Е. Барановой и У. Стуколовой.)

6. Языческие праздники. — V, стр. 111.

В Гадышах я не наблюдал празднования семика [2]), Иванова дня. Но зимой и здесь и в окрестных деревнях распространен обычай жечь масленицу. В последний день масленицы вдоль улицы и за деревней вдоль дороги зажигают солому и смоляные бочки. Деревни, лежащие около артиллерийского склада, воруют там к этому дню материалы для бенгальских огней. Вокруг огня толпится молодежь, толкают друг друга в огонь. Потом начинается пляска, пляшут и пожилые. В Гадышах жгут только солому и бочки, а около Куженкина жгут чучела из соломы („масленицу"), при чем похваляются друг перед другом: „Моя масленица была лучше! Моя масленица лучше горела!" На масленице каждая женщина должна покататься хоть один раз, чтобы у нее в этом году уродился лен.

На святках языческих обычаев нет — молодежь ходит со звездой.

В Троицын день на могилку кладут яица (их берут нищие). В Троицу же носят на могилку пучки березки, вроде веников, чтобы покойники попарились.

[1]) Заговор сообщен Е. Барановой. У. Стукалова сказала, что у них этот заговор давно знают и много раз пробовали, но что от него нет никакой пользы.

[2]) В деревнях около Новгорода до конца XIX в. существовал обычай на Троицын день украшать березку и устраивать при этом пляски и сборища. Полиция эти сборища вблизи самого города очень усердно разгоняла.

Ряд языческих обрядов совершается в великий четверг: прежде всего в этот день посреди избы на заслонке жгут верес, т.-е. можжевельник. Каждый должен через горящий верес перешагнуть. Делается это для сохранения здоровья.

В тот же день рано утром приносят с реки воду: принесут и попьют — тоже для здоровья.

Рано утром до свету под рассадник садятся, в котором садят капустную рассаду, садятся те, у кого маленькие волоса. Верят, что от этого волоса вырастут большие.

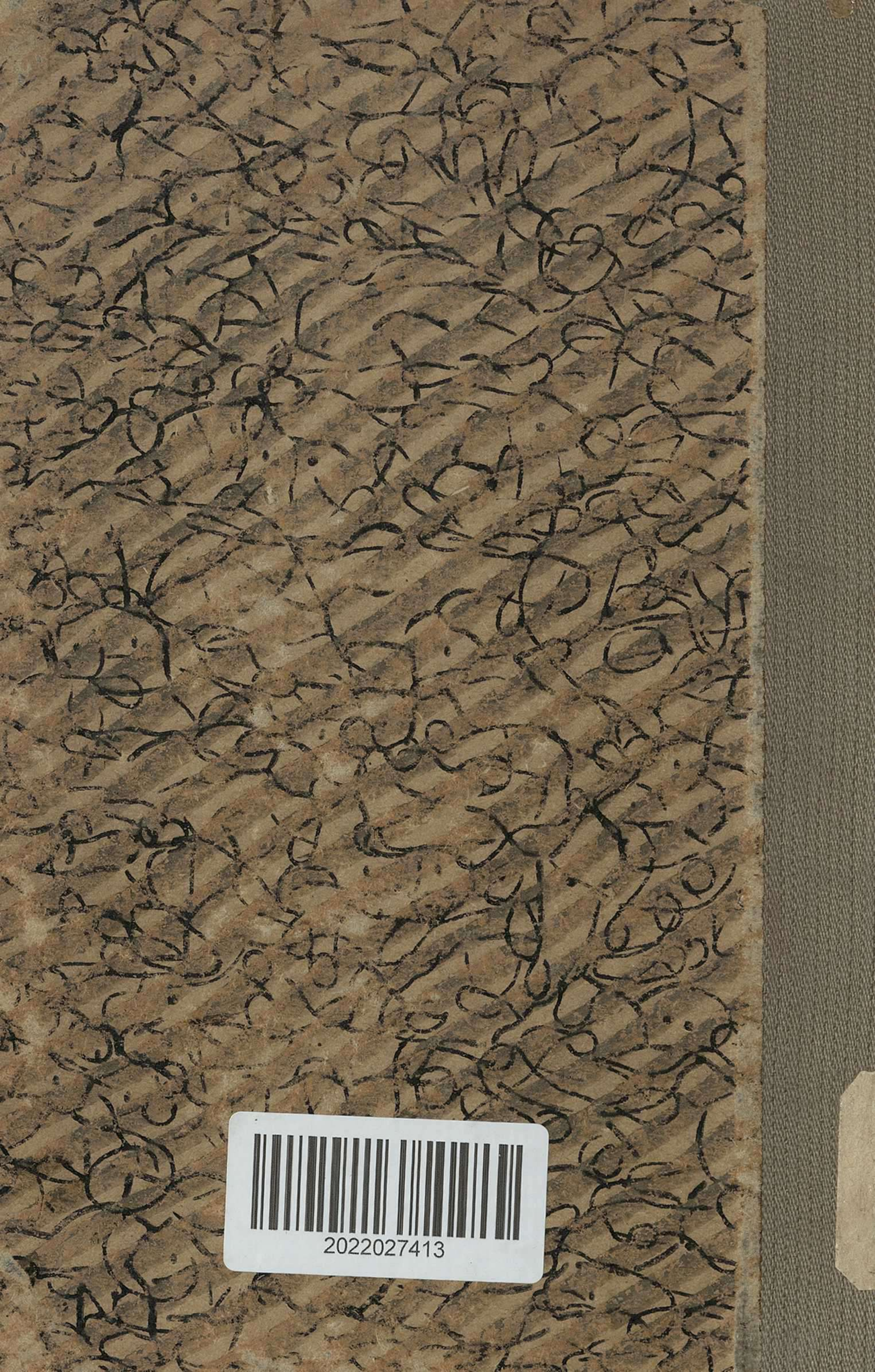
О приготовлении четверговой соли, которую кладут за „парсок“, см. в тексте стр. 81.

О значении чистого четверга в деле колдовства см. выше, дополн. 4.

Рисунки в 1 и 2 частях этой книги сделаны художником *Г. П. Болмасовым.*

Оглавление.

Цена 1 р.

2022027413